

Журнал основан в 1918 г.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

**ТАВРИЧЕСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА
им. В.И. Вернадского**
Научный журнал

Серия «Филология. Социальные коммуникации»

Том 27 (66). № 2

Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского

Симферополь, 2014

Редакционная коллегия:

Багров Н.В. – д-р геогр. наук, проф., член-корр. НАНУ(председатель)
Шульгин В.Ф. – д-р хим. наук, проф. (зам. председателя)
Дзедолик И.В. – д-р физ.- мат. наук, проф. (секретарь)

Члены совета (редакторы серий)

Богданович Г.Ю. – д-р филол. наук, проф.	Копачевский Н.Д. – д-р физ.-мат. наук, проф.
Берестовская Д.С. – д-р филос. наук, проф.	Лазарев Ф.В. – д-р филос. наук, проф.
Вахрушев Б.А. – д-р геогр. наук, проф.	Подсолонко В.А. – д-р экон. наук, проф.
Габриелян О.А. – д-р филос. наук, проф.	Темурьянц Н.А. – д-р биолог. наук, проф.
Казарин В.П. – д-р филол. наук, проф.	Ротань В.Г. – д-р юрид. наук, проф.
Кальной И.И. – д-р филос. наук, проф.	Шульгин В.Ф. – д-р хим. наук, проф.
Канов А.А. – д-р экон. наук, проф.	Петрова Э.Б. – д-р ист. наук, проф.

Редакционный совет серии «Филология. Социальные коммуникации»

Богданович Г.Ю. – д-р филол. наук, проф., ТНУ (редактор раздела «Социальные коммуникации»)
Казарин В.П. – д-р филол. наук, проф., ТНУ (редактор раздела «Филология»)
Александров А.В., д-р филол. наук, проф., Одесский национальный университет
Борисова Л.М., д-р филол. проф., ТНУ
Гуменюк В.И., д-р филол. наук, проф., ТНУ
Ищенко Н.А., д-р филол. наук, проф., ТНУ
Меметов А.М., д-р филол. наук, проф., ТНУ
Новикова М.А., д-р филол. наук, проф., ТНУ
Селендили Л.С., канд. филол. наук, доц., ТНУ
Орехова Л.А., д-р филол. наук, проф., ТНУ
Петренко А.Д., д-р филол. наук, проф., ТНУ
Прайд Ю.Ф., д-р филол. наук, проф., ТНУ
Ризун В.В., д-р филол. наук, проф., Ин-т журналистики Киевского нац. ун-та
Сидоренко Н.Н., д-р филол. наук, проф., Ин-т журналистики Киевского нац. ун-та
Ященко Т.А., д-р филол. наук, проф., ТНУ
Егорова Л.Г., канд. филол. наук, доц., ТНУ (ответственный секретарь)

Печатается по решению Ученого Совета
Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Протокол № 9 от 25.09.2014 г.

© **Таврический национальный университет, 2014 г.**

Подписано в печать 28.11.2014. Формат 60x84 2/3 усл. изд. л. 37,5. Тираж 500.

Отпечатано в типографии издательства "Оджакь".

ул. Трубаченко, 23а, г. Симферополь, 95040

«**Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського**»

Науковий журнал. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». Том 27 (66). № 2.

Сімферополь, Таврійський національний університет ім. В.І.Вернадського, 2014

Журнал заснований у 1918 р.

<http://www.nbuv.gov.ua/portal/natural/uztnu/texts.html>

Адреса редакції: проспект Вернадського, 4, м. Сімферополь, 95007

Надруковано у типографії видавництва "Оджакь"

вул. Трубаченко, 23а, м. Сімферополь, 95040

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

УДК 070

**Региональное информационное пространство Крыма:
реалии и вызовы времени**

Богданович О. И.

*Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского,
г. Симферополь, Республика Крым
ojureva@inbox.ru*

Статья описывает настоящую проблематику регионального информационного пространства Республики Крым и стратегические перспективы развития медиапространства, отмечается потребность в скорейшей имплементации крымской информационной сферой российского законодательства.

Ключевые слова: *информационное пространство, медиабезопасность, СМИ, информационное общество, «язык вражды», медийное конструирование социальной реальности, информационная стратегия, информационная политика, сетевая война.*

Роль информационной сферы в функционировании и развитии современного общества постоянно возрастает, доступ к информации является непреложным условием гармонии развития любого человека, отражением его конституционных прав.

Наличие единого информационного пространства является важнейшим признаком информационного общества. В последние годы в Российской Федерации осуществлен комплекс мер, направленных на обеспечение информационной безопасности. Ведется разработка нормативных правовых актов и нормативных методических документов, вносятся изменения и дополнения в законодательство Российской Федерации. Например, активно идет работа с Федеральным законом «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: приняты «Закон о блогерах» (Федеральный закон № 97-ФЗ от 5 мая 2014 года – российский федеральный закон, обязывающий авторов интернет-ресурсов (сайтов, блогов и пр.) с аудиторией «свыше 3000 пользователей в сутки» регистрироваться в Роскомнадзоре и накладывающий ряд ограничений на содержимое этих ресурсов [1]); дополнения «о защите детей», приведшие к созданию «Единого реестра запрещенных сайтов» (Федеральный закон №139-ФЗ от 23 июля 2012 года [2]); «Антипиратский закон» – закон, подразумевающий возможность блокировки сайтов, содержащих нелицензионный контент, по требованию правообладателя (Федеральный закон № 187-ФЗ от 2 июля 2013 года [3]); дополнения, связанные с блокировкой экстремистских сайтов – Федеральный закон Российской Федерации «О внесении изменений в Федеральный закон „Об информации, информационных технологиях и о защите информации“» (Федеральный закон № 398-ФЗ от 28 декабря 2013 года [4]).

Приняты и утверждены Доктрина информационной безопасности РФ [5] и Стратегия развития информационного общества в РФ [6]. В официальных материалах Министерства Обороны «Концептуальные взгляды на деятельность Вооруженных Сил Российской Федерации в информационном пространстве» подтверждается, что ведение боевых действий в полной мере сегодня переносится и в информационно-коммуникационное пространство, как стратегическое направление [7]. Исходя из сегодняшней политической ситуации, Крым является объектом пристального внимания как территория привлекательная и имеющая определенное стратегическое значение.

Актуальность исследования. Интенсивное вовлечение крымских СМИ в тему так называемой информационной, или сетевидной войны (СЦВ), вызывает очевидную необходимость формирования концепции информационной политики региона.

Постановка проблемы. Известно, что сегодня информация поступает не традиционно (электронные системы, средства беспроводной и проводной связи, разведка и космический мониторинг), а из информационной сферы, связанной с двумя другими сферами: физической и ментальной (когнитивной). После присоединения Крыма к РФ это во многом обусловило конвергентность информационного поля посткрымского образца. Являясь непосредственным началом активной фазы развития военного конфликта и оставаясь важным игроком, на которого продолжает оказываться военное влияние (в сфере информационного пространства действует широкая сеть физических платформ, связанных активными коммуникационными сетями. «Когнитивная (рационально-ментальная) сфера складывается в умах участников конфликта и характеризуется, с одной стороны, такими понятиями, как представление, осознание, понимание, убеждения, ценности, а с другой – процессом принятия решений. К этой же сфере относятся: лидерство, моральное состояние, сплоченность, уровень подготовки и боевого опыта, общественное мнение, мыслительные процессы командиров, способы принятия решений, интеллект и эрудиция» [8].

Одним из последствий украинского кризиса для России следует считать поляризацию политической жизни и растущую вследствие этого тенденцию называть вещи своими именами [9]. Средства массовой информации, активно используемые для ведения «информационно-сетевой войны» [10], в свою очередь позиционируют себя массовыми изданиями, декларирующими «свободу слова» как гласность или – шире – свободу распространения информации.

В свете последних событий (антиконституционный переворот и смена власти в Украине, присоединение Крыма к Российской Федерации, военное противостояние и массовый геноцид гражданского населения в Новороссии) логичным видится масштабное «поле для битвы» многочисленных украинских и западных СМИ, а также вынужденные меры по отражению информационных атак и предотвращению масштабных дезинформаций со стороны крымских и российских СМИ. Еще задолго до начала периода майданной революции (антиправительственные протесты начались 21 октября 2014 года), украинские СМИ, активно борющиеся с цензурой и выступавшие за «свободу слова», начали переживать масштабные форматные деформации (информационные сообщения, новостные репортажи и даже аналитические материалы приобрели агитационную нагрузку и стали нести в себе «язык вражды» / hate speech [11,12], тем самым становясь весомым фактором разжигания гражданского конфликта и межнациональной розни).

СМИ, фактически являясь физическими платформами ведения информационных психологических атак и операций Effects-base operations (ЕВО зафиксированы в официальных документах и активно используются американскими военными) [13],

участвуют в медийном конструировании социальной реальности, продиктованном трансформацией информационной сферы ввиду проявления специфических социокультурных практик (медийная конвергенция, конгломерация и дигитизация любых имеющихся у СМИ ресурсов).

На основе проведенного нами изучения медийного пространства Крыма можно сказать, что факторы, вызывающие изменения масс-медиа сферы, способствуют формированию совершенно иного, зачастую (в случае бесконтрольного пассивного наблюдения) враждебного для региона и государства информационного пространства, способствуют возникновению искусственно организованной социальной реальности, связанной с эффектами манипулятивного воздействия. Возможности современных западных и подконтрольных западу украинских СМИ (пресловутые 5 млрд, которые вложили США в проект продвижения демократии в Украине перед осенними событиями 2013 года [14], [15] и продолжающиеся инвестиции в «независимые» украинские национальные СМИ, например, знаменитый проект hromadske.tv, декларирующий публично «прозрачное» финансирование за деньги небезразличных граждан, на деле не оставил безразличным своего основного благодетеля – Посольство США в Украине [16; 17]) к конструированию такой реальности сложно переоценить.

Возможности современных СМИ и СМК (средств массовой коммуникации) задают параметры и установки поведения человека. На примере украинского контента относительно Республики Крым и России это: ненависть ко всему русскому; выделение отдельной социальной категории «украинской нации» и объединение людей, зараженных идеей принадлежности к «высшей расе» против образа «врага»; ура-патриотизм (и так называемый национальный патриотизм, т.е. не подкрепленный реальной смысловой государственнической нагрузкой); призыв к проведению масштабных, с разветвленной организованной сетью вовлечения, акций неподчинения; оказание медиа-сопровождения различным флешмобам и акциям он-лайн и офф-лайн; поддержка и одобрение индивидуальных и массовых провокаций (в т.ч. на государственном уровне), таким образом участвуя в формировании социальной реальности. Таким образом, медиавоздействие становится инструментом конструирования, одновременно являясь элементом самой социальной реальности [18].

Специфика медийного конструирования действительности социума имеет своей отличительной чертой вовлечение большинства аудитории СМИ в ситуацию описанной в заданных параметрах реальности, переживание людьми событий, освещаемых под определенным углом зрения в СМИ как части обычной реальной жизни.

Находясь де-юре и де-факто в информационном поле Российской Федерации, аудитория крымских СМИ часто получает заведомо манипулятивные и негативно (со знаком «минус») интерпретируемые новости и материалы. Осуществляются данные информационные атаки в рамках мер «комплексного воздействия» (известно, что в 1996 г. Пентагон утвердил доктрину информационной войны («Доктрина борьбы с системами контроля и управления»), а в 1998 г. министерство обороны США вводит в действие «Объединенную доктрину информационных операций»). Согласно «Объединенной доктрине» информационная война определяется как «комплексное воздействие (совокупность информационных операций) на систему государственного и военного управления противника, на его военно-политическое руководство с целью принятия им уже в мирное время благоприятных для страны-инициатора информационного воздействия решений и полной парализации инфраструктуры управления противника в ходе конфликта» [19].

Происходит осуществление «комплексного воздействия» совершенно естественным путем: этому способствуют напряженная политическая ситуация

вокруг присоединения Крыма к Российской Федерации, а также информационные стратегии западных СМИ и СМИ Украины, направленные на формирование бедственного и безысходного положения дел в РК, и само «островное» положение Республики Крым (фактор удаления от европейской части РФ не может быть не учтен с точки зрения медиа- и информационной безопасности).

В сфере защиты информационного пространства и сохранения когнитивного и ментального вектора крымского общества назревает необходимость интенсификации проведения гуманитарных и культурных акций. Широкий циклический комплекс мер, обеспечивающий поддержку и развитие культурной, духовной и информационной жизни региона: общение с литераторами, национальными лидерами и признанными авторитетами, деятелями культуры и искусства; возможность социального посещения театральных и кинопремьер; активизация распространения в Крыму современной книжной продукции по социальным ценам; вовлечение и приглашение к сотрудничеству центральных СМИ (организация работы редакций и корреспондентских пунктов на постоянной основе), а также привлечение к работе отечественных экспертов в сфере медиа- и информационной безопасности, политологов для дальнейшего прогнозирования ситуации и разработки стратегии развития информационной сферы в Республике Крым.

Следует также отметить, что аудитория СМИ, не осознавая причин в целом конвергентного и разбалансированного информационного пространства РК, зачастую воздерживается от проверки «реальности» информации, транслируемой СМИ, но интуитивно занимает определенную сторону и выбирает для просмотра и получения информации те СМИ, которые соответствуют их нравственным настроенческим и поведенческим предпочтениям в конкретный момент времени. Особенно стоит отметить непостоянство качества подачи информации крымскими СМИ, отчего аудитория часто вынуждена самостоятельно искать новые источники и не доверять конкретным «проверенным» СМИ и авторам.

В условиях конвергентного информационного и медиа-пространства, когда СМИ выполняют функцию программирования социальной реальности повседневной жизни [20], восприятие событий и их оценка аудиторией часто навязываются и заранее прогнозируемы. Отдельно следует отметить фактор естественной реакции аудитории на информационные атаки извне (так называемая «фиктивная» информация «с другой стороны», которая при грамотной проработке в рамках медиаполя региона может быть использована в целях консолидации общества как простая, но в то же время эффективная концепция «от противного»).

Отсутствие векторной информационной стратегии по освещению позиции и жизни в новом российском Крыму, которая могла бы дополнять и направлять информационную политику российских СМИ, может привести к следующим негативным результатам:

- общественное мнение «забывает» о Крыме, крымская проблематика деактуализируется, а если и актуализируется, то в контексте охлаждения взаимоотношений с Западом, повлекших за собой санкционное противостояние, репутационные и экономические последствия;

- отрывочное, противоречивое, несогласованное и поверхностное освещение событий в Крыму создает широкое поле для распространения и укоренения в национальном общественном сознании негативных мифов: «из-за Крыма началась новая «холодная война», «большинство крымчан не хотели присоединения к России», «Крым стал причиной геополитического конфликта и возможной рецессии в экономике РФ»;

- информационная политика крымских «островных» СМИ часто формирует почву скорее для ненависти и злорадства над социально-экономическими, правовыми и

политическими проблемами Украины, чем поддержку и сопереживание со стороны жителей полуострова;

- международное сообщество и иностранные СМИ не получают достаточного количества комплексной реальной информации о ситуации в Крыму;

- СМИ не продуцируют информацию об этнических группах, населяющих полуостров (кроме крымских татар и украинцев, проживающих в Крыму) – отсутствует понимание необходимости комплексной информационной политики для полиэтнического региона с целью сохранения их субъектности и адаптации в новом информационном пространстве полуострова.

Перенос агрессии из военно-географического в информационно-сетевое измерение (сетевые издания признаны средствами массовой информации согласно Закону РФ «О средствах массовой информации» [21]) ставит перед отечественными, а, в первую очередь, региональными крымскими СМИ, новые вызовы. Нужно иметь в виду, что принятие декларируемой западными политиками, теоретиками массовых коммуникаций и журналистами абсолютной идеи «свободы слова» изменяет в корне взаимоотношения людей, т.к. это означало бы переход к такому современному обществу, где были бы устранены все естественные запреты и единая этика. Не говоря уже о пресловутой политике двойных стандартов – ситуациях, когда в многочисленных украинских и западных СМИ оценка одних и тех же действий субъектов варьируется в зависимости от того, в каких отношениях каждый из этих субъектов находится с оценивающим. При этом действия "своих" – лояльных к оцениваемому – получают оправдание, в то время как те же действия "чужих" порицаются и считаются недопустимыми. Ведь не случайно обострение и назревание конфликтов начинается с момента публикации «условным противником» общеизвестных фактов под определенным, выгодным ему углом зрения; с точки зрения теории массовых коммуникаций – это классика манипуляции массовым сознанием [22].

Необходимым также представляется формирование концептуального подхода к построению системы медиабезопасности в рамках региона (Республика Крым и город федерального значения Севастополь) с возможным перспективным расширением сфер влияния – так называемым «зонтиком» для исторических территорий Новороссии и тех граждан Украины, которые причисляют себя к «русскому миру». Необходим пристальный анализ содержательных характеристик и качества аналитических и новостных материалов, являющихся самостоятельной частью политической культуры крымских российских СМИ.

Выводы. Анализ существующего крымского информационного пространства свидетельствует о том, что особое внимание следует уделить активному включению медиа-пространства Республики Крым в расширение международного сотрудничества в области МИБ (комплексной системы международной информационной безопасности, предложенной МИД РФ в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации [5]) и согласованию направлений работы СМИ со Стратегией развития информационного общества в Российской Федерации [6].

Потребность скорейшего имплементирования крымской информационной сферой российского законодательства стоит на повестке дня особо остро – это вопрос самосохранения и безопасности. Информационная безопасность становится полем широкого международного сотрудничества. Одна только Генеральная Ассамблея ООН приняла более десятка резолюций по этому вопросу.

Незащищенностью и хаотичностью крымского медиа-пространства сегодня активно пользуются те, кто стремится к дезорганизации общества, разжиганию социальной, расовой, национальной и религиозной ненависти. Неточная или сознательно искаженная информация, являющаяся формой косвенного управления,

манипулирования, как человеком, так и обществом в целом, способна провоцировать или усиливать социальную напряженность, что может вести к непредсказуемым и даже трагичным последствиям. Изучение всех аспектов формирования новой информационной культуры человека и общества является насущной потребностью Крыма и одновременно одной из самых актуальных задач обеспечения национальной безопасности РФ.

Список литературы

1. Федеральный закон РФ от 5 мая 2014 г. №97-ФЗ // «Российская газета» – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/05/07/informtech-dok.html>
2. Федеральный закон РФ от 23 июля 2012 г. №139-ФЗ // «Российская газета» – Режим доступа: <http://rg.ru/2012/07/30/zakon-dok.html>
3. Федеральный закон РФ от 2 июля 2012 г. №187-ФЗ // «Российская газета» – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/07/10/pravo-internet-dok.html>
4. Федеральный закон РФ от 28 декабря 2013 г. №398-ФЗ // «Российская газета» – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/12/30/extrem-site-dok.html>
5. Доктрины информационной безопасности Российской Федерации // «Российская газета» – Режим доступа: http://www.rg.ru/oficial/doc/min_and_vedom/mim_bezop/doctr.shtm
6. Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации, опубликованный // «Российская газета» – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2008/02/16/informacia-strategia-dok.html>
7. Концептуальные взгляды на деятельность вооруженных сил Российской Федерации в информационном пространстве – Режим доступа: <http://www.pircenter.org/media/content/files/9/13480921870.pdf>
8. Ковалев В. И. Концепция "сетевцентрической" войны для армии России: "множитель силы" или ментальная ловушка? [Электронный ресурс] / В. И. Ковалев, Г. Г. Малинецкий, Ю. А. Матвиенко. – Режим доступа: <http://spkurdyumov.ru/networks/konceptsiya-setecentricheskoj-vojny/http://rsb-group.ru/services/marine-operations>
9. Виноградов И. Украинский кризис против России ? [Электронный ресурс] // Геополитика нового мирового порядка. – Российский институт стратегических исследований – 21.10.14. – Режим доступа: <http://www.riss.ru/analitika/3758-geopolitika-novogo-mirovogo-poryadka#.VEql5yv9NFu>
10. Информационная война / Современная армия – Режим доступа: <http://www.modernarmy.ru/article/282/informacionnaya-voina>
11. Дзялошинский И. М. Образы вражды в российских СМИ: социальные, культурные, профессиональные факторы / И.М. Дзялошинский // Российские СМИ: как создается образ врага. Статьи разных лет. – М.: Московское бюро по правам человека, «Academia», 2007. – 168 с.
12. Язык мой... Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ. / Сост. А. М. Верховский – М.: РОО «Центр «Панорама», 2002. – 200 с.
13. "Effects-Based Operations: Application of new concepts, tactics, and software tools support the Air Force vision for effects-based operations". Air Force Research Laboratory. June 2001. Retrieved 2007-01-30.
14. США с 1991 года дали Украине \$5 миллиардов, но Майдан не финансировали – Нуланд \ УНИАН \ 22.04.2014. – Режим доступа: <http://www.unian.net/politics/910189-ssha-s-1991-goda-dali-ukraine-5-milliardov-no-maydan-ne-finansirovali-nuland.html>
15. США потратили 5 миллиардов долларов на "украинскую демократию" // «Российская газета». 22.04.2014 г. // Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/04/22/demokratia-site-anons.html>

16. Годовой финансовый отчет // Режим доступа: <http://www.hromadske.tv/files/b/b/bbbe20c-annual-fin-report---ukr.pdf>

17. Главный спонсор Hromadske TV – США! \ yaplakal.com: 23.10.2014 г. – Режим доступа: <http://www.yaplakal.com/forum3/topic948344.html>

18. Маклюэн Г.М. Понимание медиа: внешние расширения человека / Г.М. Маклюэн / Пер. с англ. В.Г. Николаева. – М.: КАНОН-пресс, 2003. – 462 с.

19. Joint Doctrine Information Operations, october 1998. – Режим доступа:

http://www.iwar.org.uk/iwar/resources/us/jp3_13.pdf

20. Ясавеев И.Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации. – автореф. дис. ... д-ра наук. / И.Г. Ясавеев – Казань, 2006. – 37 с.

21. Закон РФ от 27.12.91 № 2124-1 (ред. от 05.04.2013 с изменениями, вступившими в силу с 19.04.2013) «О средствах массовой информации». – Режим доступа: <http://www.zakonrf.info/zakon-o-smi/>

22. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием – 2. / С.Г. Кара-Мурза, С.В. Смирнов – М.: Эксмо, Алгоритм, 2009. – 528 с.

Bogdanovich Olga **Regional information space of Crimea: realities and challenges** // *Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 2. – P.3-9.*

This article describes a real perspective of regional information space of the Republic of Crimea and the strategic prospects of the media space, speaks of the need for speedy implementation of the Crimean informational sphere in Russian legislation.

Keywords: *information space, media security, media, information society, “hate speech”, the media construction of social reality, information strategy, information policy, network-centric warfare.*

Поступила в редакцию 25.08.2014 г.

УДК 070.1-446:81-42

**Технологии по формированию позитивного туристического имиджа
в средствах массовой информации**

Володченко О. Н.

Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского
uajet.olga@mail.ru

В статье рассматриваются технологии, которые используются в средствах массовой информации при формировании туристического имиджа той или иной территории. Выявлены шестнадцать технологий, имеющихся в арсенале СМИ, из них шесть описано впервые.

Ключевые слова: технологии, Public Relations, коммуникации, информация, имидж, текст, целевая аудитория.

Имидж страны, в том числе и туристический, формируется с использованием определенных коммуникационных технологий, в частности, PR-технологий как самого эффективного метода для общения с разными целевыми аудиториями. В современном мире имидж во многом зависит от средств массовой информации, которые формируют негативное или позитивное представление о каком-либо субъекте.

Таким образом, актуальность этого исследования определяется существенным влиянием средств массовой информации на формирование представлений о стране, людях, фактах или событиях.

Постановка проблемы. Налаживание эффективных коммуникаций с разными целевыми аудиториями – это долгосрочный процесс коммуникационного влияния на разные целевые группы. При создании текстов используются определенные социально-коммуникационные технологии с целью донести качественную информацию о туристических возможностях региона. Технологии используются как во время создания контента (использование медийных, рекламных, PR, маркетинговых, а также современных Интернет-технологий), так и при распространении информации (выбор СМИ, проведение акций и т.д.). При этом необходимо учитывать, что современная аудитория требует качественной информации о достопримечательностях региона, о реальном положении дел в сфере туризма, о развитости инфраструктуры. К тому же, благодаря новым технологиям, потребители услуг получили возможность обмениваться информацией и узнавать об условиях отдыха, что называется из первых рук. Таким образом, выработанная годами технология общения СМИ с аудиторией начала меняться и строиться на совершенно новой основе.

Цель данной работы – выявление технологий, которые используются журналистами при создании текстов в специализированных туристических и общественно-политических изданиях.

Анализ последних исследований по проблематике темы. Теоретическим фундаментом для нашей работы явились труды классических и современных исследователей в области PR. Так, научные исследования в области Public Relations представлены трудами зарубежных исследователей Э. Бернайза, С. Блека,

Ф. Буари, С. Катлипа, А. Сентера, Г. Брума, российских и украинских ученых М. А. Кузьменковой, Г. Г. Почепцова, В. А. Моисеева, Д. П. Гавры, Г. Л. Тульчинского, М. А. Шишкиной и др. При анализе текстов мы опирались на исследования У. Эко, А. Д. Кривоносова, С. И. Сметаниной, Т. М. Дридзе, В. В. Ризуна, М. Д. Феллера, К. С. Серажим и др.

В толковом словаре по социальным технологиям дается такое определение термина: «Социальная технология – это определенный способ достижения поставленных общественных целей. Сущность этого способа заключается в последовательном осуществлении определенных операций, причем операции разрабатываются предварительно, сознательно и планомерно на основе и с использованием научных знаний, с учетом специфики той области, в которой осуществляется деятельность. Социальная технология выступает в двух формах: как проект, который содержит процедуры и операции, и как сама деятельность, построенная согласно этому проекту... Последовательные и взаимозависимые процедуры и операции выполняются более-менее однозначно и имеют целью достижение высокой эффективности. Здесь под процедурой имеется в виду набор действий (операций), с помощью которых осуществляется основной процесс (или его этап), который выражает суть данной технологии. Операция является непосредственным практическим актом решения определенной задачи в рамках соответствующей процедуры... Операция – это однородная, логично неделимая, часть процесса ..., направленная на достижение определенной цели; она выполняется одним или несколькими исполнителями» [1].

Известный ученый Д. П. Гавра, чтобы точнее определить технологию для сферы социальных коммуникаций, предложил термин социально-коммуникационные технологии. Ученый дает такое определение термина: «Социально-коммуникационная технология – это целеустремленная системно организованная деятельность по управлению коммуникацией социального субъекта, которая опирается на определенный план, направлена на решение определенного социально-значимого задания и являет собой систему процедур и операций использования социальных ресурсов, которое обеспечивает решение этого задания» [2, с. 4].

Как известно, коммуникация предусматривает наличие как минимум трех составляющих этого процесса: отправитель – сообщение – получатель. Модель коммуникационного процесса, по словам авторов учебного пособия «Пабликрилейшнз. Теория и практика» С.М. Катлипа, А. Х. Сентера и Г. М. Брума, представляет собой «обоюдный процесс обмена информацией с целью информирования, инструктажа или убеждения» [3, с. 283]. По мнению исследователей, процесс информирования включает четыре стадии: привлечение внимание к данной коммуникации; обеспечение приема сообщения; обеспечение надлежащей интерпретации сообщения; и обеспечение запоминания сообщения в целях его последующего использования.

Среди функций PR-деятельности: управление, коммуникация и организационные действия, то есть PR-сообщение вносит изменения в коммуникационный поток, коррелирует общественное мнение, которое может привести к изменению моделей поведения. Но для того, чтобы такие изменения стали возможными, нужно разговаривать с аудиторией на ее языке, апеллируя к понятным ей образам, ценностям, символам и тому подобное. Следовательно процесс создания сообщения предусматривает прогнозирование возможных реакций аудитории на него.

Как отмечает исследователь в области имиджологии Г. Г. Почепцов, сутью построения имиджа может стать порождение такого сообщения, которое будет прочитано аудиторией с прогнозируемым эффектом [4, с. 46]. А для этого нужно ориентироваться не только на трансляцию в сообщении новой информации, но и на стереотипы и нормы, какие свойственны целевой аудитории.

Среди инструментов имиджологии существуют разные приемы, которые мы сгруппировали по признаку влияния, а именно:

- мифологизация, архаизация и метафоризация – включение архетипов и ассоциаций;
- вербализация и визуализация – включение репрезентативных систем;
- эмоционализация и нейролингвистическое программирование – включение подсознания;
- форматирование, внедрение моделей восприятия, детализация и контекстное введение знаков, – влияние структурой сообщения;
- акцентирование информации, замена целей, подача противоречивых сигналов, – влияние факторами содержания;
- позиционирование и дистанционирование – использование приемов из арсенала рекламы и маркетинга;
- опрос общественного мнения – учет психологических особенностей целевой аудитории.

Все эти технологии используются при создании сообщений для целевых групп, с учетом целей, которые нужно достичь для налаживания коммуникации. По словам Г. Г. Почепцова, нужное сообщение оформляется в три возможные варианта: вербальный, визуальный и событийный [162]. Визуальная и событийная коммуникация воспринимается более активно и лучше запоминается. А понимание вербального сообщения предусматривает знание кода, поэтому восприятие информации становится все более сложным. Как отмечает исследовательница М. А. Шишкина, базовая модель обмена информацией выглядит так: S — M — R (Source = Источник — кодировка) (Message = декодирование) (Receiver = Получатель). При этом Получатель и Источник соединены обратной связью [4, с. 74].

Коммуникация является двусторонним процессом обмена сигналами и этот процесс базируется на смысловых значениях, и участники общения должны понимать их одинаково.

Следовательно, в коммуникационном процессе, особенно при формировании имиджа, большое значение имеет, во-первых, хорошо созданное сообщение, а во-вторых – правильный выбор носителя информации. Большое значение последнему отдавал и известный канадский ученый Маршал Маклюен, который утверждал, что «носитель, – это и есть сообщение» [цит. по: 5, с. 287].

Самым эффективным методом построения имиджа являются технологии public relations. PR в современной трактовке – это коммуникационная деятельность, которая имеет стратегическую направленность, характеризуется последовательностью в решении задач общественного влияния, долгосрочными связями с аудиторией.

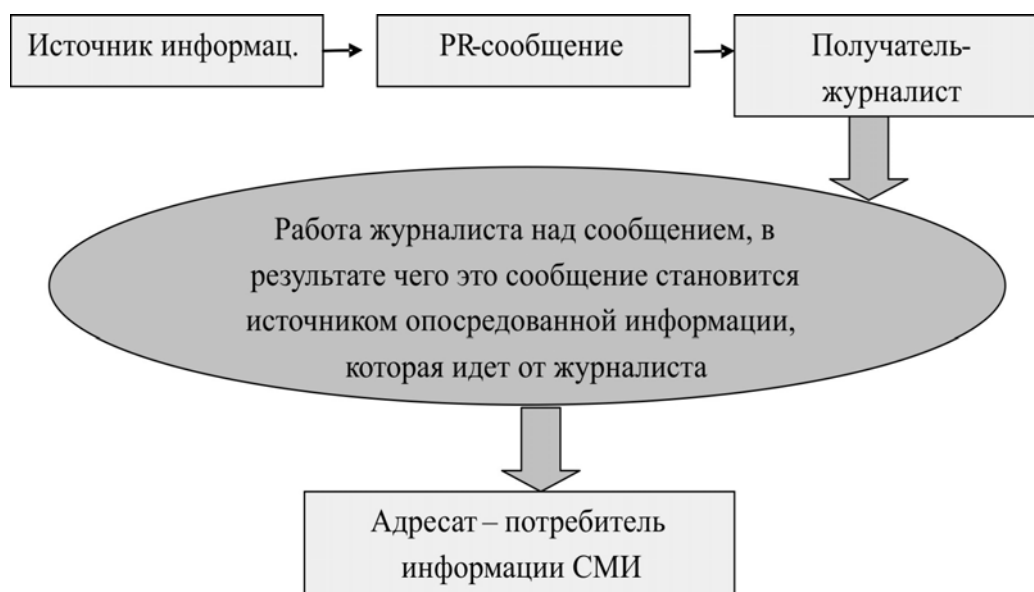
Коммуникационная модель общения «базисных субъектов PR» с аудиторией через СМИ выглядит аналогично модели, предложенной французским специалистом по public relations Н. Делькуртом (рис. 1) [цит. по: 6, с. 38]:

Под базисным субъектом PR, по мнению исследователя в области Public Relations Шишкиной М. А., следует понимать субъект публичной сферы, на оптимизацию которого направлена деятельность определенной PR-структуры [7, с. 77].

Особенность PR-текстов заключается в том, что они рассчитаны на определенную аудиторию и предназначены давать целевой аудитории такую информацию, в которой она нуждается. Кроме того, такая информация всегда является позитивной и направлена на то, чтобы формировать привлекательный имидж.

В ходе исследования был проанализирован контент туристических изданий за период 1997-2010 годов (частота сбора анализируемых материалов – от нескольких раз в год до нескольких раз в месяц), а также массовых изданий за период 2004-2010 годов. В общей сложности проанализировано около 1700 текстов.

Технологии по формированию позитивного туристического имиджа...

При анализе текстов в туристических и массово-политических изданиях было вывлено 16 технологий, которые использовали журналисты при создании текстов, шесть из них описаны впервые.

Среди отработанных технологий, которые активно используются журналистами при создании текстов на туристическую тематику можно назвать следующие:

- позиционирование туристически привлекательных объектов того или иного региона, города и т.д.;
- использование жанров путевого очерка, репортажа, что позволяет благодаря «эффекту присутствия» создать живую картинку путешествия;
- создание ярких словесных образов в текстах о туристических объектах, памятниках архитектуры, культуры, природы;
- апеллирование к чувствам;
- фокусирование внимания на достижениях стран мира в развитии туризма и на необходимости перенять их опыт;
- активное использование невербальных способов эмоционального влияния, в первую очередь, фотоиллюстраций;
- технология лоббирования: применяется при написании проблемных материалов, где говорится о необходимости принятия законов, которые способствовали бы развитию внутреннего и въездного туризма.

Следует отметить, что недостаточно используются технологии по исправлению негативной информации, распространенной в СМИ, а также мало фактов использования контента, созданного пользователями, в том числе и в социальных сетях.

Вместе с тем, в работе было **выявлено шесть технологий**, которые используются при создании текстов, но **не были описаны ранее**:

- технология пресс-туров, которая используется при создании PR-текстов по заказу базисного субъекта PR, а также технология обозначения этих текстов;
- технология создания текстов в формате экскурсии по городу;

- привлечение в качестве корреспондентов экспертов из числа научных сотрудников, специалистов в сфере туризма, представителей общественных организаций;

- технология предложения собственного эксперта, то есть журналист сам выступает в качестве эксперта;

- технология выбора языка общения, то есть использование определенного языка (английского, немецкого и т.д.) для общения с читателем, что обусловлено четкой ориентацией на целевую аудиторию.

Обнаружены случаи использования нескольких языков. Так, в Крыму на протяжении ряда лет выходил журнал «Крымские каникулы», где материалы подавались на трех языках: русском, немецком и английском.

Использование этих технологий позволило журналистам привлечь внимание аудитории к туристическим достопримечательностям как стран мира, так и родной страны.

Кроме того, используя определенные технологии, журналисты туристических и общественно-политических изданий формировали общественное мнение о необходимости создания надлежащих условий для развития туристической отрасли, в частности, вкладывания средств и привлечения инвестиций в развитие индустрии отдыха.

Проведенные эмпирические исследования свидетельствуют, что почти все технологии, которые использовали журналисты, могут быть эффективными при условии:

- активности представителей туристического бизнеса в пропаганде отечественного туристического продукта – рекламе своего турпродукта, а также организации пресс-туров;

- объединения усилий общественных организаций по лоббированию интересов внутреннего и въездного туризма;

- активности органов местного самоуправления по пропаганде туристических возможностей своих городов и поселков;

- привлечения к формированию привлекательного туристического имиджа всех средств массовой информации, работающих в регионе.

Помимо этого, при создании имиджевого текста важно учитывать этические нормы: поскольку пренебрежение достоверностью, домысливание, избыточный пиар могут привести не только к моральным, но и к экономическим потерям, то есть сыграть на руку конкурентам.

Список литературы

1. Социальные технологии: толковый словарь / отв. ред. В. Н. Иванов; Московский гос. ун-т. Кафедра теории и методов социологических исследований. – Изд. 2-е, доп. – М. : Луч ; Белгород : Центр социальных технологий, 1995. – 309 с.
2. Гавра Д. П. Социально-коммуникативные технологии: сущность, структура, функции / Д. П. Гавра // PR-технологии в информационном обществе: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 10-12 ноября 2004 г. — СПб.: Изд-во Политехн.ун-та, 2004. — с. 10-16.
3. Катлип С. М. Паблик рилейшнз. Теория и практика : учеб. пособие / С. М. Катлип, А. Х. Сентер, Г. М. Брум ; пер. с англ. – 8-е изд. – М. : Вильямс, 2001. – 624 с.
4. Почепцов Г. Г. Профессия: имиджмейкер / Г. Г. Почепцов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – К. : ИМСО МО Украины, НВФ «Студцентр», 1998. – 256 с.

5. Почепцов Г. Г. PR для профессионалов [Электронный ресурс] / Библиотека Центра экстремальной журналистики [сайт]. – Режим доступа : http://www.library.cjes.ru/online/?a=con&b_id=330&c_id=2876 (20.04.2011). – Загл. с экрана.

6. Шишкина М. А. Паблик рилейшнз в системе социального управления / М. А. Шишкина. – СПб. : Изд-во С-Петербур. ун-та. – 1999. – 444 с.

7. Кривонос А. Д. PR-текст в системе публичных коммуникаций / А. Д. Кривонос. – Изд. 2-е, доп. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2002. – 288 с.

Володченко О. М. Технології по формуванню позитивного туристичного іміджу в засобах масової інформації // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации» Том 27 (66). № 2. – С. 10-15

У статті розглядаються технології, які використовуються в засобах масової інформації при формуванні туристичного іміджу території. Виявлено шістнадцять технологій, наявних в арсеналі ЗМІ, з них шість описано вперше.

Ключові слова: технології, Public Relations, комунікації, інформація, імідж, текст, цільова аудиторія.

Volodchenko O. Technologies to create a positive tourist image in mass media // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 2. – P.10-15

Technologies that are used in mass media in the forming of the tourist image of the territory, of the country are considered in the article. The focus is on PR-technologies that are most effective in forming the image. PR-texts feature is that they are directed to a specific audience and are given the target audience the information that it needs. Moreover, such information is always positive and focused on forming of attractive image.

About 1700 articles published in the specialized travel publications and social and political newspapers were analyzed. In the analysis it was found sixteen technologies available in the arsenal of mass media, of which six are described for the first time. Among them, technology press tours; technology for creating texts for city tours; involvement of experts from scientific staff, specialists in the tourism sphere, representatives of public organizations; technology offers its own expert, that is a journalist himself acts as an expert; technology of choice of language for communication, namely the use of a specific language (English, German, etc.) to communicate with the reader by the clear focus on the target audience.

Keywords: technologies, Public Relations, communications, information, image, image, text (article), target audience.

Поступила в редакцію 01.09.2014 г.

УДК 811.161

**«Крымскотатарский компонент» образа Крыма
в американских СМИ (1991-2013 годы)**

Мащенко А. П.

*Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Республика Крым
amas69@yandex.ru*

Одной из существенных характеристик, формирующих образ Крыма в современных американских медиа, является наличие на полуострова сравнительно многочисленного крымскотатарского населения. Этот фактор, с одной стороны, определяет уникальность Крыма, а с другой, является мощным конфликтогенным фактором, который время от времени приводит к противостоянию между крымскотатарским и славянским населением полуострова. Чаще всего крымскотатарская тема возникает на страницах американских медиа в конфликтные, переломные моменты новейшей крымской истории – во время распада СССР, в дни президентства Юрия Мешкова, российско-грузинской войны 2008 года.

Ключевые слова: Крым, Украина, Россия, США, крымские татары, образ, средства массовой информации.

Постановка проблемы. Черноморский регион всегда находился в сфере пристального внимания крупнейших мировых политических игроков. Доказательством тому в прошлом – борьба за Крым между Османской и Российской империями, Крымская война 1853-1856 годов, крымские страницы Второй Мировой войны и многие другие исторические события, включая годы существования Крыма в составе государства Украина.

Анализ публикаций ведущих американских печатных СМИ – The New York Times, The Washington Post, The Chicago Tribune, The Los Angeles Times и других – показывает, что на протяжении всех последних лет Крым рассматривался ими как некая спорная территория между Украиной и Россией, потенциальная горячая точка, на которую постоянно «примеряли» сценарии различных конфликтов – чеченского, абхазского, приднестровского, косовского и т.д. и т.п.

Серьезный конфликтный потенциал Крыма определяется целым рядом факторов, особое место среди которых занимает наличие сравнительно многочисленного крымскотатарского населения.

Это обстоятельство в значительной степени определяет ситуацию на полуострове на протяжении последних нескольких столетий. Даже в годы, когда подавляющее большинство татар находились в депортации за пределами Крыма, этот фактор продолжал влиять на ситуацию в регионе. Ну и, естественно, с новой силой эта проблема проявилась после возвращения крымских татар на родину.

На протяжении всего постсоветского периода «крымскотатарский вопрос» находится в сфере пристального внимания Западного мира и, соответственно, западных средств массовой информации. Тому есть несколько причин. Во-первых, как уже говорилось, это действительно существенный конфликтогенный фактор в

стратегически важном Причерноморском регионе. Во-вторых, история крымских татар отлично вписывается в «правозащитную систему ценностей», которую, во всяком случае на словах, поддерживают вслед за властями своих стран ведущие западные медиа. Крымские татары – сначала незаслуженно депортированные с полуострова тоталитарным сталинским режимом, а затем вынужденные много лет бороться за право вернуться на родину - воспринимаются в западных медиа как обиженные, как «маленький, но гордый народ», борющийся за право жить на родной земле. Кроме того, депортация целого народа, борьба за возвращение на родину, само возвращение и обустройство на «старом новом месте» - это драматическая «голливудская» история, которая хорошо продается аудитории. Ну и наконец, еще один важнейший нюанс – антикоммунистический, антисоветский, антироссийский характер этой истории. Антикоммунизм – это серьезная психологическая травма американского общества – еще со времен Гражданской войны в России и дальше - через годы Холодной войны, маккартизм, крестовый поход Рейгана и т.д., и т.п.

Крымские татары – это удобная ставка, которая позволяет поддерживать в регионе антироссийский потенциал, антироссийское напряжение. Они - своеобразная пятая колонна в Крыму, учитывая, что большинство населения полуострова чувствуют себя частью Русского мира. Неслучайно в «украинский период» истории полуострова лидеры Меджлиса любили повторять фразу о том, что единственные настоящие украинцы в Крыму – это крымские татары. Не случаен и политический союз украинских националистических сил – «Народного Руха Украины», «Нашей Украины», «Батькивщины» - с Меджлисом, который регулярно поддерживал их на выборах в разные органы власти.

Таким образом, одной из существенных характеристик, формирующих образ Крыма в современных западных медиа, наряду с неразрывной исторической, культурной, языковой и этнической связью этого региона с Россией, является наличие на полуострова сравнительно многочисленного крымскотатарского населения. По данным последней переписи населения региона, проводившейся в 2001 году, в Крыму проживало около 243 тысяч крымских татар, что составляет 12 процентов от всего населения полуострова.

Анализ последних исследований по проблематике работы. В последние годы в научном обороте появляется достаточно много работ, исследующих образ или имидж государств и регионов. Назовем хотя бы таких авторов, как Д. Гавра, Э. Галумов, Д. Замятин, И. Киселев, Г. Почепцов, А. Савицкая, Ю. Таранова. Однако в то же время исследования этих и других ученых носят либо общий теоретический характер, либо изучают другие государства и регионы. Между тем, как уже отмечалось, Крым является одним из ключевых регионов Причерноморья и, вне всяких сомнений, его образ в средствах массовой информации США и других стран Запада заслуживает отдельного исследования.

Одновременно следует указать на наличие огромного количества работ разного качества и разной аксиологии, посвященных тем или иным аспектам «крымскотатарского вопроса»: начиная с трудов В. Возгриня, М. Губогло, С. Червонной и продолжая работами Г. Бекировой, М. Хайрутдинова, Н.Белицер, И. Семиволоса, О. Бодрука, В. Елагина, О. Габриэляна, В. Петрова, С. Ефимова, В. Зарубина, А. Никифорова, А. Мальгина, О. Романько. Но и эти исследователи не касаются в своих работах анализа «крымскотатарских публикаций» ведущих американских и шире – западных средств массовой информации.

Соответственно, **цель** данной статьи заключается в том, чтобы изучить влияние «крымскотатарского фактора» на формирование в средствах массовой информации Соединенных Штатов Америки образа Крыма.

Для достижения этой цели нам предстоит решить следующие задачи:

- систематизировать «крымскотатарские публикации» ведущих американских печатных медиа: The New York Times, The Los Angeles Times, The Los Angeles Chronicle, The Washington Post, The Washington Times, The Chicago Tribune, The Newsweek, The Wall Street Journal, The Christian Science Monitor, The International Herald Tribune, The Forbes, The Stratfor и других;

- определить причины интереса ведущих американских СМИ к крымскотатарской теме;

- проанализировать, как американские медиа описывают и оценивают крымскотатарскую историческую, политическую и культурную составляющую, «крымскотатарский компонент» Крыма;

- показать, как «крымскотатарский компонент» влияет на формирование образа Крыма в ведущих американских СМИ.

На протяжении последних двадцати с небольшим лет после распада СССР в ведущих печатных СМИ Соединенных Штатов Америки опубликованы сотни статей, так или иначе освещающих ситуацию в Крыму, исторические, политические, культурные, этнические, языковые особенности этого региона. Многие из этих публикаций либо полностью, либо частично посвящены крымскотатарской теме.

Рассмотрим, как американские медиа описывают «крымскотатарский компонент» Крыма, на примере конкретных публикаций.

Одна из опасностей, которая видится американским СМИ в Крыму, это опасность межнационального конфликта. Заокеанские газеты начали высказывать предположения о вероятности гражданской войны либо кровопролитных этнических конфликтов в бывшем СССР еще до официального распада страны. Примером тому – хотя бы публикация «Страшный кошмар Советов: этническая вражда» в газете «Чикаго Трибьюн» от 28 августа 1991 года. Статья рассказывает о том, что известный советский эксперт, профессор Геннадий Чуфрин тщательно рассмотрел вероятность повторения в СССР югославских событий и пришел к выводу: югославский конфликт может показаться незначительным в сравнении с вероятным межэтническим конфликтом в такой огромной стране, как СССР, где живет множество народов и этнических групп.

В Крыму главной линией вероятного этнического конфликта, естественно, выглядит конфликт между славянским и крымскотатарским населением.

Именно в это время - в конце восьмидесятых – начале девяностых годов прошлого века – в американских медиа формируется та крымскотатарская повестка дня, которая по большому счету остается неизменной до сих пор. В августе 1992 года «Лос-Анджелес Таймс» пишет: «Перетягивание каната в Крыму вновь открывает старые раны этнического напряжения: желанный черноморский полуостров снова оказался под перекрестным политическим огнем» [2].

«Крым затрагивает души: русскую, украинскую, татарскую. Станет ли Крым независимым государством? Воссоединится с Россией? Или останется с Украиной, но с гораздо большей автономией?» [2] – задается издание вопросами, которые были актуальными до самого последнего времени, и указывает: «Среди двух с половиной миллионов человек, живущих на полуострове, больше всего русских, далее следуют украинцы и татары. У каждого народа есть своя общественно-политическая организация: пророссийское Республиканское движение Крыма, проукраинская организация «Крым с Украиной», Национальное движение крымских татар и Меджлис крымских татар» [2].

Приблизительно в то же время, летом 1992 года, во влиятельнейшей американской газете «Вашингтон Пост» появляется другая публикация на «заданную тему». «Крым, любимый царями, поэтами и генеральными секретарями Коммунистической

партии, возможно, самая опасная точка потенциальной конфронтации, потому что затрагивает чувства двух самых мощных членов Содружества (независимых государств – Автор.), России и Украины, - пишет издание. - Крым с его русским большинством и меньшинствами украинцев, татар, болгар, греков и других – перекресток и плавильный котел еще со времен античности. Но сегодня здесь, как и во многих других местах, жадность, национальная подозрительность и желание исправить исторические ошибки завязались в узел, который, кажется, невозможно распутать» [6].

«Хотя Украина и Крым недавно сделали по полшага назад от конфронтации, и большинство крымчан, кажется, хотят жить в мире, националистические лидеры со всех сторон могут найти Крым слишком привлекательным, чтобы игнорировать его» [6], - отмечает «Вашингтон Пост».

Главный редактор одной из крымских газет Геннадий Сюньков, которого цитирует автор публикации, Фред Хайетт, говорит, что другие регионы страны, где большинство населения составляют этнические украинцы, будут следовать за Крымом в борьбе за больший суверенитет: «В Украине в целом зреет стремление к федерализации. После Крыма могут отделиться Донбасс и Западная Украина» [6].

Сюньков – не пророк. Крым жил (и продолжает жить) внутри этой проблематики все последние годы. Слабые места, опасные точки были хорошо видны всем – и медиа, и экспертам, и политикам, однако предотвратить глубокий политический кризис в итоге все равно не удалось.

Судьба крымских татар стала одной из приоритетных крымских и шире - украинских тем американских медиа с момента возвращения татар из депортации.

Рассмотрим большую статью «Нью-Йорк Таймс» «Крымские татары, выселенные Сталиным, возвращаются домой», опубликованную 8 февраля 1992 года, где заявлен сразу целый ряд тем, которые будут затем из года в год подниматься в публикациях различных американских изданий.

Газета рассказывает о тяжелой жизни крымскотатарского народа. Материал начинается с зарисовки: «На холодном и ветреном холме над Ялтой около 35 семей крымских татар строят эту деревню своими руками, вернувшись на землю, с которой их изгнал Сталин около полувека назад» [7].

Далее автор повествует о депортации крымских татар по обвинению в сотрудничестве с нацистами и их борьбе за возвращение родину. «Первые поселенцы вернулись назад, в Крым, в конце восьмидесятых и к 1990 году струйка стала мощным потоком. Из приблизительно полумиллиона крымских татар 166.000 вернулись в Крым к 1 января, сказал Мустафа Джемилев, лидер крымскотатарского национального движения» [7].

Судьбе Джемилева, который провел 15 лет в советских лагерях, также посвящено несколько строк: «Он был одним из пяти татар, которые провели первую протестную демонстрацию в Москве в 1969 году. Он вернулся в Крым в 1989 году и поселился в Бахчисарае, где с XV по XVII век жили татарские ханы, управлявшие Крымом как вассалы Оттоманской империи, пока императрица Екатерина II не аннексировала регион в 1783 году» [7].

Этот исторический бэкграунд помещает современное общественно-политическое движение крымских татар внутрь сложной истории региона, показывает их наследниками Крымского ханства. «Мы утверждаем свое право на весь Крым, - говорит Джемилев, - однако это не означает, что мы хотим кого-то выселить. На полуострове 2,5 миллиона человек, около 70 процентов из которых русские и 22 процента украинцы» [7].

«Татарские лидеры поддерживают нынешний статус Крыма как автономной республики в составе Украины и отрицают «шовинистические» российские претензии

на регион, который Никита Хрущев передал из России в Украину в 1954 году» [7], - пишет «Нью-Йорк Таймс», фактически обозначая ту же самую политическую проблематику, которая остается актуальной для теперь уже снова российского Крыма и сегодня, 22 года спустя.

Издание утверждает, что Джемилев обещает полное равенство всех религий, акцентируя внимание на том, что среди татар-суннитов нет тенденции к исламскому фундаментализму. И это еще одна важная линия возможного конфликта в Крыму, за которой будут пристально следить американские медиа на протяжении всех последующих лет – вероятность радикализации ислама и конфликта мусульман с христианским большинством населения полуострова.

В этой же публикации можно обнаружить еще одну сквозную крымскую тему американских медиа - описание материальных и бытовых трудностей, с которыми крымские татары сталкиваются после возвращения на родину, их противостояние с чиновниками и остальным населением полуострова в борьбе за земельные участки: «Несмотря на обещания финансовой помощи из Москвы и Киева, Асан Чапук, лидер этого поселения, говорит, что до недавнего времени татары сталкивались только с притеснениями и препятствиями со стороны властей и все еще не получили от правительства денег на обустройство» [7].

«Мистер Чапук, инженер-строитель, рассказал, что татары поселились на этом холме после силового противостояния с государственным табачным хозяйством, которое владело земельным участком» [7].

Наконец, последний тезис. По словам героя публикации, несмотря ни на что, ни у него, ни у членов его семьи никогда не было сомнений в необходимости возвращения на родину. «Моя родина здесь, где родились мои предки. Там, откуда я приехал, родина узбеков» [7], - говорит он в финале.

Об ужасах депортации и трудностях возвращения на родину рассказывает еще одна большая публикация в «Нью-Йорк Таймс» от 3 августа 1993 года. «Приблизительно через 50 лет после того, как Сталин выселил около 200 тысяч татар с их родины в Крыму, некоторые депортированные и множество их потомков вернулись из среднеазиатского изгнания с небольшим количеством вещей, но с решимостью вернуть то, что было отобрано у них во время одной из самых жестоких советских депортаций.

Татары, тюркский народ, усвоили воинственную установку здесь, в крымской столице, где также растет этническое напряжение между русскими и украинцами.

Под руководством Мустафы Джемилева, харизматичного 49-летнего политика, которому было семь месяцев, когда его и его семью депортировали, и который провел 15 лет в лагерях, татары ведут борьбу за политическое представительство, землю, право строить дома и доступ в школы» [10].

Причем, как свидетельствуют медиа, иногда в этой борьбе крымские татары прибегают не только к мирным методам. «Вопреки их прежней ненасильственной позиции, татары жестко борются за свои требования. В прошлом году Джемилев мобилизовал тысячи людей в Симферополе на протесты против разрушения милицией крымскотатарского поселения. Здание парламента было забросано камнями. В июле, когда Николай Багров, бывший первый секретарь Крымской коммунистической партии, а сейчас глава крымского парламента, разгневанно сказал на пресс-конференции, что он отказывается рассматривать татарские требования о представительстве, Лиля Буджурова, популярная татарская тележурналистка, спросила: «Что мы должны делать? Снова забрасывать парламент камнями?» [10].

При этом следует отметить, что негативные стороны национального движения крымских татар не освещаются или практически не освещаются ведущими

американскими медиа – скорее всего, потому что не укладываются в удобную для них черно-белую картинку действительности. Между тем, такие негативные стороны, несомненно, имели и имеют место быть. Здесь можно упомянуть и массовые захваты земли, и конфронтационные требования о создании национальной автономии, и неоднократные насильственные акции – столкновения с правоохранителями в Феодосии, штурм Свято-Успенского монастыря, массовые драки со славянами на Центральном рынке в Бахчисарае, так называемый крестоповал, резня в симферопольском клубе «Коттон» и ряд других событий.

В описании американских СМИ крымские татары выглядят правыми даже во время столкновений с правоохранительными органами. Пример тому – освещение одного из самых острых конфликтов такого рода в Восточном Крыму в середине девяностых годов прошлого века.

«Сотни крымских татар, разгневанных коррупцией в милиции, столкнулись с правоохранителями в бунтах, которые распространились как минимум на шесть городов. Два человека были убиты и десять – ранены, - писала «Чикаго Трибьюн». – Около 600 татар, вооруженных палками, камнями и зажигательными бомбами, сожгли магазин, разбомбили ресторан и атаковали еще ряд магазинов во время волнений воскресной ночью. В одном городе они ненадолго взяли в заложники начальника милиции, но отпустили невредимым» [3].

Украина официально легализовала возвращение крымских татар, рассказывают американские СМИ, «но радушие по отношению к приблизительно 200 тысячам татар, которые приехали из Узбекистана... меньше, чем ожидалось» [10].

«Десятилетия антитатарской пропаганды, давка за землю на желанном крымском побережье, где жило большинство татар, и региональное крымское правительство, в котором доминируют бывшие коммунистические бароны, привели к враждебности. В нескольких случаях на протяжении двух последних лет милиция силой разрушила татарские поселения» [10], - пишет «Нью-Йорк Таймс». И приводит пример: «В прошлом году они снесли татарские дома на том холме, - рассказала Шази Сейдаметова, 37-летняя мать двоих сыновей, чья оливковая кожа, глубокие коричневые глаза и черные волосы демонстрируют напряжение тяжелого физического труда, который она и ее муж выполняют, чтобы построить временное жилище из грубых известиновых блоков. «Мы брали воду из соседней колонки, но на прошлой неделе власти ее перекрыли, и сейчас мы должны ходить намного дальше» [10].

Истории из жизни людей, свидетельства очевидцев – очень часто используемый журналистский прием, цели которого – во-первых, придать публикациям достоверность; во-вторых, передать не только информацию, не только факты, но и эмоции, создать эмоциональную связь между героями статей и читателями.

«Лос-Анджелес Таймс» описывает ужасные условия, в которых живут вернувшиеся на родину татары: «В грязном поле на краю крымской столицы, очень далеко от последней автобусной остановки, 126 татарских семей живут в поселении без воды. Тем не менее, они бились с полицией за этот жалкий кусок родной земли, электричество – единственное удобство, которое у них есть» [4].

Почти каждый год в американских СМИ обязательно появляются публикации, приуроченные к годовщине депортации крымских татар. Вот пример одной из них, появившейся в журнале «Тайм»: «Пожилая женщина плачет на митинге крымских татар в центре Симферополя, посвященном годовщине сталинской депортации, - рассказывает популярный американский журнал. - Когда Шевкет Османов переехал на родину его семьи в 1987 году после того, как провел всю жизнь в Узбекистане, радушие, которое он получил, было не слишком бурным. «Люди были запуганы», - говорит Османов, который был частью первой волны крымских татар, вернувшихся в Крым во время перестройки в конце восьмидесятых годов. – «За десять дней

перед Курбан-байрамом они закрыли все школы, потому что были слухи, будто мы собираемся приносить в жертву детей» [9].

«Но даже после двадцати лет борьбы за свои права татары продолжают верить в лучшее, мирное будущее. «Собаки лают, караван идет», - говорит Османов, цитируя арабскую поговорку. – Бог все видит, и в конце концов он все устроит правильно» [9].

Все вместе эти истории становятся историей народа, стремящегося домой вопреки всем препятствиям, народа, борющегося за свой язык, свою культуру, свою национальную идентичность.

Едва ли не главным противником крымских татар в этой борьбе, в интерпретации американских СМИ, оказывается другое национальное движение - русское. Напомним, первый мощный всплеск русского движения на полуострове пришелся на начало девяностых годов прошлого века и ознаменовался победой на выборах президента Крыма Юрия Мешкова. Тогда американские СМИ видели в этом опасность превращения нашего полуострова в следующую Боснию, следующий Нагорный Карабах или следующую Абхазию.

«Панславянский национализм пугает крымских татар, мусульман, которые доминировали в регионе до XVIII века, когда они были подчинены Россией. Они также были жестоко депортированы Сталиным 50 лет назад.

С помощью украинского правительства татары возвращаются и расселяются и сейчас составляют более 10 процентов населения. Они выступают против Юрия Мешкова, крымского президента, и сейчас поддерживают Киев в конфликте из-за статуса Крыма» [13].

Тогда, в середине девяностых, Киеву удалось справиться с русским движением, Юрий Мешков бежал в Москву, а Республика Крым потеряла значительную часть своих полномочий. Однако вскоре после той победы Киев обнаружил, что у крымских татар на самом деле – свои, не совпадающие с центром политические задачи. Описание противоречий между татарами «как полезными, но требовательными союзниками», и Киевом излагается в следующей публикации.

«Через шесть месяцев после того, как украинское правительство нейтрализовало русское сепаратистское движение здесь, на Крымском полуострове, оно столкнулось с нарастающим давлением другой группы – крымских татар.

Киев обнаруживает, что татары – исламский тюркский народ, который составляет около 10 процентов населения Крыма – полезные, но требовательные союзники. Татары решительно противостояли русскому сепаратизму, но увеличивают давление, чтобы усилить свое политическое влияние и культурные права» [11].

Так называемые «самозахваты» земли, которые вызывают в Крыму неприятие большинства жителей, описываются американскими медиа как механизм борьбы крымских татар за свои права. При этом, как мы уже отмечали, оборотная сторона процесса, увы, фактически игнорируется.

«До сих пор правительственные схемы приватизации земли не смогли дать татарам честной доли. Некоторые прибегли к захвату земли, на которой строят новые дома. Эти часто убогие поселения раскинулись на пустых землях в Симферополе и легко узнаются благодаря крошечным каменным домам, выглядящим как постоянные строительные площадки. «Мы не просим об одолжении», - говорит Рустем Халилов, живущий в Яны-Кырым, поселении, построенном в Симферополе на земле, захваченной в 2006 году, где сейчас стоят дома 80 семей. «Мы просто хотим, чтобы нам было, где жить. Если бы нам дали землю, нам не нужно было бы захватывать ее» [9].

Дискриминацию по национальному признаку обнаруживают американские медиа и описывая проблему трудоустройства крымских татар.

«И земля - далеко не единственная их проблема. Пока местные русские часто говорят об уважении к предпринимательским способностям и рабочей этике

крымских татар, Халилов рассказывает, что его не взяли на работу, когда увидели, что он татарин. «Я не расист, но я не взял бы их на работу», - говорит Владимир, отставной русский моряк и местный бизнесмен, который отказался назвать свою фамилию» [9].

Кроме того, по версии «Тайм», татары испытывают религиозные притеснения в Крыму: «Некоторые татары также видят религиозный элемент в том, как к ним относятся: в апреле прошлого года были осквернены мусульманские могилы, и на протяжении последних пяти лет татары безуспешно борются за выделение земли для строительства центральной мечети в Симферополе» [9].

Очень подробно конфликт вокруг выделения земельного участка для строительства соборной мечети в Симферополе описывается в публикации «Нью-Йорк Таймс».

«Этнические русские власти в Симферополе, столице Крыма, тормозят планы строительства мечети, вызывая гнев татарского сообщества» [8], - пишет газета.

По мнению татарских лидеров, которое приводит издание, «местные политики просто не хотят, чтобы в Симферополе появилась выдающаяся мечеть». «За сценой они говорят: «Крым – русская православная земля. Если татары хотят строить мечеть, они должны строить ее там, где никто не сможет ее увидеть» [8], - цитирует «Нью-Йорк Таймс» Рефата Чубарова.

Наконец, по мнению американских медиа, для создания негативного образа крымских татар используется также старый миф об их сотрудничестве с фашистами во время Второй мировой войны: «Действительно, старый миф о татарском предательстве во время Второй Мировой войны еще широко распространен» [9]. Так формируется образ страдающего, угнетаемого народа, борющегося за свои права.

Ну и, конечно, не обходят американские СМИ вниманием роль России, якобы провоцирующей нестабильность в Крыму: «Татарские лидеры ясно дают понять, кто, по их мнению, стоит за попытками спровоцировать конфликты и нестабильность на полуострове. «Я не думаю, что Россия рассчитывает вернуть Крым, но для нее важно держать полуостров в состоянии постоянного напряжения», - говорит лидер Меджлиса Мустафа Джемилев корреспонденту журнала «Тайм». - «Некоторые русские газеты (в Крыму) публикуют грязные инсинуации о татарах. Это провокации против нас, но не в нашей культуре отвечать на них насилием» [9].

Далее журнал приводит мнение Джемилева о том, что Россия якобы раздает в Крыму российские паспорта и пытается спровоцировать татар для того, чтобы получить основания для защиты русских, как это было в Южной Осетии в 2008 году.

Именно руководители Меджлиса Джемилев и Чубаров чаще всего цитируются американскими медиа и представляются ими как народные лидеры. И наоборот, когда оппозиционная Меджлису организация «Милли Фирка» обратилась к руководству России с просьбой защитить крымских татар от геноцида со стороны Украины, американские СМИ принялись цитировать заявления Джемилева о том, что авторы упомянутого обращения – отщепенцы, которые не представляют крымскотатарский народ.

«Мустафа Джемилев, лидер Меджлиса, сказал, что обращение «Милли Фирка» не отражает позиции крымских татар. «Каждая нация имеет право иметь некоторое количество дураков» [5]. «Таким образом, изначальное сообщение и способ, которым оно распространялось, - это еще один пример дезинформационной кампании Москвы и прозрачная попытка оказать давление на Украину, чтобы получить еще одно основание для российской интервенции здесь под предлогом защиты этнического меньшинства» [5].

Выводы. В рамках нашего исследования мы понимаем под образом государства (региона) совокупность эмоциональных и рациональных представлений об этом государстве или регионе. В нашем случае это совокупность эмоциональных и

рациональных представлений о Крыме, которые отражаются в публикациях ведущих американских средств массовой информации.

При этом, опираясь на работы Э. А. Галумова, можно сказать, что всякое государство (регион) есть уникальный по набору конгломерат ценностей, национальных интересов, специфических особенностей географического положения, характеристик внутригосударственной экономической системы, социальных и политических процессов, этнических и культурных особенностей, традиций, нравов и обычаев, эволюционирующих в permanently развивающемся сообществе людей. И каждый из этих компонентов так или иначе участвует в формировании образа того или иного государства или региона [2].

Анализируемый нами «крымскотатарский компонент» оказывает существенное влияние на формирование образа Крыма. Он, с одной стороны, определяет уникальность региона, а с другой, является мощным конфликтогенным фактором, который время от времени приводит к противостоянию между крымскотатарским и славянским населением полуострова.

В силу ряда причин, упоминавшихся в начале публикации, крымскотатарский вопрос является привлекательной темой для американских и шире – западных средств массовой информации, укладываясь в их искривленную матрицу политической и культурной реальности в бывшем СССР вообще и в Крыму в частности.

Чаще всего крымскотатарская тема возникает на страницах американских медиа в конфликтные, переломные моменты новейшей крымской истории – во время распада СССР, в дни президентства Юрия Мешкова, российско-грузинской войны 2008 года, «крымской весны» 2014 года.

Перспективы дальнейших исследований. Эта статья является частью цикла публикаций, представляющих результаты исследования образа Крыма в средствах массовой информации Соединенных Штатов Америки в годы после распада Советского Союза. Работа в настоящем направлении продолжается и в перспективе может вылиться во всестороннее исследование этого явления.

Список литературы

1. Галумов Э. А. Международный имидж России: стратегия формирования / Галумов Э. А. - М.: Известия, 2003. – 452 с.
2. Aschenbach Joy. Tug of War in Crimea Reopening Old Wounds Ethnic tension: Beloved Black Sea peninsula is once again caught in political cross-fire / Aschenbach Joy // Los Angeles Times. – 16.08.1992.
3. Associated Press. Protesting Corruption, Crimea Tatars Riot / Associated Press // Chicago Tribune. – 27.06.1995.
4. Boudreaux Richard. Tatars Regaining Lost Ground in Crimea Homeland Fifty years after deportations by Stalin, repatriates are establishing communities and mustering political clout. But some are seen as squatters in their native land / Boudreaux Richard // Los Angeles Times. – 28.04. 1995.
5. Goble Paul A. Moscow Tries to Stir Up Crimean Tatars / Goble Paul A. // The New York Times. – 20.09.2008.
6. Hiatt Fred. Crimea Catches Sovereignty Bug; Coveted Region Wants Freedom From Newly Free Ukraine / Hiatt Fred // The Washington Post. – 01.06.1992.
7. Kamm Henry. Chatal Khaya Journal; Crimean Tatars, Exiled by Stalin, Return Home / Kamm Henry // The New York Times. - 08.02.1992.
8. Levy Clifford J. Crimean Mosque Project Stirs Debate and Trauma / Levy Clifford J. // The New York Times. – 29.10.2009.
9. Marson James. Postcard from Crimea. For Crimea's Tatars, a Home That's Still Less than Welcoming / Marson James // Time. – 16.04.2009.

10. Perlez Jane. Simferopol Journal; Stalin's Pawns Return, Meaning to Play for Keeps / Perlez Jane // The New York Times. – 03.08.1993.
11. Rupert James. Ukraine's Troubles in Crimea Take New Turn; Reconciliation of Russian Separatists Advances, but Now Returning Tatars Make Demands / Rupert James // The Washington Post. – 04.12.1995.
12. Schodolski Vincent J. Soviets' Big Nightmare: Ethnic Strife / Schodolski Vincent J. // The Chicago Tribune. – 28.08.1991.
13. Stanley Alessandra. Crimea Is Waging a War of Nerves With Ukraine / Stanley Alessandra // The New York Times. – 30.05.1994.

Mashchenko Aleksandr «Crimean Tatar component» of the Crimea's image in American media (1991-2013 years) // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 2. – P.16-25

The article shows a constant interest of the leading American media in the Crimea, systematizes publications by various media telling about this disputed area. It explains reasons for interest of American media in the fortune of the Crimea.

The article analyzes how Crimean Tatar component influences on the Crimea's image in American media. An author says that one of the most important characteristics forming the Crimea's image in western media is Crimean Tatars returning from deportation and struggling for their rights.

The article classifies Crimean publications of the famous American print media; designed the Crimea's image in these newspapers and journals; analyzes how American media evaluate Crimean Tatar historical, political and cultural component of the Crimea.

The article demonstrates that powerful Crimean Tatar component on the one hand determines originality of the Crimea. But on the other hand this component turns out to be a conflict factor which provokes confrontation inside and outside peninsula.

Most often Crimean Tatar themes emerge in American media during conflict critical moment like breakdown of the USSR, presidency of Yuri Meshkov, Russian-Georgian War in 2008 year.

Key words: *The Crimea, Ukraine, Russia, The USA, Crimean Tatars, image, media.*

Поступила в редакцию 27.08.2014 г.

РАЗДЕЛ 2. ЯЗЫК И СТИЛЬ СМИ, ТЕКСТОВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ

УДК 811. 161. 1367. 628

Звукоподражания современного русского языка как развивающийся разряд слов

Алиева В. Н.

*Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Республика Крым
vasfiye.ali@gmail.com*

В статье анализируются особенности функционирования звукоподражательных слов и звукоподражаний в русском языке. Определяются факторы, которые способствуют образованию новых слов на базе звукоподражаний.

Ключевые слова: звукоподражание, звукоподражательные слова, ономапоея, ономапопы.

В русской лингвистической традиции ономапоея рассматривается как один из видов изобразительных слов и является синонимом звукоподражания. Ономапоея в качестве проявления особого рода мотивированности в языке представляет собой явление неоднозначное. Одни ученые склонны отрицать наличие единиц, мотивированных собственным звуковым составом, другие – пытаются доказать неслучайное присутствие определенных звуков. Эти две крайние позиции возникают, вероятно, из-за того, что вопросы мотивированности и произвольности/непроизвольности языкового знака вышли за пределы лингвистики, приобрели психологический и социокультурный статус.

В данной работе мы используем следующие термины: *ономапоея*, или *звукоподражание*, а также языковые единицы, вербализирующие данное явление (*ономапопы*, *мимемы* и др.). Термин «звукоподражание», синонимичен, таким образом, термину *ономапоея* и *ономапоп* в связи с его традиционным употреблением в отечественном языкознании.

Ономапоея, а также языковые единицы, определяющие данное явление, не раз являлись объектом научного исследования. Лингвисты рассматривали их частеречную принадлежность, разграничение междометий и звукоподражательных слов, определяли специфику их значения, роль в тексте, в детской литературе, проблему их перевода. (И. В. Арнольд, 1959; А. И. Германович, 1961; Н. Г. Михайловская, 1969; А. Н. Тихонов, 1981; Л. А. Горохова, 2000 и др.). Появились новые концепции, разрабатываемые в этом русле (С. В. Воронин, 1982, 1990; Н. Ф. Алеференко, 2005; Е. Н. Кандакова, 2003; С. С. Шляхова, 2006 и др.).

Синхронное изучение данного языкового явления определяет ряд задач: функционирование звукоподражаний и звукоподражательных слов в тексте, выявление лексико-семантических и лексико-грамматических особенностей данных

языковых единиц, вопросы перевода звукоподражательных слов. В настоящей работе нас интересует именно синхронный подход к изучению ономапии русского языка.

В русской лингвистической традиции ономапия рассматривается как один из видов изобразительных слов и является синонимом звукоподражания. Ономапия в качестве проявления особого рода мотивированности в языке представляет собой явление неоднозначное. Одни ученые склонны отрицать наличие единиц, мотивированных собственным звуковым составом, другие – пытаются доказать неслучайное присутствие определенных звуков. Эти две крайние позиции возникают, вероятно, из-за того, что вопросы мотивированности и произвольности/непроизвольности языкового знака вышли за пределы лингвистики, приобрели психологический и социокультурный статус.

Цель данной работы – анализ особенностей функционирования звукоподражаний как развивающегося разряда слов в современном русском языке.

Для того чтобы достичь поставленной цели, необходимо решить ряд задач:

1. Сделать попытку определения места звукоподражательных слов в системе частей речи русского языка;
2. Определить факторы, способствующие образованию новых слов на базе звукоподражаний.

Методологической основой работы исследования послужили следующие языковедческие принципы: понимание языка как исторического изменяющегося явления (Я. Гримм, А.Х. Востоков, А.А. Шахматов и др.), как структурной системы (Ф. де Соссюр, А. И. Бодуэн де Куртенэ).

Теоретической базой работы послужили труды следующих лингвистов в области лексикологии и морфологии (А.Н. Тихонов, Е.Н. Земская, А. И. Германович, А.А. Шахматов и др.), а также в области фоносемантики (С.В. Воронин, С.В. Чиронов, С.С. Шляхова и др.).

Материалом для исследования послужили звукоподражательные слова, представленные в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля и в «Словаре современного русского языка», а также примеры, выписанные из художественных произведений русских писателей и поэтов. Эти примеры составили картотеку, составленную путем выборки звукоподражательных слов из указанных в литературе источников.

Актуальность данной проблемы и задачи исследования определили методы, которые использовались при изучении собранного языкового материала. Основные из них – описательный, включающий приемы классификации, наблюдения, сопоставления, обобщения и интерпретации изучаемого материала; сопоставительный и статистический методы – были применены с целью характеристики, анализа и теоретического обоснования происходящих в языке процессов. При исследовании был также использован дистрибутивный метод – анализируемые факты языка рассматривались в контексте, в котором реализовалось данное языковое явление.

В современных исследованиях по языкознанию звукоподражания определяются по-разному: изобразительные, а иногда ономапоэтические слова. Понятием «изобразительные слова» чаще всего обозначают широко распространенные, например, в тюркских языках звукоподражательные и так называемые «образные» слова. Отметим, что в отечественной лингвистике существует несколько терминов, связанных с языковой трактовкой звукоподражания: изобразительные слова, идеофон, ономапия, звуковой символизм, звуковые жесты, мимесис и иконизм. Некоторые из них являются выработанными разными лингвистическими школами вариантами одного и того же явления.

Термин «ономапоэтический» в русском языке употребляется, в основном, в словарях и авторских работах и носит узкоспециальный характер. В «Словаре

лингвистических терминов» О. С. Ахмановой приводится определение слова «ономатопозитический» и предлагается следующее толкование звукоподражаний:

Звукоподражание (ономатопея)

1. Условное воспроизведение звуков природы и звучаний, сопровождающих некоторые процессы (дрожь, свист, смех и т.п.), а так же криков животных - мяу, гав и т.п.

2. Создание слов, звуковые оболочки которых в той или иной степени напоминают называемые (обозначаемые) предметы и явления. – Русск. Хохот, кукушка, мурлыканье [12, с. 157].

Ономатопозитический. То же, что звукоподражательный. Ономатопозитическая теория. То же, что теория звукоподражания [12, с. 158].

Звукоподражание, таким образом, охватывает слова, возникшие на основе фонетического уподобления неречевым звукокомплексом: «мяукать» от «мяу», «хрюкать» от «хрю», «гавкать» от «гав» и т.д. Вместе с тем *изобразительные слова*, в которых значение частично предопределено значением слова, можно разделить на две группы: собственно звукоподражательные слова, использующие звуки, акустически напоминающие обозначаемые явление (рус. «буль-буль», «ку-ку», «кап-кап»), и *звукообразные, или идеофонические слова*, в которых звук создает образное впечатление о форме предметов, их движении, расположении в пространстве, качествах на основе ассоциаций между звуками и звуковыми явлениями (движением, формой и пр.). Звукообразные слова, или идеофоны, являются составляющими более широкого понятия *звуковой символизм*, который определяется в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой как «предполагаемое наличие у некоторых звуков речи способности непосредственно соответствовать тем или другим представлениям» [12, с. 404].

Звукосимволические слова, или идеофоны, часто обозначают различные виды движения, световые явления, форму, величину, эмоциональное состояние человека или животного. В русской традиции звукосимволическая подсистема языка входит (наряду со звукоподражательной подсистемой) в более широкую *изобразительную систему языка*.

В отношении ономатопозитических слов в языкознании было привнесено понятие «звуковой жест» выдающимся русским лингвистом Е.Д. Поливановым. «Звуковыми жестами» Е.Д. Поливанов называет звукосочетания (соединение определенно гласных и согласных в определенном порядке), роль которых аналогична роли общепринятых жестов. В русском языке они представлены словами (или частями слов) *ква-кать, кукарек-ать, стук-стук, трам-тарарам, кап-кап, чирик-ать, хрю-кать, ау-кать, чав-кать* и т.д. [8 с. 295].

Говоря о жестах в целом следует отметить, что «словарь жестов» у разных народов неодинаков. Такое несоответствие тем более верно для ономатопозитических слов или «звуковых жестов» в определении Е. Д. Поливанова. Например, русским звукоподражанием соответствует следующие английские варианты:

рус. *ква-ква* (кваканье лягушки) – англ. *stoak*; рус. *кап-кап* (капли воды) – англ. *drip-drip*; рус. *чирик-чирик* (чириканье воробья) – англ. *chirp*; рус. *хрю-хрю* (хрюканье свиньи) – англ. *oink-oink*

В статье отмечается, что небольшая группа ономатопозитических слов, основанных на подражании звукам, издаваемым птицами и животными, «является универсальной (iconic) даже для языков, принадлежащих разным языковым семьям [Там же].

Например: рус. *му-му* (мычание коровы) – англ. *too* – крым. тат. – *муу*

рус. *кар-кар* (карканье вороны) – англ. *saw-saw*- крым.тат – *къар-къар*

рус. *ку-ку* (звук, издаваемый кукушкой) – англ. *cuckoo* – крым.тат. – *ку-ку*

В связи с небольшой группой звукоподражательных слов, обладающих схожей фонетической формой в разных языках, иногда вводят понятие *иконизм*, используемый для выражения присущей языку тенденции соотносить значения слов с их звучанием.

Ввиду наличия в языкознании нескольких понятий, которые определяют исследуемый нами феномен, в качестве основных терминов в этой работе мы выбрали следующие: *изобразительные слова*, а также *ономатопея*, *ономатотоп* как разновидности изобразительных слов. Ономатопея понимается как *звукоподражание*, или *звукоизобразительные слова*, основанные на подражании реальным звукам окружающей действительности, в то время как *идеофоны* представляют собой звукообразные или звукосимволические слова, в основе которых лежит не имитация звуков, а лишь созданные звуком условные образы, ассоциации и представления об окружающем нас мире в психике человека.

Теория звукоподражания или ономатопозитическая теория представляет собой одну из гипотез о происхождении языка, согласно которой язык возник вследствие того, что человек подражал естественным природным звукам, постепенно придавая им схематический и условный вид. В современных исследованиях по языкознанию звукоподражания определяются по-разному: изобразительные, а иногда ономатопозитические слова.

Термин «ономатопозитический» в русском языке употребляется, в основном, в словарях и авторских работах и носит узкоспециальный характер.

Звукоподражание, таким образом, охватывает слова, возникшие на основе фонетического уподобления неречевым звукокомплексом: «мяукать» от «мяу», «хрюкать» от «хрю», «гавкать» от «гав» и т.д. Вместе с тем *изобразительные слова*, в которых значение частично предопределено значением слова, можно разделить на две группы: собственно звукоподражательные слова, использующие звуки, акустически напоминающие обозначаемые явление (рус. «буль-буль», «ку-ку», «кап-кап»), и *звукообразные*, или *идеофонические слова*, в которых звук создает образное впечатление о форме предметов, их движении, расположении в пространстве, качествах на основе ассоциаций между звуками и звуковыми явлениями (движением, формой и пр.). Звукообразные слова, или идеофоны, являются составляющими более широкого понятия *звуковой символизм*, который определяется в словаре лингвистических терминов О.С. Ахмановой как «предполагаемое наличие у некоторых звуков речи способности непосредственно соответствовать тем или другим представлениям» [12, с. 404].

В русской традиции звукосимволическая подсистема языка входит (наряду со звукоподражательной подсистемой) в более широкую *изобразительную систему языка*.

Теория звукоподражания или ономатопозитическая теория представляет собой одну из гипотез о происхождении языка, согласно которой язык возник вследствие того, что человек подражал естественным природным звукам, постепенно придавая им схематический и условный вид.

Особенно широко распространяются разные варианты звукоподражательной теории в XVIII, XIX и XX веках. В изысканиях о происхождении языка в XVIII и XIX веках звукоподражательная теория зачастую объединяется с междометной, эмоциональной, связь между знаками и их значениями выводится из общности эмоций, вызываемых звуками и предметами. Позднейшие исследователи отказались от поспешных обобщений абстрактных умозрительных построений, обращая больше внимание на строгость научной методики анализа.

В более раннюю эпоху звукоподражательные слова использовались как магическое средство. Несомненно, что звукоподражания, возникшие на ранней стадии развития мировоззрения человека, имели соответствующую «внутреннюю форму». Отсюда,

однако, не следует делать вывод, что подобные слова образуются только на какой-либо стадии развития культуры человека, его языка и мышления. Они образуются и в наши дни. У современного человека они носят образно-поэтический характер, иногда вызываются эмоциональным настроем.

Как правило, звукоподражания имеют устойчивый (постоянный) звуковой состав, который соответствует основным законам звуко сочетаний каждого конкретного языка, обладают свойством воспроизводимости.

Однако в звукоподражательных словах встречаются фонемы или звуко сочетания, которые отсутствуют в других словах, и, наоборот, в них не используются некоторые фонемы, имеющиеся в языке. Фонетически звукоподражания и звукоподражательные слова имеют мотивированное звуковым составом значение, представляют собой условные копии звуковых и других явлений.

Звукоподражательные слова обобщают обширную группу, так как подражать можно птицам, животным и даже предметам и стихийным проявлениям природных сил.

Сюда относят:

1. Подражания птицам: *Га-га-га!* (гусям), *кудах-тах-тах!* *Куд-куд-кудах!* (курице), *ку-ка-реку!* (петуху), *Кра-кра-кра!* *Кар-кар-кар!* (вороне), *Ку-ку!* (кукушке), *Чик-чирик!* (воробью), *Пиить!* (чибису) и т.п.

Например: *Уу-рлы, урлу-рлы, урлу-рлы* – стонет по всему лесу невидимый хор, и, едва только он замолкает, так в ответ ему откуда-то с противоположного конца леса раздаются такие же гармонические стоны другого стада проснувшихся журавлей (Куприн, На глухарей) [3, с.86];

2. Подражания крикам и звукам животных : *Гав-гав!* (собаке), *Мяу-мяу!* (кошке), *Му-му* (корове), *И-го-го!*(лошади), *Бе-е!* (овце) и т.п.

Например: *-Гав! Гав!*- ревел басом Милорд, огромный черный пес, стуча хвостом по стенам и по мебели (А.Чехов, Мальчики) [6, с. 225];

На этом основании некоторые лингвисты выделяют следующие тематические группы ономастиков русского языка:

1. «Лингвофонации» (ЛФ), лексемы, которые обозначают речевую деятельность; 2. «Зоофонации» (ЗФ), обозначающие животных, птиц, насекомых и издаваемые ими звуки. 3. «Антропофонации» (АФ), обозначающие звуки человека, связанные с физиологией, работой, изменением положения в пространстве. 4 «Натурофонации» (НФ), описывающие звуки неживой природы. 5. «Технофонации» (ТФ), обозначающие звуки механизмов, орудий труда, инструментов [10, с. 9].

Среди языковедов нет единого мнения относительно места звукоподражаний в системе частей речи. В современных исследованиях (Т. Г. Орлянская, И. А. Шаронов, В. К. Харченко, В. А. Разумовская и др.) доказывается, что звукоподражания – это независимый от междометий разряд слов, который выделяется грамматическими особенностями, выполняет в речи определенные функции, являясь активной её частью.

Итак, звукоподражания представляют собой особую категорию слов, отличную от знаменательных и служебных частей речи.

Звукоподражания в сущности не изолированы от остальных слов. Они могут субстантивироваться и употребляться в функции подлежащего, дополнения и (особенно часто) сказуемого, например: Доктор уходит, свеча тухнет и опять слышится *бу-бу-бу-бу* (подлежащее) [6, с. 254]. А мне жаль стариков-то, да и сестренки жаль, потому, что шила в мешке не утаишь, и по городу- *шу-шу-шу* (сказуемое).

На базе звукоподражаний формируется значительно большой класс так называемых глагольных междометий: *хлоп-хлоп, хруп, квак, буль-буль, бульк, шлеп, трах-тарарах* и другие, которые формально и функционально совпадают с первообразными

звукоподражаниями. Все они обозначают, частые, резкие движения и могут служить образцом для окказиональных образований. Для данных звукоподражаний (типа *бам*, *звяк*, *щелк* и т.п.) и глагольных междометий (типа *прыг*, *скок*, *толк* и т.п.) функция члена предложения – сказуемого является характерной синтаксической функцией. При этом они обычно получают конкретно-обусловленные значения прошедшего времени совершенного вида и примыкают к глаголом одноактного способа действия типа *прыгнуть*, *хлопнуть*, *цапнуть* и т.п. Например: Капитан Копейкин побежал было за ней, трюх-трюх следом... (Н. В. Гоголь, Мертвые души) [1, с. 194];

В процессе функционирования звукоподражательных слов в системе языка происходит лексикализация единицы, которая представляет звукоподражание как часть речи (ономатоп). Этот процесс реализуется с помощью определенных словообразовательных моделей. Наиболее регулярным и продуктивным является использование суффикса -к-. Этот суффикс оформляет глагольные и именные ономатопэтические основы, но подвергается некоторым фонетическим изменениям (палатализации). Например: *рыкать*, *рычать*, *брыкаться*, *рык*, *брык*). Большинство подобных слов образуют совершенный вид с суффиксом -ну- (*хлопать-хлопнуть*, *хлепать-хлепнуть*, *топать-топнуть*, *шептать-шепнуть*, *царапать-царапнуть*, *аукать-аукнуть*).

Эти особенности звукоподражаний опровергают традиционные взгляды на звукоподражания как на категорию, изолированную от других частей речи, стоящую даже за пределами средств языкового общения. Звукоподражания выполняют в речи не только определенную функцию, органически входят в сложную систему языка, но и являются активной ее частью, обогащая ее словообразовательные ресурсы, эмоционально- экспрессивные возможности.

Звукоподражательные непроизводные слова (типа *мяу*, *ку-ку*, *тик-так*) в массовом порядке стали использоваться в письменном литературном языке сравнительно недавно, лишь в прошлом веке. В послеоктябрьский период процесс демократизации литературного русского языка интенсифицировался. Одно из частных проявлений этого процесса – дальнейшая активизация звукоподражаний. О развитии разряда звукоподражаний в наше время свидетельствует:

1. Пополнение состава общеупотребительных и общеизвестных звукоподражаний;
2. Усиление взаимодействий звукоподражаний с другими разрядами лексики;
3. Расширение сферы функционирования звукоподражаний.

Наряду с более или менее известными звукоподражаниями, повышенным вниманием в литературном языке пользуются *окказиональные* звукоподражания. Можно назвать многих писателей и поэтов, особенно детских, часто вводящих в повествование или в стихи не только известные, но и созданные ими самими звукоподражания. Это С. Я. Маршак, К. Чуковский, С. Михалков, А. Барто, Ф. Жичка, Л. Леонов и другие: «*Тра-гага!!! Гах! Гах! Гах!* - грохочет в небе гром» [2, с. 94]; «*Ш-р-р-р,*» - летят вихри стружки с токарного станка» [4, с. 67].

Другим направлением в экспансии звукоподражаний является усиление их взаимодействия с разными частями речи. Это проявляется, с одной стороны, в переходе междометных глаголов в звукоподражания, с другой – в образовании от звукоподражаний глаголов и существительных.

В XX веке ряд междометных глаголов приобретает значение звукоподражаний. Так, например, образования: *скрип*, *хлоп*, *хруст*, *хрясть цок*, *шлеп*, *шмяк*, в «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова квалифицируются только как глагольные формы; в «Словаре современного русского литературно языка» наряду с глагольным значением у них отмечается звукоподражательное. Этот переход основывается на синтаксических функциях рассматриваемых образований: «Братец Кролик *хлоп* ему

под ноги и *кувырком* в кусты» [5, с. 42] и «Сидит ворона на дереве и хлопает крылом по суку: *хлоп-хлоп* [там же, с. 44].

Звукоподражательные слова в русском литературном языке представляют собой развивающийся разряд лексики. Естественно, звукоподражания уступают и в количественном, и в частотном отношении большинству других разрядов лексики, поскольку их функционирование в языке неравномерно и строго ограничено, во-первых, содержанием текста (они возможны только там, где речь идет о звуках), во-вторых, стилем.

Важнейшим фактором развития звукоподражаний в русском литературном языке XX века является сближение литературного языка с народным. Это внеязыковой социальный фактор. К внеязыковым факторам можно также отнести развитие, с одной стороны, детской литературы, с другой – науки о птицах, орнитологии.

Однако экстралингвистические факторы не могли непосредственно влиять на процесс проникновения звукоподражаний в литературный язык. Они лишь стимулировали действие внутриязыковых тенденций, обусловивших этот процесс. Причем, характерно, что в разных стилях языка экспансия звукоподражаний оказалась результатом действия различных тенденций. В художественной литературе и публицистике – это стремление к усилению экспрессивности, в зоологической – стремление коротко, с помощью дополнительных (а не текстовых) средств дать представление об объекте.

Из всего вышесказанного сделаем следующий вывод: звукоподражательные слова представляют собой особый развивающийся разряд лексики, отличный от междометий, а потому по совокупности признаков они должны объединяться в отдельную лексико-грамматическую категорию, так как не подводятся ни под одну из традиционно выделяемых частей речи.

Список литературы

1. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка / И. В. Арнольд. – М. : Изд-во лит-ры на иностр. яз-х, 1959. – 351 с.
2. Алеференко Н. Ф. Спорные проблемы семантики / Н. Ф. Алеференко. – М. : Гнозис, 2005. – 326 с.
3. Воронин С.В. Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании / С. В. Воронин. – Л.: ЛГУ, 1990. – 200 с.
4. Германович А. И. Богатство и величие русского языка / А. И. Германович. – Симферополь : Крымиздат, 1949. – 69 с.
5. Горохова Л.А. Семантико-прагматические и социолингвистические особенности функционирования ономастопов в текстах современного английского языка: дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук / И. С. Баженова. – Пятигорск : ПГЛУ, 1998. – 220 с.
6. Кандакова Е. Н. Подзывные слова как особая функционально-семантическая группа: автореф. дис. на соискание научной степени канд. филол. наук / Е. Н. Кандакова. – Ярославль, 2003. – 21 с.
7. Михайловская Н. Г. Звукоподражания и повторы в детской поэзии // Материалы семинара по проблеме мотивированности языкового знака / Н. Г. Михайловская. – Л : ЛГУ, 1969. – С. 74-77.
8. Поливанов Е. Д. По поводу «звуковых жестов» японского языка // Статьи по общему языкознанию / Е. Д. Поливанов – М. : Нука, 1968. – С. 18-25.
9. Тихонов А. Н. Междометия и звукоподражания - слова? / А. Н. Тихонов // Русская речь. – № 5. – М.: Наука, 1981. – С. 72-76.

10. Тишина Е. В. Русская ономотопея : диахронный и синхронный аспекты изучения: автореф. дис. на соискание научной степени канд. филол. наук. – Волгоград, 2010. – 22 с.

11. Шляхова С. С. Фоносемантическая вселенная / С. С. Шляхова // Известия Уральского гос. ун-та. – 2006. – №41. – 152-153 с.

Словари

12. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.

13. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – В 4-х томах / В. И. Даль. – М.: Рус. яз., 1989.

14. Словарь современного русского литературного языка. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1950 – 1965 [условно обозначаемый как БАС].

15. Толковый словарь русского языка / [сост. Д. Н. Ушаков и др.]. – М.: Сов. энциклопедия, 1935 – 1940.

Список художественной произведений, из которых выбирались примеры

1. Гоголь Н. В. Мертвые души. Поэма / Н. В. Гоголь. – Воронеж: Центр. – изд-во Чернозем., 1987 – 384 с.

2. Жичка Ф. Оружие берут сыновья. Повесть / Ф. Жичка. – Минск: Дет. лит., 1968. – 187 с.

3. Куприн А. И. Изумруд. Повести и рассказы / А. И. Куприн. – М.: Дет. лит., 1986. – 366 с.

4. Тиханов Н. К. Жар-птица. Повесть / Н. К. Тиханов. – Куйбышев: 1966.–343 с.

5. Харрис Дж. Сказки дядюшки Римуса / Дж. Харрис. – Днепропетровск: Изд-во «Радуга», 1995. – 176 с.

6. Чехов А. П. Рассказы и повести / А. П. Чехов. – Самара: Изд-во «Парус», 1997. – 752 с.

Алієва В. М. Звуконаслідування сучасної російської мови як зростаючий розряд слів // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 27 (66). № 2. – С.26-33

У статті аналізуються особливості функціонування звуконаслідувальних слів й звуконаслідування в російській мові. Визначаються фактори, які сприяють утворенню нових слів на базі звуконаслідування.

Ключові слова: звуконаслідування, звуконаслідувальні слова, ономотопея, ономотопи.

Aliyeva V.N. Onomatopoeia modern russian language as an evolving range of words // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 2. – P.26-33

The article analyzes the peculiarities of functioning of onomatopoeic words and onomatopoeia in the Russian language. Identify factors that contribute to the formation of new words on the basis of onomatopoeia.

Key words: onomatopoeia, onomatopoeic words, onomatopeia, onomatope.

Поступила в редакцію 05.09.2014 г.

УДК 811.112.242

Національно-культурна специфіка фразеологізмів

Власенко М. В.

Запорізький національний університет, м. Запоріжжя, Україна
vlasenko_m@ Rambler.ru

Стаття присвячена дослідженню національно-культурній складовій фразеологічних одиниць. З'ясовано, що фразеологічні одиниці є невід'ємною частиною національно-культурної спадщини народу та відображають його менталітет. Встановлено, що завдяки емоційному забарвленню фразеологізми передають у своєму змісті разом із денотативним значенням відтінки почуттів, настрою, ставлення мовця щодо предмета висловлювання.

Ключові слова: лінгвокультурологія, фразеологізм, лінгвокультурний аспект, національно-культурна складова.

Сучасний стан розвитку мовознавчої науки особливо в останній період відзначається посиленням інтересом до проблем фразеології. Формування фразеологічного фонду, внутрішня форма й мотивованість фразеологічних одиниць, їх системні відношення, теоретичні засади фразотворення – ось далеко не повний перелік проблем, які знаходять висвітлення в роботах дослідників. Особливу роль у втіленні національно-культурної самосвідомості народу та його ідентифікації відіграють фразеологізми, що виникають на основі образного уявлення про дійсність і відображають побутово-емпіричний, соціально-історичний та духовний досвід мовного колективу (Зубач О. А., Кияк Т. Р., Ковшова М. Л., Любчук Н. В., Ужченко Д. В., Kraas F., Sternkopf J.).

Наприкінці ХХ ст. центром лінгвістичних досліджень стає людське Я, тобто формується антропоцентрична парадигма. Одним із її продуктів є лінгвокультурологія – певне бачення світу крізь призму національної мови, коли мова виступає як засіб вираження особливої національної ментальності [1; 8].

Розглянемо основні терміни й поняття нового наукового напрямку. Центральним поняттям у лінгвокультурології є культура. Існує досить багато визначень цього терміна, але класичним є дефініція Е. Тейлора: «Культура – комплекс, що включає знання, вірування, мистецтво, мораль, закони, звичаї, а також інші здібності та навички, що були засвоєні людиною, як членом суспільства» [2, 452].

Лінгвісти також не залишаються осторонь у вивченні цього явища й подають свої тлумачення терміна, зважаючи на специфіку інтерпретації світу через мову. У своїх дослідженнях Телія В. М. зазначає: «Культура – особливий тип знання, що відображає дані про рефлексивне самопізнання людини в процесі її життєвих практик» [3, 13 – 24].

Феномен культури досить складний, але головне, що виділяють більшість дослідників – це своєрідне кодування форм суспільного існування людства, відображення колективної пам'яті, збереження загальнолюдських цінностей. Мова – невід'ємна частина культури, бо людина відтворює себе засобами мови, мова репрезентує існування людської думки, її рух та розвиток.

Національно-культурна специфіка фразеологізмів стає останнім часом традиційною темою досліджень у фразеології. Важливо відзначити, що фразеологізми являють собою національно-специфічні одиниці мови, що передають із покоління в покоління культурний потенціал народу. У них проявляються особливості будь-якої національної мови й у такий спосіб виражаються дух і своєрідність націй або даного народу.

Маслова В. А. вказує на дуже тісний зв'язок фразеологічних одиниць із фоновими знаннями носія мови, з культурно-історичними традиціями народу мовця конкретної мови. На її думку, фразеологічні сполучення приписують об'єктам ознаки, які асоціюються з певною картиною світу й виражають своє відношення до них, дають свою оцінку [1].

Національно-культурну специфіку фразеологізмів можна поділити на три категорії:

1. У сукупному фразеологічному значенні;
2. У прямому значенні вільного словосполучення, що було образно переосмислене;
3. У значенні окремих лексичних компонентів.

Що стосується першої категорії, то національно-культурна специфіка фразеологізмів у сукупному фразеологічному значенні пов'язана з безеквівалентними фразеологічними одиницями. Даний тип фразеологічних одиниць існує у будь-якій мові. Таке явище обумовлене тим, що фразеологізми мають властивість відбивати національну культуру комплексно, тобто своїми ідіоматичними значеннями. Деякі фразеологізми відбивають такі явища минулого й сьогодення однієї країни, які не мають прямих аналогів в інших національних культурах.

Друга категорія пов'язана з фразеологічними одиницями, які мають у своєму компонентному складі національно-культурний компонент і є нечисленними в німецькій мові. У прямому значенні сукупного словесного комплексу, у якому відбивається національно-специфічна ситуація, яка лежить в основі образно-словесного значення фразеологізму (або, насамперед, у прототипах фразеологізмів, тобто колись вільних словосполученнях, що розповідають про старі звичаї, про спосіб життя народу і з часом піддалися переосмисленню).

Маркированість національної специфіки створюється наявністю специфічних для даного народу слів, які входять до складу фразеологізмів, або для позначення яких-небудь реалій, відомих тільки носіям однієї нації або деяким, зв'язаних спільністю культури або релігії, а також своєрідні топоніми, антропоніми, гідроніми, характерні для якоїсь країни.

У випадку третьої категорії – у значенні окремих лексичних компонентів – фразеологізми мають властивість відбивати національну культуру комплексно, тобто своїми ідіоматичними значеннями. Деякі фразеологізми відбивають такі явища минулого й сьогодення однієї країни, які не мають прямих аналогів в інших національних культурах. Національна специфіка фразеологізму може також відбивати історію народу і його своєрідні традиції, звичаї, його характер, споконвічно закладені в його прототипі.

У той же час не можна перебільшувати роль національно-культурного компонента у фразеологічній картині світу. У фразеологічних системах української й німецької мов існує значна кількість інтернаціоналізмів, а також фразеологізмів, пов'язаних із загальнолюдськими знаннями про властивості реального світу. Відмінності в їхній образній основі пояснюються не стільки їхньою культурною своєрідністю, скільки розбіжністю техніки вторинної номінації в різних мовах.

Вивчення національно-культурної специфіки фразеологізмів проводиться в плані її вираження. Національно-культурний компонент – це вхідна до складу

фразеологізму лексика, у якій утримується географічна, історична й культурно-побутова співвіднесеність.

Проблеми розкриття й опису національно-культурної специфіки фразеологізмів тісно замикаються із проблемами дослідження людської свідомості, сприйняття світу й шляхів його усвідомлення, відбитих у мові. Усе, що говорить людина, проходить когнітивну обробку – інтерпретацію через систему етнолінгвістичної інформації.

Погляд на світ здійснюється через знаки культури, її стереотипи, символи: значення мовного знака тим самим співвідноситься з культурно-національною системою світобачення, втіленого в знаках культури. Загальний зміст різних ситуацій у реальному світі неоднаковий для різних народів. Вивчення фразеологізму поза ідеографічним масивом, що відображає той або інший фрагмент картини світу, не дозволяє зрозуміти шляхи виділення й визначення даного фрагмента в мовній свідомості носіїв мови, специфіку образного структурування картини світу, що відбита у фразеологізмі.

Когнітивний аналіз, заявлений новою парадигмою дослідження фразеологічних одиниць, що базується на дослідженні Телія В. М. і розумінні фразеологізму як знака з максимально повним семантичним набором, кодифікованим у формі значення у вигляді макрокомпонентів, що охоплюють граматику, денотацію, оцінку, мотивацію, емоції й стилістичну маркованість, є принципово новим підходом до знакової функції фразеологізму, що не просто позначає, але й виражає відношення до позначуваного, не просто називає, але й повідомляє, при цьому будучи як би згорнутим текстом, що включає в себе (окрім граматичного) ще й кілька блоків інформації, що формують зміст фразеологізму.

Важливо зазначити, що структура фразеологічного значення припускає обов'язкову наявність специфіки, яка відбиває самотність, стереотипи, еталони, фонові знання про реалії тієї або іншої лінгвокультури, що знаходить своє відбиття в національно-культурному компоненті. В такому випадку маркованість може бути виражена як в одному з компонентів фразеологічного значення (денотат, сигніфікат, конотації), так і в кожному з них. Значимість національно-культурного компонента дуже важлива, тому що саме він дозволяє адекватно сприйняти й передати інформацію. При відтворенні тої чи іншої фразеологічної одиниці на будь-якій мові у свідомості носіїв мови обов'язково виникає фразеологічний образ. Оскільки це явище є багатопланове і складне, то може бути мотивовано внутрішньою формою або виникати в результаті сучасного переосмислення й розуміння ідіоми, коли внутрішня форма невідтворена й неможливо вичленувати семантично релевантні ознаки. Обрана з існуючої безлічі властивість відбиває спосіб світобачення, менталітет народу.

Таким чином, національно-культурна специфіка фразеологізмів може бути відбита в конотативному аспекті значення, а також у самому образі й способах переосмислення ситуацій, покладених у його основу. Основними причинами її виникнення є наступні: різниця менталітету, варіативний характер образного мислення різних народів, особливості умов життя тієї або іншої лінгвокультурної спільноти й ін.

Факт наявності національно-культурного компонента в структурі фразеологічного значення може вважатися мовною універсалією, тому що є актуальним в ідіоматиці різних мов. Такий компонент є невід'ємною частиною структури фразеологічного значення в силу образного подання, що виникає у свідомості людини тієї або іншої лінгвокультурної спільноти, на підставі якого й з'являються фразеологізми в тій або іншій мові.

В. фон Гумбольдт вважав, що мова – це діяльність індивіда, яка тісно пов'язана з народною (національною) самосвідомістю [4, 372 – 373].

Отже, національну мовну картину світу формує цілий ряд факторів, зокрема географічний, історичний, культурний, релігійний і під їх впливом формується так

звана національна психологія та національна мовна особистість (національний менталітет). Важливою є думка Почепцова О.Г., що мовне уявлення світу можна розглядати як мовне мислення, оскільки, по-перше, уявлення світу – це його усвідомлення, або інтерпретація, а не просте «фотографування», і по-друге, уявлення, яке розглядається, або відображення, носить мовний характер, тобто здійснюється у формі мови та існує у формі мови. Співвіднесення між певною ділянкою світу та його мовним уявленням можна визначити як мовну ментальність [5, с. 111].

Важливим є те, що національні особливості виявляються у специфічній образності фразеологізмів, яка виникає внаслідок оригінального поєднання понять, що створюється на основі постійних асоціативних реалій, тобто словесних образів-символів, які є результатом образного переосмислення предметів і явищ та у результаті метафоризації, окрім прямого значення, можуть уживатися переносно для позначення властивостей інших предметів та людських емоцій. У процесі аналізу образної системи фразеології стає зрозумілим, що сам вибір образу-прототипу – це вже вираження національного світосприйняття. Тісно взаємодіючи один з одним, обидва феномени – мова й культура – мають більшу зону перетинання в силу того, що мова є одним з найважливіших способів об'єктивації, трансляції культури, являє собою квінтесенцію будь-якої етнічної культури, її своєрідності.

Мова є невід'ємним компонентом мислення, а простір значень – це відбиття культурної свідомості, яка пов'язана з характерним для того або іншого співтовариства зі своїм власним світобаченням. Це проявляється в появі національно-культурної маркованості фразеологізмів як результатів похідної номінації. Основною властивістю фразеологізму є образність, яка пов'язана з духовною культурою даної мовної спільноти, і тому може свідчити про її досвід і традиції. Національна культура служить об'єднуючим народ фактором.

Список літератури

1. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. Заведений / Валентина Авраамовна Маслова. — М. : Издательский центр «Академия», 2001. — 208с.
2. Культура и культурология: Словарь / сост. и ред. А. И. Кравченко. — М. : Академ. проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. — 928 с.
3. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / Вероника Николаевна Телия // Фразеология в контексте культуры. — М. : Языки русской культуры, 1999. — С. 13 – 24.
4. Гумбольдт В. Язык и философия культуры / Вильгельм фон Гумбольдт. — М. : Прогресс, 1985.— С.372 – 373.
5. Почепцов О. Г. Языковая ментальность: способ представления мира / Олег Георгиевич Почепцов // Вопросы языкознания. — 1990. — № 6.— С. 111.

Власенко М. В. Національно-культурная специфика фразеологизмов // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации» Том 27 (66). № 1. Ч.2 – С. 34-38

Статья посвящена исследованию национально-культурной составляющей фразеологических единиц. Выяснено, что фразеологические единицы являются неотъемлемой частью национально-культурного наследия народа и отражают его менталитет. Установлено, что благодаря эмоциональной окраске фразеологизмы передают в своем содержании вместе с денотативным значением оттенки чувств, настроения, отношение говорящего к предмету высказывания.

Ключевые слова: лингвокультурология, фразеологизм, лингвокультурный аспект, национально-культурная составляющая.

Vlasenko M.V. National-cultural specific of the phraseological units // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 1.2 – P.34-38

The research deals with the phraseological structure of the language, existence and functioning of the national-cultural component in it. The language is the major way of formation and existence of man's knowledge about the world. Firstly, it is the basis for the development of linguistic picture of the world, one of the deepest layers of the picture of the world. Secondly, language expresses and explicates other pictures of the human world which enter into the language via special lexicon, introducing the features of a person and his culture. It is important to draw that phraseological units are an integral part of the national cultural heritage of the nation and at the same time represent the mentality of it. The peculiarity of the existence of non-verbal symbols forms is their static character. But in contrast to the non-verbal symbols a language symbol, as a means of characterization, has the ability to create new shades of meanings. It is concluded that the phraseological unit is a complex system, which can not be explained at once and it requires some interpretation. Facts about country's history, geography, economy, lifestyle are all represented in the semantics of many phraseological units, thus we can talk about national cultural phraseological semantics. Today, many linguists recognize that a large layer of phraseology occurs precisely on a national basis. The results underline that the emotional coloring of the phraseological units represent in its content together with the denotative value shades of feelings, moods, the speaker's attitude to the subject.

Key words: linguistics, phraseological units, language symbol, national-cultural component.

Поступила до редакції 06.09.2014 р.

УДК 811.161.2'373.72:81'23

Фразеологічні одиниці української мови на позначення альтруїстичної поведінки людини: ідеографічний і семантичний аспекти

Грозян Н. Ф.

*РВУЗ «КИПУ», м. Сімферополь, Республіка Крим
n.f.grozyan@mail.ru*

У статті досліджуються питання семантичної й ідеографічної характеристики фразеологічних одиниць на позначення альтруїстичної поведінки людини з урахуванням досягнень сучасних фразеологічної та психологічної наук в українській мові. Ідеографічна класифікація фразеологічних одиниць на позначення альтруїстичної поведінки людини в українській мові відповідає класифікації, прийнятій у психології. Фразеологічна мікросистема «Альтруїстична поведінка людини» передається широким діапазоном фразеологічних засобів української мови. Виявлено три тематичні групи ФО, які безпосередньо складаються з синонімічних рядів «Ситуативна альтруїстична поведінка людини», «Опосередкована альтруїстична поведінка людини» «Свідома ціннісна альтруїстична поведінка людини». Досліджений матеріал засвідчує, що ідеографічна структура фразеологічної мікросистеми «Альтруїстична поведінка людини» не є розгалуженою. У ній відсутні ланки: семантична група, семантичне поле. Найчисленнішими виявилися синонімічні ряди зі значенням «допомогти виробити правильну лінію поведінки», «сприяти кому-небудь у чомусь».

Ключові слова: *ідеографія, фразеологічна одиниця, альтруїстична поведінка, вчинок, тематичне поле, тематична група, синонімічний ряд*

Постановка проблеми. У мовознавстві з'явилися перші спроби опису в ідеографічному аспекті багатого фразеологічного матеріалу, накопиченого фразеографією (див. праці: М.Ф. Алефіренко [1], Ю.О.Гвоздарьова [2], М.Т. Демського [3], А.М. Емірової [21; 22], А.О. Івченка [4], О.М. Каракуці [5], С.І. Кравцової [6], Т.В. Крисенко [7], В.М. Мокієнка [9], Ю.Ф. Прадіда [12; 13; 14], П.О. Редіна [17], Л.М. Рязановського [18], В.Д. Ужченка [19] та ін. учених).

Однак слід сказати й про те, що проблеми фразеологічної ідеографії в більшості праць названих авторів вивчалися, як правило, принагідно, у зв'язку з дослідженнями інших аспектів фразеології, унаслідок чого аналізу підлягали лише окремі поняттєві поля, покриті фразеологічними одиницями (ФО), не враховувалися дані таких наукових дисциплін, як філософія, психологія та ін.

Актуальність теми дослідження визначається, по-перше, посиленням в інтересу до опису окремих фразеологічних мікросистем; по-друге, потребою подальшого вивчення фразеологічних мікросистем української мови, залучаючи до аналізу деякі дані теорій, висновків інших наук і галузей лінгвістики; по-третє, підвищенням інтересом науковців до проблеми глибинних зв'язків між фразеологізмами й національним менталітетом.

Мета статті – вирізнити з фразеологічного складу української мови групу фразеологічних одиниць, загальна семантична ознака яких має екстралінгвістичну

природу (всі вони позначають альтруїстичну поведінку людини), зробити ідеографічну характеристику цих ФО й описати їх семантичні особливості із урахуванням досягнень сучасної фразеологічної та психологічної наук. Вважаємо, що дослідження фразеологічних мікросистем потребує нових методик аналізу фразеологічних одиниць.

Альтруїстична поведінка людини – це «будь-які альтруїстичні дії людини, направлені на благополуччя інших людей, надання їм допомоги» [8, с. 532]. (альтруїзм (від лат. alter – інший) – у психології – вид діяльності, безкорислива турбота про благо людей, готовність поступатися й жертвувати особистими інтересами заради іншої людини [15, с. 12].

Форми альтруїстичної поведінки різноманітні: від простої люб'язності до серйозної благодійної допомоги, яку надає людина іншим людям, іноді з великою шкодою для себе, ціною самопожертвування. Деякі психологи вважають, що в основі такої поведінки лежить особливий мотив, і називають його мотивом альтруїзму (мотивом допомоги, мотивом турботи про інших людей) [8, с. 532]. Альтруїстична поведінка людини може бути ситуативною, «яка актуалізується в діях суб'єкта в конкретних небезпечних ситуаціях (наприклад, врятування дитини ціною власного життя)» [16, с. 18]. Альтруїзм може стати свідомою ціннісною орієнтацією, яка визначає поведінку особистості в цілому; у цьому випадку він перетворюється в сенс життя особистості [16, с. 18].

Мовні засоби вираження альтруїстичної поведінки людини не були предметом досліджень у мовознавстві. Однак потреба в такому описі існує, оскільки в лексичному та фразеологічному складі української мови є чимало слів і ФО, які позначають альтруїстичну поведінку людини.

Семантичний аналіз ФО, що об'єднуються в тематичне поле ФО (ієрархічна структура ідеографічної класифікації подається за Ю.Ф. Прадідом [14, с. 40]), «Альтруїстична поведінка людини», дає підстави запропонувати таку структуру тематичного поля ФО (див. Схему 1).

Схема 1. Структура тематичного поля ФО «Альтруїстична поведінка людини»

Як бачимо, ідеографічна структура фразеологічної мікросистеми «Альтруїстична поведінка людини» не є розгалуженою. У ній відсутні ланки: семантична група, семантичне поле. Тематичні групи складаються безпосередньо з синонімічних рядів. Так, тематична група ФО «Ситуативна альтруїстична поведінка людини» складається з синонімічних рядів зі значеннями:

1) рятувати кому-небудь життя. Значення цього синонімічного ряду передають ФО, вилучені з творів художньої літератури й не зафіксовані Фразеологічним словником української мови [20]: **вирвати з обіймів смерті, прийняти удар**:

– Родичі, котрим вона [жінка] була, певне, не дорога, викинули її на вулицю, як річ негодящу й непотрібну, а я підняв її, доклавши всіх зусиль і старань, **вирвав її з обіймів смерті** (Бокаччо, перекл. Лукаша); [Єва (до чоловіка):] *Скарга наша тиха, А трон високий. Чом мене не кличеш? Я тілом затулю тебе своїм, **Прийму усі удари*** (Мадач, перекл. Лукаша) та ін.;

2) пожертвувати собою в ім'я когось: **віддати (покласти) / віддавати (покласти) душу**. Пожертвувати собою чи бути готовим умерти заради кого-, чого-небудь [20, с. 119]. *Заради подруги [Надія] душу ладна віддати* (Я. Баш). До цього синонімічного ряду належать ФО, вилучені з творів художньої літератури й не зафіксовані ФСУМ: **віддати серце, вручати (припоручити) душу**, які є варіантами ФО **віддавати (покласти) / віддавати (покласти) душу**: [Фауст:] *Тобі віддав навек я серце й душу, Нехай і вмру – тебе побачить мушу!* (Гете, перекл. Лукаша); *А рицар, скоро вчув той голос плачливий, зараз, аніж не міркуючись, про жодну небезпеку не дбаючи, тяжкокутої зброї з себе не здіймаючи, вручає душу свою Богові та й дамі своїй коханій ...* (Сервантес, перекл. Лукаша); *Сес сказавши, [Дон Кіхот] припоручив душу свою володарці Дульсінеї, просячи її допомогти йому в такій притузі, затуливши добре щитом і, пустивши Росинанта вчвал, угородив списа крайньому вітрякові в крило* (Сервантес, перекл. Лукаша) та ін.;

3) допомогти кому-небудь у якійсь конкретній ситуації: **вивести з лабіринту**. Допомогти комусь вийти зі складного становища. *Дон Фернандо склав дяку Всевишньому, що він, милосердний, вивів його з того безвихідного, здавалось, лабіринту, в якому він мало не згубив життя свого й доброї слави...* (Сервантес, перекл. Лукаша) тощо;

4) захистити когось ціною власного життя: **лягти головою**. Загинути в бою, захищаючи кого-небудь. *Їх [ворогів] би, звичайно, розбили, але мільйони лягли б головою* (Стіль, перекл. Лукаша); **віддати / віддавати життя**. Загинути, борючись за кого-небудь, захищаючи когось [20, с. 119]. [Теодоро (до Діани):] *Гордій красоті служить мушу вірною душею. Я за вас життя віддам, лиш скажіть* (Лопе де Вега, перекл. Лукаша); **проливати / пролити кров**. Гинути, помирати, зазнавати страждань, відстоюючи щось, захищаючи кого-небудь. [Третій придворний:] *Не розуміє він [Адам], що справжній рицар обожнювати може даму серця й готовий кров свою пролить, коли на честь її обмова кине пляму, – Він скриті цілі в службі тій вбачає* (Мадач, перекл. Лукаша) та ін.

Тематична група «Опосередкована альтруїстична поведінка людини» складається з синонімічних рядів зі значеннями:

а) допомагати, підтримувати кого-небудь: **підставляти / підставити плече**. Допомагати кому-небудь, підтримувати когось [20, с. 640]. *У найскрутніших ситуаціях мені неодмінно хтось простягував руку допомоги, підставляв плече* (І. Головченко, О. Мусієнко); **держати (тримати) руку**. Підтримувати, обстоювати кого-небудь [20, с. 229-330]. *Терентій недолюбливав пана і, коли чув про поділ поміщицької землі, тримав руку за людьми: наситяться дворянським, то менше зазіхатимуть на мушціцьке* (М. Стельмах) та ін.;

б) допомагати виробити правильну лінію поведінки: **виводити / вивести на путь праведну (на вірний шлях)**. Допомагати кому-небудь виробити правильну лінію поведінки, правильно поводити себе [20, с. 83]. – *Я по щирості кажу: спасибі. Спасибі тим, хто: вивів мене на путь праведну* (О. Гончар); **наставляти (напрявляти, напучувати, спрямовувати і т. ін.) / наставити (направити, напучити, спрямувати і т. ін.) на [добру (вірну і т. ін.)] путь, (на путь істини, на добрий, вірний шлях, дорогу, стежку і т. ін.)**. Корисними порадами, вказівками, навчаннями спрямовувати, скеровувати чий-небудь дії в істинному напрямку [20, с. 535]. *То був чоловік, який утовкмачив собі в голову тверде переконання, що людей, ув'язнених у гарнізонній тюрмі, можна настановити на путь праведну з амвона* (Я. Гашик, перекл. С. Масляка); *Сошенко залучив Тараса до малярської школи й напучив його на добру путь* (І. Нечуй-Левицький) та ін.;

в) допомагати знайти своє місце в житті: **виводити / вивести на [широкую] дорогу**. Допомагати кому-небудь знайти своє місце в житті, в суспільстві [20, с. 83]. – *Невже ти такий дивак, що вважаєш своїм обов'язком вивести когось на широку дорогу, а самому одразу в куці сховатися?* (М.Ю. Тарновський); [Катерина:] *Щоб краще дійшло, що я про них думаю* (посміхнулась). *Щоб не забували, хто їм пелюшки міняв, хто їх [керівників] на дорогу вивів* (О. Корнійчук); **поставити на [рівні] ноги**. Допомогти кому-небудь утвердитися, підтримати когось [20, с. 681]. *На флоті Павло був веселий, кмітливий і швидкий, як чайка в польоті. Це з ним тут сталося. Треба його поставити на рівні ноги, розбудити, щоб прокинувся назавжди* (В. Кучер) та ін.;

г) допомагати позбутися злиднів: **витягти (витягнути) / витягати (витягувати) з болота (з багна, з калюжі, з грязі, з грязюки, з бруду)**. Допомогти кому-небудь вийти з принизливого становища чи позбутися злиднів [20, с. 109-110]. *Не заприміть її Олександра, може б вона і досі у своїх дрантях завита ходила. Він витяг її з калюжі!* (Панас Мирний); – *Я дурна, жалувала, що нею все нехтували, – так їй і треба було, пройдисвітці! Я ж, її за вуха з грязі витягли, в люди вивела!* (Леся Українка); **узяти з грязі**. Допомогти кому-небудь позбутися злиднів, вийти з принизливого становища [20, с. 100]. *Чи ти ба! Він [чоловік] так тобою [дочко] поневіряє, мовби з грязі тебе взяв! А нехай він тричі западеться!* (Боккаччо, перекл. Лукаша) та ін.

Свідома ціннісна альтруїстична поведінка людини визначає поведінку людини в цілому. Як зазначають психологи, така поведінка перетворюється в сенс життя особистості [16, с. 18]. Наведемо декілька прикладів: **прийняти під руку**. Узяти когось-небудь під свій захист, стати покровителем когось. [Учень (до Мефістофеля):] *О, прийміть мене під вашу руку! Я з щирим серцем сюди прийшов* (Гете, перекл. Лукаша); **підкаладати / підкласти (підложити) руки (рідко плечі)**. Безкорисливо надавати допомогу кому-небудь, робити все можливе для когось [20, с. 634]. – *Та я б руки під нього підложила, щоб видужав, та вік би весь не спала, за ним би дивилась, аби прочуняв* (Ю. Збанацький); **іти/ піти на жертву**. Поступатися своїми інтересами, відмовлятися від своїх вигід задля когось [20, с. 354]. *І чого б тільки вона [Надійка] не зробила, на які тільки жертви не пішла, щоб тільки знову побачити його поблажливу усмішку* (П. Козланюк) та ін.

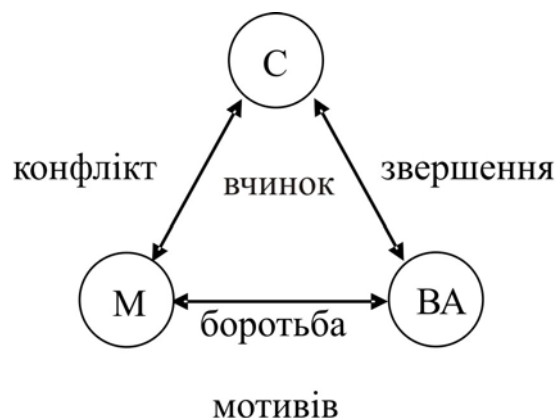
Приклади переконують, що на позначення альтруїстичної поведінки людини ФО передають, в основному, повний вчинковий акт (ВА). При повному ВА діє закон внутрішнього визрівання вчинку (закон достатньої підстави) [дет. про це див. 11, с.190]. Ситуаційний конфлікт переходить у мотиваційну амбівалентність, а потім у ВА (див. Схему 2):

Схема 2. Вчинок – логічний осередок психології

С – ситуація

М – мотивація

ВА – вчинковий акт

Розглянемо окремі приклади:

Привела тата Віронці – від вітру валився той нужденний скелет у обмотках... Одхаяла, відволодала його мати, підлікувала, із могили видрала, – на таке здатна справжня подружня любов (О. Гончар). ФО *із могили видрала* «врятувати кого-небудь від неминучої смерті» передає, що практична дія вчинку відбулася, причинний ланцюг замкнувся (див. Схему 2) – Віронька допомогла своєму коханому;

[Мефістофель:] *Міністром стала скоро – Аж сяють ордени, Весь рід взяла до двору, Всіх вивела в пани* (Гете, перекл. Лукаша). ФО *вивела в пани* «допомогти кому-небудь посісти видне місце» передає, що практична дія вчинку відбулася, причинний ланцюг замкнувся – міністр допомогла родичам.

Неповні ВА передаються невеликою кількістю ФО: *Поведу я тебе, дівчино, до однієї статечної сарацинки, у якої роблю децю по хазяйству; то жінка стара і має добре серце. Я замовлю за тебе слово і думаю, що вона прийме тебе залюбки за рідну дитину, а ти ж гляди, як у неї житимеш, старайся їй якнайліпше догодити, аж поки Господь не пошле тобі кращої долі* (Боккаччо, перекл. Лукаша). ФО *замовлю слово* «звернутися до когось з клопотанням про кого-небудь» передає, що ВА неповний, фіксується лише перший момент учинку – ситуація: бідній дівчині обіцяють допомогти. Установлено, що на позначення просоціальної поведінки людини передача ФО повного й неповного ВА в кожній тематичній групі має певні особливості.

Отже, висловлені вище міркування дозволяють резюмувати: 1) тематичне поле ФО «Альтруїстична поведінка людини» включає в себе три тематичні групи ФО, які безпосередньо складаються з синонімічних рядів; 2) найчастіше ФО вживаються на позначення опосередкованої альтруїстичної поведінки людини; 3) найчисленнішими виявилися синонімічні ряди зі значенням «допомагати виробити правильну лінію поведінки», «сприяти кому-небудь у чомусь»; 4) велика кількість ФО передають повні ВА; 5) фразеологічні одиниці на позначення альтруїстичної поведінки людини потребують подальшого лінгвістичного дослідження.

Список літератури

1. Алефіренко М.Ф. Теоретичні питання фразеології / М.Ф. Алефіренко. – Харків: Вища школа, 1987. – 134 с.
2. Гвоздарев Ю.А. Фразеологические группы ФЕ, их структура и представление в идеографических словарях / Ю.А. Гвоздарев // Фразеологические словари и компьютерная фразеология. – Орел, 1990. – С. 48-49.
3. Демський М.Т. Системні зв'язки у сфері фраземіки / М.Т. Демський // Мовознавство. – 1991. – № 2. – С. 36-43.
4. Івченко А. Українська народна фразеологія: ареали, етимологія / А. Івченко. – Харків: Око, 1996. – 160 с.
5. Каракуця О.М. Фразеологізми української мови з компонентом «душа» (структурно-семантичний, ідеографічний, лінгвокультурологічний аспекти): автореф. дис. канд. філол. наук: спец. 10.02.02 «Українська мова» / О.М. Каракуця. – Харків, 2002. – 19 с.
6. Кравцова С.И. Фразеологические единицы со значением количества в русском языке (в сопоставлении с украинским): автореф. дис. канд. филол. наук: спец. 10.01.02 «Російська мова». – Ростов-на-Дону, 1981-1. – 26 с.
7. Крисенко Т.В. Фразеологічні одиниці зі значенням говоріння в прагматичному аспекті (на матеріалі сучасної російської мови): автореф. дис. канд. филол. наук: спец. 10.01.02 «Російська мова». – Харків, 2002. – 17 с.
8. Маклаков А.Г. Общая психология / А.Г. Маклаков. – СПб.: Питер, 2001. – 592 с.
9. Мокиенко В.М. О тематико-идеографической классификации фразеологизмов / В.М. Мокиенко // Словари и лингвострановедение: сборник статей [под ред. Е.М. Верещагина]. – М.: Русский язык, 1982. – С. 108-121.
10. М'ясоїд П.А. Загальна психологія: навчальний посібник / П.А. М'ясоїд. – К.: Вища школа, 1998. – 479 с.
11. Основи психології: підручник / [За заг. ред. О.В. Киричука, В.А. Роменця]. – [4-те вид., стереотип.] – К.: Либідь, 1999. – 632 с.
12. Прадид Ю.Ф. Актуальные теоретические проблемы фразеологической идеографии / Ю.Ф. Прадид Ю.Ф., Н.Ф. Грозьян // Ономастика і апелятиви: збірник наукових праць. – Дніпропетровськ, 1998. – Вип. 4. – С. 102-105.
13. Прадид Ю.Ф. Принципы выделения лексических и фразеологических микро- и макросистем / Ю.Ф. Прадид, Н.Ф. Грозьян // Материалы конф. «Принципы и методы функционально-семантического описания языка: итоги, направления, перспективы». – М.; Симферополь, 1997. – С. 229-232.
14. Прадид Ю.Ф. Фразеологічна ідеографія: проблематика досліджень / Ю. Ф. Прадид – К.; Симферополь, 1997. – 252 с.
15. Психологічний словник / [за ред. В.І. Войтка]. – К.: Вища школа, 1982. – 215 с.
16. Психология: словарь / [под общ. ред. А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского]. – [2-е изд., исправл. и доп]. – М.: Политиздат, 1990. – 494 с.
17. Редин П.А. Фразеологизмы с пространственным и временным значением в современном украинском языке: автореф. дис. канд. філол. наук: спец. 10.02.02 «Українська мова». – Харьков, 1989. – 24 с.
18. Рязановский Л.М. Идеографические аспекты немецкой фразеологии: темпоральная фразеология / Л.М. Рязановский. – СПб.: Изд-во Петерб. ун-та, 1997. – 200 с.
19. Ужченко В.Д. Історико-лінгвістичний аспект формування української фразеології: автореф. дис. доктора філол. наук: спец. 10.02.02 «Українська мова». – Дніпропетровськ, 1994. – 34 с.
20. Фразеологічний словник української мови: В 2 кн. – К.: Наукова думка, 1993. – Кн. 1 – 2.

21. Эмирова А.М. К концепции фразеологических идеографических словарей / А.М. Эмирова // Фразеологические словари и компьютерная фразеология: тез. общ. школы-семинара 13-17 ноября 1990 г. – Орел, 1990. – С. 25-26.

22. Эмирова А.М. Русская фразеология в коммуникативном аспекте / А. М. Эмирова. – Ташкент: ФАН, 1988. – 91 с.

Грозьян Н.Ф. Фразеологические единицы украинского языка, обозначающие альтруистическое поведение человека: идеографический и семантический аспекты // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации» Том 27 (66). № 2. – С. 39-45

В статье исследуется семантическая и идеографическая классификация фразеологических единиц, обозначающих альтруистическое поведение человека, с учётом достижений современной фразеологической и психологической наук. Выявлено, что идеографическая классификация фразеологических единиц, обозначающих альтруистическое поведение человека, отвечает классификации поведения, принятой в психологии. Три тематические группы фразеологических единиц состоят непосредственно из синонимических рядов.

Ключевые слова: идеография, фразеологическая единица, альтруистическое поведение, поступок, тематическое поле, тематическая группа, синонимический ряд

Grozyan N. F. Phraseological units defining human altruistic behavior of a person in ukrainian language: ideographical and psychosemantical aspects // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 2. – P.39-45

A semantic and ideographic classification of phraseological units defining human altruistic behavior which considering the achievements of modern phraseological and psychological sciences is studied in the article. Ideographical classification of phraseological units defining human altruistic behavior is revealed with psychological classification. Phraseological microsystem 'Altruistic behavior of person' is transmitted by wide range of phraseological means of Ukrainian language. There are three groups of phraseological units that are consist of synonymous ranges: 'Situational altruistic human behavior', 'Average altruistic human behavior', 'Deliberate evaluative altruistic human behavior'. Researching material shows that ideographic structure of phraseological microsystem 'Altruistic human behavior' is not ramified. There are no semantic groups and semantic field. The subject groups consist of synonymous ranges, the most numeral of them is synonymous ranges with meaning 'to help making the right lines of behavior', 'influence to smb in something'.

Key words: ideography, phraseological unit, altruistic behavior, action, subject field, subject group, synonymous line.

Поступила до редакції 27.08.2014 р.

УДК 811.161.1' 373.612

Семантический потенциал префикса пере- как словообразовательный ресурс выражения экспрессивности в современном русском языке

Каширина М. М.

*Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского,
г. Симферополь, Республика Крым*

В статье анализируются производные глаголы, имена существительные и прилагательные с префиксом пере-, которые, реализуя значения «слишком много», «слишком мало», могут усиливать экспрессивность речи. Значительные экспрессивные возможности префикса пере- позволили расширить границы его сочетаемости. Закрепление в языковом сознании носителей языка пере- как некой избыточности, состояния сверх меры позволяет рассматривать его как один из символов русской культуры.

Ключевые слова: *префикс, выразительность, экспрессивность, культурный символ.*

Постановка проблемы. Выразительность как одно из качеств речи по-разному определяется в специальной литературе. Согласно одной точке зрения, выразительность – коммуникативное качество речи, наряду с точностью, правильностью, чистотой, логичностью, богатством и уместностью, характеризующее адресанта [4, с. 182]. По мнению М.В. Савовой, выразительность обеспечивает соответствие речи замыслу и демонстрирует «проявления индивидуальности автора речи» [15, с. 29]. Другие ученые связывают выразительность с адресатом речи. Так, Т.В. Жеребило определяет выразительность как способность речи влиять на слушателей, привлекать внимание тех, к кому она обращена: «такие особенности речевой структуры, которые поддерживают внимание и интерес у слушателя или читателя» [7, с. 47], Г.Я. Солганик как «приемы использования языка для достижения конечной цели — убедить, доказать» [16, с. 38], Б. Н. Головин: «такие особенности структуры (речи), которые усиливают действенность высказывания, поддерживают внимание и интерес у слушателя или читателя, влияют на их чувства и воображение» [4, с. 182]. Реже выразительность рассматривают как взаимодействие интересов и автора речи, и адресата, их совместную реализацию. Так, И.В. Пекарская полагает, что выразительность – «способность... речи «хорошо», «ярко» выразить что-нибудь, тем самым привлечь внимание собеседника и удерживать его на всем протяжении этой речи» [13, с. 12].

Ряд ученых описывает выразительность не как отдельное качество речи, а как совокупность её коммуникативных качеств: точности, логичности, ясности, экспрессивности, «которые обеспечивают ее полноценное (максимально приближенное к пониманию передаваемой информации) восприятие адресатом» [10, с. 90; 12, с. 401]. В таком случае выразительность понимают как «оформление» коммуникации наилучшим образом (по мнению говорящего, общества, в русле естественно сложившихся традиций), т.е. соответствующим назначению общения в данной сфере» [9, с. 86]. Согласно такому пониманию, выразительность речи

создается за счет точности, логичности, ясности, экспрессивности высказывания. Каждое из этих качеств проявляется в речи в разной степени и в различных соотношениях друг с другом.

При таком подходе одним из составляющих выразительности является экспрессивность. И.В. Арнольд пишет: «Под экспрессивностью мы понимаем такое свойство текста или части текста, которые передают смысл с увеличенной интенсивностью, выражая внутреннее состояние говорящего» [1, с. 11], т.е. его внутреннюю установку – привлечь внимание слушателей. Более того, Т.В. Матвеева и О.С. Ахманова рассматривают экспрессивность как синоним выразительности.

Экспрессивность имеет двойственную природу – языковую и речевую, поскольку формируется на основе ресурсов языка, а её эффект проявляется в речи. Это позволяет выделить экспрессивность языковых средств (непосредственно языковые средства экспрессивности) и экспрессивность речи (способов реализации этих средств в процессе коммуникации).

Средства экспрессивности представлены на разных уровнях языка, но изучены они в разной степени. Наиболее исследованы лексические (Р.Г. Чечет, А.А. Алмазова, Т.В. Матвеева) и синтаксические (Б.Н. Головин, Л.А. Введенская). По нашему мнению, изучению словообразовательных средств экспрессивности до сих пор уделялось меньшее внимание. Хотя, как считает Г.Я. Солганик, «важную стилистическую роль играют именно суффиксы и префиксы» [10, с. 690], которые с помощью значений «слишком много», «слишком мало» могут влиять на экспрессивность текста, т.е. делать его более выразительным. Одним из таких словообразовательных ресурсов создания экспрессивности является префикс *пере-*.

Цель нашей статьи – исследовать экспрессивные возможности префикса *пере-* в производных словах.

Результаты исследования. *Пере-* – исконный глагольный многозначный префикс. В «Русской грамматике» (1980) представлены десять словообразовательных типов глаголов с префиксом *пере-*. Среди них выделим глаголы, имеющие значение «нежелательно большой длительностью и интенсивностью совершить действие, названное мотивирующим глаголом» [14, с. 364]. По мнению П.К. Ковалева, в таком типе префикс *пере-* отражает чрезмерность [8, с. 45]. А. Андриевская, Д. Пайар объясняют появление этого значения тем, что в глаголах один и тот же объект рассматривается два раза – по отношению к двум разным количествам одного и того же вложенного в него действия. Качественно разными эти состояния оказываются потому, «что первое количество вложенного действия оценивается позитивно, второе – отрицательно, как чрезмерное» [5, с. 77]. Ср., *кормить* «давать корм, пищу, удобрение» [2] – *перекормить* «внести удобрений больше нормы» [2]: «Если растение *перекормить*, то его стебли и листья начинают слишком разрастаться, а вот цветение задерживается» (Алексей Серов, Основные правила подкормки комнатных растений / Первая Крымская, № 318, 26 марта/ 1 апреля 2010). Согласно «Русской грамматике» (1980), этот словообразовательный тип – продуктивный, что объясняет высокую частотность его реализации.

Тонкие знатоки русского языка, поэты, использовали префикс *пере-* как элемент языковой игры, что свидетельствует о его значительном экспрессивном потенциале. Например:

— *Только не передать!* —
Не пере-через-край!
Даже и в мере знай —
Меру: вопрос секунд.

М. Цветаева.

Авторское новообразование *пере-через-край* состоит из соединения префикса *пере-*, предлога и существительного, имеет значение «слишком много» – «через край». Ср. фразеологизм *через край* – «Разг. Экспрес. Слишком много, в избытке чего-либо» [17].

Использование глаголов с *пере-* в значении интенсивности характерно и для публицистики. Например, «Плюсы и минусы юных интеллектуалов. Лучше перезаниматься, чем не заниматься вовсе» (Юдина Светлана. Играем с будущим гением // Труд-7, 2009.01.29). Глагол *перезаниматься* употребляется в значении «прозаниматься (какой-л. умственной работой) слишком много, больше, чем можно» [6]. «В любом случае мобильный телефон является весьма удобной вещью и зачастую незаменимым помощником, но при неправильном выборе трубки вы рискуете либо переплатить, либо, сэкономив, купить телефон, не отвечающий вашим потребностям» (Розалия Галиакберова. Мобильный телефон — мода или необходимость? // Первая Крымская, № 8, 16 января/ 22 января 2004). Глагол *переплатить* используется в значении «заплатить больше, чем следует» [2].

При формировании значения экспрессивности глаголов с префиксом *пере-* привлекаются и другие средства, в том числе словообразовательные и морфологические. Это может быть словообразовательная пара глаголов (мотивирующего и мотивированного), один из которых имеет префикс *пере-* со значением «многократное повторение действия в прошлом или будущем»: «И мало каких еще ночей было-перебыло» (Василий Шукшин. Думы, 1970), «Насчет взрыва в «Милой Баварии» все проверьте и перепроверьте» (Ю. Герман. Дорогой мой человек). Это значение интенсивности может усиливаться контекстом. Например, введением в текст наречия со значением количества: «Но есть и наши. Совсем потрепанные, читанные и перечитанные многократно. Повести Анатолия Марченко «Как солнце дню», изданные в Москве 30 лет назад» (Михайлов Николай. Передайте привет Москве // Труд-7, 2003.02.11). Или повтором отглагольных прилагательных, интенсивность которых определяется лексическим значением фразеологизма: «Такой это был тертый-перетертый паренек, каких можно было увидеть в любом месте страны» (В.П. Аксенов. Пора, мой друг, пора), *тертый калач* – «много видевший и испытавший в жизни человек» [6], или ассоциациями, связанными с этими значениями: «А у Никишки была машина, маленький, первого выпуска, латаный-перелатанный «Москвич»» [Евгений Попов. Горбун Никишка], *латка* – «заплата, кусок ткани, кожи, нашиваемый на разорванное место» [2], т.е. «Москвич» такой старый, что на нем уже поставлены латки.

На синтаксическом уровне экспрессивность создается параллельными конструкциями: «Если вы читаете книги с особой, лично вам нужной целью, то самые читанные и перечитанные, исследованные и переисследованные вещи – оказываются полны открытий» (М. Шагинян); «На парне кургузый пиджачишко, штопаный-перештопаный, латаный-перелатанный» (А. Ремчук).

К более сложному способу выражения экспрессивности относится и выстраивание синонимического ряда глаголов с префиксом *пере-* по степени нарастания признаков. В таких случаях префикс *пере-* может становиться самостоятельной языковой единицей: «Ворвутся в дома и всех нас перестреляют, перекусают, пере...» (В. Ф. Панова. Который час? Сон в зимнюю ночь), «Кто кого переперчит, пересолит, перекомпрометирует, перегвоздит, перескандалит, пересплетничает, переобложит, перекричит: сплошные ПЕРЕ» (В. Аграновский. Вторая древнейшая. Беседы о журналистике). Иногда «самостоятельность» функционирования префикса определяется ситуацией. Это происходит тогда, когда, по мнению автора текста, ни один из включенных в ряд синонимов не передает его мысли наиболее точно. Это вынуждает автора использовать *пере-* как самостоятельный глагол с более широкой

семантикой, наполнение конкретным значением которого он доверяет читателю. Обращаясь к когнитивному опыту читателя, автор таким образом включает его в художественный процесс:

*Перешагни, перескочи,
Перелети, пере- что хочешь —
Но вырвись: камнем из пращи,
Звездой, сорвавшейся в ночи
Сам затерял—теперь ищи...*

В. Ходасевич

Хотя префикс *пере-* определяется как глагольный, он довольно часто используется и в именных частях речи. Существительные с префиксом *пере-* обозначают повторность действия или явления, названного мотивирующим словом. Например, «*Эх, думаю, несимпатично как-то взрослому человеку... Комиссии всякие, перекомиссии. Доклада и собрания...*» (М. Зощенко, *Счастливые детство*, 1925), «*Сколько денег потрачено, сколько бумаг написано, сколько комиссий, перекомиссий назначено*» (Литературная газета, 1 сентября 1965 г.). Комиссия – перекомиссия «комиссия, которая заседает несколько раз». У существительного возникает скрытое значение повторного действия или события. «*Счёты-пересчёты и дальнейшие расчёты...*» (Новости Кемерово, 26 августа 2008 г., <http://www.keminfo.ru>). Счёты – пересчёты «действие по глаголу пересчитать. Пересчитать – сосчитать заново, ещё раз» [2]. В «Русской грамматике» (1980) отмечается, что этот словообразовательный тип продуктивен в специальной терминологии и разговорной речи.

Другой словообразовательный тип представлен существительными префиксом *пере-* в значении чрезмерности: «*Лауреат-перелауреат многих премий, орденоносец, художественный руководитель Театра Сатиры и сам большой сатирик, Александр Ширвиндт – совсем не такой, каким кажется*» (Ольга Кучкина. *Свободная любовь: личные истории знаменитых людей*); «*Или, как скажет учёный-перучёный, академик-переакадемик, историк-переисторик...*» (Михаил Задорнов. *Изгнание норманнов из российской истории*, <http://mzadornov.livejournal.com>). В этом случае существительные с префиксом *пере-* выражают иронию: «слишком» лауреат, «слишком» учёный, «слишком» академик, «слишком» историк.

Подобное значение могут передавать и имена прилагательные с префиксом *пере-*: «*Не при штихах будь сказано, наше с вами РОСНАНО совместно с «Реновой» Виктора Вексельберга строят в Новочебоксарске секретный-пересекретный завод*» (Борис Бронштейн, *Скажи пароль и уходи / Новая газета*, выпуск № 41 от 13 апреля 2012), «*Помимо того, что Атлетико и Барселона – это команды титулованные-перетитулованные, они еще являются очень яростными соперниками*» (Обзоры матчей, спортивная аналитика. Примера Дивизион, Испания: Атлетико М – Барселона, 19.09.2010). Согласно «Русской грамматике» (1980), прилагательные этого словообразовательного типа характерны для разговорного и художественного стиля.

На наш взгляд, реализация более сложных способов экспрессивности глаголов, существительных и прилагательных с *пере-* обуславливается когнитивным опытом автора и читателя. Только благодаря тому, что в сознании русского человека закреплено значение *пере-* как «неоправданной избыточности», префикс оказывается крайне выразительным и узнаваемым. По мнению философа В.Л. Лехциера, *пере-* – один из символов русской культуры, своеобразный предел, заключающий в себе возможность его преодоления, «некий вызов, брошенный невидимым противником». Опыт «пере» – своеобразный опыт «перехода через внутренние Альпы» [11, с. 11]. Он раскрывает себя «в своих существенных топологических и темпоральных характеристиках, в различении и вместе с тем связывании таких ключевых феноменов «пере», как Иное

и повседневность, соблазн и угроза, событийность и амбивалентность, конечность и фактичность» [там же, с. 2].

Префикс *пере-* в значении «совершить действие с нежелательно большой длительностью или интенсивностью» антонимичен префиксу *недо-* «совершить действие не полностью, не довести его до необходимой нормы», поэтому часто в тексте они употребляются в паре: «Лучше *недоесть*, чем *переесть*» (<http://nku3.ru>). Оба префикса могут функционировать в качестве самостоятельных единиц вне связи с каким-либо словом как выразители более широкого значения: «*Это тот случай, когда «пере» хуже, чем «недо»*» (Евгений СТРИГУНОВ.. Малыш, расти с english // Комсомольская правда, 2004.10.18), «*Есть теория у педиатров—лучше «недо», чем «пере»*» (Почем один поцелуй Шараповой? Миллион евро! // Комсомольская правда, 2003.08.15), «*Что нам ценней—"НЕДО..." , Или важней "ПЕРЕ..." ? Всюду горит электро, Но просим еще газку...*» (Сговор однофамильцев // Труд-7, 2007.02.09), «*Чаще получается "недо" или "пере", и в результате мы становимся заложниками ложной самооценки*» (Юдина Светлана. Тонкости личного ценообразования // Труд-7, 2009.06.18), «*Я бы добавил сюда и половое обжорство — лучше недо-, чем пере-*» (Владимир Соловьев. Три еврея, или Утешение в слезах. Роман с эпиграфами, 1975-1998).

Особые возможности, которыми обладает префикс *пере-* благодаря своей выразительности, могут привести к неожиданным результатам. Так, в публицистике появляются окказионализмы, в которых употребляются *пере-* вместе с антонимичным *недо-*: «*На одном из реалити-шоу девчонка-недопереросток с гордостью похвастала: «У нас в семье самая креативная бабушка — она недавно сделала апгрейд бабушке!»*» (газета "Бульвар Гордона", № 4 (248), 26 января 2010, Михаил Задорнов. Sms, гламур, блин, о'кей!), «*— Продолжая тему олигархов: знакомы ли вы с ними, и если да — что вас в них привлекает, а что отталкивает? — Знаком с некоторыми олигархами и полуолигархами, но больше все-таки — с четверть-олигархами. — С недоолигархами или, как вы говорите, с перенедоолигархами*» (газета «Бульвар Гордона», № 5 (41), 31 января 2006, Михаил Задорнов «Сегодня в России по-прежнему две беды, но не дороги и дураки, а дураки и дуры»). Причем порядок следования префиксов в слове важен для его семантики: «*В чем разница между ПЕРЕНЕДОПИЛ и НЕДОПЕРЕПИЛ? Перенедопил — выпил больше, чем мог, но меньше, чем хотел, а недоперепил — выпил меньше, чем хотел, но больше, чем мог», «Точно так же с "оливье": В обычный будний день его вряд ли закажут в кафе или ресторане. Но в ночь с 31-го на 1-е тарелка такого салата обязательно должна стоять на столе — хотя бы в качестве подушки безопасности для того, кто недоперепил*» (газета «Бульвар Гордона», январь 2013, № 2 (402), с. 2, Анна Шестак).

Это свидетельствует о том, что в нашем языковом сознании закреплены значения глаголов с префиксом *недо-* «совершить действие не полностью, не довести его до необходимой нормы» и *пере-* «совершить действие с нежелательно большой длительностью или интенсивностью» как некие культурные символы, причем префикс *пере-* выступает как культурный символ-антагонист *недо-*. *Недо-* и *пере-* — две крайние точки, указывающие на отступление от нормы: «слишком мало» и «слишком много». Как отмечает А. Вержбицкая, это одна из культурных особенностей русского человека, которому свойственна любовь «к крайним и категоричным моральным суждениям» [3, с. 34].

Выводы. Глагольный префикс *пере-* обладает значительным экспрессивным потенциалом. Во-первых, это обусловлено продуктивностью словообразовательного типа глаголов с префиксом *пере-* в значении «с нежелательно большей длительностью и интенсивностью совершить действие, названное мотивирующим глаголом». Этот ресурс широко используется поэтами, писателями и журналистами при создании

окказионализмов, и таким образом становится частью языковой игры. Во-вторых, экспрессивный потенциал *пере-*, расширяя поле своей реализации, усиливает интенсивность действия или события, обозначаемого глаголом. Это усиление может сопровождаться особым контекстом, параллельными конструкциями, синонимическими рядами со значением увеличения или ослабления признака. В-третьих, высокая продуктивность префикса *пере-* приумножает возможности его сочетаемости, результатом чего становится появление окказиональных глаголов, имен существительных и прилагательных. Закрепление в языковом сознании носителей языка *пере-* как некой избыточности, состояния сверх меры позволяет рассматривать его как один из символов русской культуры. Такой статус объясняет функционирование *пере-* в роли самостоятельной единицы языка.

Всё это свидетельствует о том, что важную роль в формировании ресурсов выражения словообразовательной экспрессивности играет когнитивный опыт носителя языка.

Список литературы

1. Арнольд И. В. Интерпретация художественного текста: типы выдвижения и проблемы экспрессивности / И. В. Арнольд // Экспрессивные средства английского языка. – Ленинград, 1975. – С. 11-20.
2. Большой толковый словарь русского языка [гл. ред. С. А. Кузнецов]. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
3. Вержбицкая А. Язык, культура, познание / А. Вержбицкая. – М. : Русские словари, 1996. – 416 с.
4. Головин Б. Н. Основы культуры речи / Б. Н. Головин. – М. : Высш.шк., 1988. – 335 с.
5. Добрушина Е.Р. Русские приставки: многозначность и семантическое единство / Е.Р. Добрушина, Е.А. Меллина, Д. Пайар. – М. : Русские словари, 2001, – 270 с.
6. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://enc-dic.com/efremova>.
7. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов: Изд. 5-е, испр-е и дополн. / Т. В. Жеребило. – Назрань: Изд-во «Пилигрим», 2010. – 486 с.
8. Ковалёв П.К. Функции глагольных префиксов в русском литературном языке / П.К. Ковалёв // Русский язык в школе. – 1940. – № 2. – С. 44–51.
9. Кожина М. Н. Стилистика русского языка / М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева, В. А. Салимовский. – М. : Флинта, Наука, 2008. – 464 с.
10. Культура русской речи : Энциклопедический словарь-справочник [под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др.] – М. : Флинта, 2011. – 840 с.
11. Лехциер В.Л. Феноменология «пере»: введение в экзистенциальную аналитику переходности / В.Л. Лехциер. – Самара : Изд-во «Самарский университет», 2007. – 332 с.,
12. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) [сост. Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин] — М.: Издательство ИКАР, 2009. – 448 с.
13. Пекарская И. В. Контаминация в контексте проблемы системности стилистических фигур русского языка: автореф. дис. на получение д-ра филол. наук : спец. «Русский язык» / И. В. Пекарская. – М., 2001, 45 с.
14. Русская грамматика. Т. 1 : Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – М. : Наука, 1980. – 778 с.

15. Савова М. В. Выразительность / М. В. Савова // Педагогическое речеведение: словарь-справочник [под ред. Т. А. Ладыженской и А. К. Михальской; сост. А. А. Князьков]. – М. : Флинта. Наука, 1998, 312 с.

16. Солганик Г. Я. Язык и стиль передовой статьи / Солганик Г. Я. – М. : Изд-во МГУ, 1973. – 58 с.

17. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Фёдоров. — М. : Астрель, АСТ, 2008. –880 с.

Каширина М. М. Семантичний потенціал префікса пере- як словотвірний ресурс вираження експресивності в сучасній російській мові // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 27 (66). № 2. – С.46-52

У статті аналізуються похідні дієслова, іменники і прикметники з префіксом пере-, які, реалізуючи значення «дуже багато», «занадто мало», можуть посилювати експресивність мови. Значні експресивні можливості префікса пере- дозволили розширити межі його сполучуваності. Закріплення в мовній свідомості носіїв мови пере- як якоїсь надмірності дозволяє розглядати його як один із символів російської культури.

Ключові слова: префікс, виразність, експресивність, культурний символ.

Kashirina M. Semantic potential of prefix over- as a derivation resource of expressivity in modern Russian // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 2. – P.46-52

The article analyzes the derivative verbs, nouns and adjectives with the prefix over-. They realize the value of “too much”, “too little” and enhance the expressiveness of speech. Considerable expressive possibilities of prefix over- allowed to expand the boundaries of its compatibility. Anchoring in the linguistic consciousness of native speakers as a kind of prefix over- redundancy allows us to consider it as one of the symbols of Russian culture.

Keywords: prefix, expression, expressivity, cultural symbol.

Поступила в редакцію 04.09.2014 г.

УДК 811.161.1' 373.7 + 006.72

**Представление эмоций в русской фразеологии
на материале каузальных фразеологизмов**

Колесникова О. В.

*Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Республика Крым
kvhelga@mail.ru*

В статье представлены особенности репрезентации эмоций каузальными фразеологизмами с учётом участников каузальной ситуации и лингвокультурологического аспекта изучения языка. Описана специфика эмоционального воздействия в ситуациях «вызывать эмоции», «вызывать положительные эмоции» и «вызывать отрицательные эмоции».

Ключевые слова: каузальная ситуация, каузатор, каузируемое лицо, эмоциональное воздействие, фразеология.

Фразеологизмы, репрезентирующие эмоции, подробно исследовались в работах Э. Н. Покровской, Ю.Ф. Прадида, В.И. Шаховского, А.М. Эмировой и др., где основное внимание уделяется их структурно-семантическим характеристикам.

В данной же работе эмотивные фразеологические единицы (далее ФЕ) рассматриваются с учётом каузальной ситуации и лингвокультурологической парадигмы изучения языка, что обуславливает **актуальность** нашей статьи.

Цель работы – представить особенности репрезентации эмоций каузальными фразеологизмами.

Каузальная ситуация предполагает, что воздействие субъекта или события вызывает действие, состояние, изменение качества другого субъекта. Данная ситуация подразумевает наличие каузатора (активный участник) и каузируемого лица или каузируемого объекта (пассивные участники) (см. подробнее об этом: [5]). В роли каузатора и каузируемого лица, как правило, выступает человек, а в роли каузируемого объекта – неодушевлённый предмет.

Применительно к эмотивным фразеологизмам необходимо говорить об эмоциональном воздействии. По мнению А.М. Эмировой, во фразеологизмах, связанных с выражением и обозначением эмоций, нашли отражение не высшие социальные чувства, а преимущественно так называемые низшие эмоции в широком объёме градации их интенсивностей [8, с. 69 – 70].

Исследуемые ФЕ описывают следующие ситуации: «вызывать эмоции»; «вызывать положительные эмоции» и «вызывать отрицательные эмоции». Ситуации, представленные этими ФЕ, подразумевают наличие каузатора и каузируемого лица. Как показал фактический материал, в роли каузатора может выступать человек (группа людей), явление или какое-л. событие.

Ситуация «Вызывать эмоции» представлена такими ФЕ, как: *пронзать / пронзить душу (сердце) чью (чьё), кому; затрагивать (задевать, забирать) / затронуть (задеть, забрать) за живое; брать (хватать) / взять за душу (за сердце); поражать / поразить в (самое) сердце кого и т.д.* Во внутренней форме данных ФЕ используются

глаголы со значением физического действия (*пронзать / пронзить; затрагивать (задевать, забирать) / затронуть (задеть, забрать); брать (хватать) / взять*), которые приносят сему интенсивности в значение всего фразеологизма. В данном случае не конкретизируется, какие именно эмоции вызывает каузатор у каузируемого лица, что и обуславливает нейтральную эмотивную окраску ФЕ: - *Лихо! - поскреб каракулевою макушку Нгале Агвара. - Безграмотно, зато как берет за душу! Да, это понаглее прежних манифестов...* (А. Дмитрук. Ветви большого дома); *И сразу отпустило, и цикады уже не бередили душу трепетным многоголосием, а убаюкивали...* (Б. Акунин. Пелагия и белый бульдог).

Ситуацию «Вызывать положительные эмоции» представляют ФЕ *согреть душу; отогреть / отогреть душу (сердце); развеселить душу* и т.д. При этом подразумевается, что каузатор вызывает эмоции радости, счастья у каузируемого лица. Образ данных ФЕ может быть основан на метафоре «механическое воздействие на предмет – изменение эмоционального состояния». В данном случае во внутренней форме ФЕ лежит архетип огня. Данные ФЕ получают коннотации одобрения: *Встреча с популярным крымскотатарским композитором и певцом Эдипом Бахчисарайлы (Асановым) всегда оставляет огромное впечатление, согревает душу музыкой, исполнительским мастерством* (www.bospor.com.ua/2008/7/4).

Как показал материал исследования, большинство каузальных фразеологизмов описывают ситуацию «Вызывать отрицательные эмоции» (*надрывать / надорвать душу (сердце); рвать душу (сердце); приводит / привести в сердце кого; бередит рану (душу) (душевную рану) чью, в ком и т.д.*). Необходимо отметить, что негативные эмоции концептуализированы в языке в большей степени, что свидетельствует о преобладающей интроспекции человека своих негативных ощущений над позитивными. При этом подразумевается, что каузатор вызывает эмоции грусти, печали, злости, раздражения и т.д. Данные ФЕ получают коннотации неодобрения.

Образы таких ФЕ основаны на представлениях о душе как о субстанции (согласно религиозным представлениям бессмертная, нематериальная основа в человеке), которая испытывает внешнее воздействие и наделяется следующими особенностями: она имеет физические характеристики объёма, ёмкости, густоты или жидкости; физиологические – боли, повреждения и т.д. Во внутренних формах ФЕ присутствует метонимия «человек – его часть». Мы выделяем синонимический ряд ФЕ, в образе которых локализована психической сферы объективирована при помощи физических характеристик объёма: *бередит рану (душу) (душевную рану) чью, в ком; как ножом по сердцу полоснуть (резануть) кого и т.д.: В голосовом тембре каждого хорошо угадываются знакомые до боли отцовские нотки, и они по-настоящему щемили и бередили душу, ведь Назария Яремчука, рано ушедшего из жизни, боготворили миллионы зрителей* (www.donbass.dn.ua/2005/03/20).

В некоторых ФЕ лежит метафорическая схема «вызывать негативные эмоции – пытаться деформировать предмет»: *терзать душу (сердце); тянуть (за) душу; трепать душу* и т.д.: *За окном облетает листва. Душу треплет пустая молва* (И. Мордовина. Одиноко молось в тишине).

Кроме того, ряд ФЕ характеризуется наличием каузативного глагола с семантикой «нарушение целостности предмета»: *надрывать / надорвать душу (сердце); рвать душу (сердце); вырывать душу* и т.д.: *Из нашего общества уйдет коррупция, уйдут разврат, нечистота, обман, стяжательство – все то, что надрывает душу* (www.aipnews.ru/2007/5/14).

Среди каузальных фразеологизмов, описывающих эмоции, мы рассматриваем также ФЕ, не включающие в свой состав компонент *душа (сердце)*: *наступить / наступить на (любимую) мозоль кому; задевать / задеть за больную струну кого; переполнять / переполнить чашу терпения; портить (трепать / потрещать) нервы*

кому; доводить / довести до белого каления кого; выводить / вывести из себя; сводить / свести с ума кого; портить / испортить кровь кому и т.д.

Компоненты (любимая) мозоль и больная струна в составе ФЕ наступать / наступить на (любимую) мозоль кому; задевать / задеть за больную струну кого; выступают символами страдания. Компоненты наступать / наступить, задевать / задеть связаны с деятельностным кодом культуры и несут семантику 'обидеть, причинить боль': *Инельга злобно зашипела, то ли от боли, то ли от того, что Рейнар, сам того не желая, наступил ей на любимую мозоль* (В. Сержин. Капитан Брасид); - *Отец, Вы задели самую больную струну моего сердца. Да, мы об этом еще не говорили. И хотя, как горец, я не боюсь ни волка, ни камнепада, но этого разговора, не буду от Вас скрывать, я страшусь* (Н. Абдуллаева. Исповедь счастливой женщины). Компонент чаша в структуре ФЕ переполнять / переполнить чашу терпения выступает в роли эталона, т.е. меры терпения человека. Компонент переполнять / переполнить соотносится с деятельностным кодом культуры и символизирует избыточность чего-л.: *Все медработники прекрасно понимают свою ответственность перед больными. Поэтому в пикете будут участвовать лишь те, кто свободен в этот день. Чаша терпения переполнена, и люди больше не могут молчать* (www.shans.com.ua/2008/5/17).

ФЕ портить (трепать / потрещать) нервы кому; доводить / довести до белого каления кого; сводить / свести с ума кого; портить / испортить кровь кому и т.д. употребляются с семантикой 'раздражать'. При этом компоненты нервы, ум, кровь соотносятся с телесным кодом культуры и символизируют жизненные силы: *Черновецкий хочет срочно выяснить, как часто Тимошенко будет портить ему кровь* (www.pravda.com.ua/ru/news/2008/5/30); *Как уточнил господин Маркин, между «Воронежспромбанком» и Сбербанком существует договоренность не трепать друг другу нервы* (www.kommersant.ru/2008/9/24).

ФЕ могут описывать высшую степень раздражения объекта: выводить / вывести из равновесия; доводить / довести до белого каления; выводить / вывести из себя. ФЕ выводить / вывести из равновесия и выводить / вывести из себя восходят к ситуации потери самообладания: - *О, как меня выводила из себя эта его невозмутимая манера, этот менторский тон! Но я старался держать себя в руках* (Б. Акунин. Коронация). ФЕ доводить / довести до белого каления описывает высшую степень раздражения путём уподобления железа при кипении чувствам человека: *Если Юлия Тимошенко доведёт президента до белого каления, и он решит отправить её в отставку, фракция Партии регионов не будет сейчас голосовать за отставку премьер-министра* (www.censor.net.ua/2009/3/12).

В результате нашего исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Каузальные ФЕ описывают ситуации, в которых каузатор вызывает положительные или негативные эмоции у каузируемого лица. Вторая ситуация гораздо чаще представлена фразеологическими средствами, чем первая, что связано с более сильным переживанием негативных эмоций. Эмоциональное состояние, вызванное каузатором, в ряде случаев может не конкретизироваться.

2. В образе данных ФЕ часто присутствует компонент душа (сердце), который наделяется физическими, физиологическими характеристиками и включается в метонимию «человек – его часть».

Список литературы

1. Бирих А. К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова / Под ред. В. М. Мокиенко. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.

2. Бирих А. Словарь фразеологический синонимов русского языка / А. Бирих, В. Мокиенко, Л. Степанова. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. – 352 с.
4. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. – 2-е изд. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА. – 784 с.
5. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Анна Вежбицкая. – М.: Языки славянской культуры, 1999. – С. 503 – 652.
6. Жуков В. П. Словарь фразеологических синонимов русского языка / В. П. Жуков, М. И. Сидоренко, В. Т. Шкляров. – М.: Рус. яз., 1987. – 448 с.
7. Фразеологический словарь современного русского литературного языка / под ред. А. Н. Тихонова: В 2 т. – М.: Флинта: Наука, 2004. – Т. 1. – 2004. – 832 с; т.2. – 2004. – 832 с.
8. Эмирова А. М. Русская фразеология в коммуникативном аспекте / Эмирова А. М. – Ташкент: Фан, 1988. – 90 с.

Колесникова О.В. Репрезентація емоцій у російській фразеології на матеріалі каузальних фразеологізмів // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 27 (66). № 2. – С.53-56

У статті представлено особливості репрезентації емоцій каузальними фразеологізмами з урахуванням учасників каузальної ситуації та лінгвокультурологічного аспекту вивчення мови. Описано специфіку емоційного впливу в ситуаціях «викликати емоції», «викликати позитивні емоції» та «викликати негативні емоції».

Ключові слова: каузальна ситуація, каузатор, каузована особа, емоційний вплив, фразеологія.

Kolesnikova O.V. The representation of emotions in the Russian phraseology on the materials of causal phraseological units // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 2. – P.53-56

In the article are represented specifics of the representation of emotions by dint of the causal phraseological units in respect that partners of the causal situation and lingvocultural aspect of research of language. In the article examines feature of the emotional influence in situations «move emotions», «move positive emotions» and «move negative emotions».

Key words: causal situation, causator, causal person, emotional influence, phraseology.

Поступила в редакцію 15.10.2014 г.

УДК 81'246.2'276.6'373.46/611

**Ономасиологическая структура терминов сельскохозяйственной
и почвенной микробиологии (на материале английского,
украинского и русского языков)**

Кислухина М. В.

*Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь, 29kmv@mail.ru*

Статья посвящена исследованию ономасиологической структуры терминов подъязыка сельскохозяйственной и почвенной микробиологии на материале английского, украинского и русского языков. Ономасиологический анализ позволяет выявить понятийные механизмы образования терминов сельскохозяйственной и почвенной микробиологии и определить принципы их мотивированности. Этот вид анализа дал возможность определить связь между ономасиологической структурой терминов сельскохозяйственной и почвенной микробиологии и семантическими падежами.

Ключевые слова: ономасиология, термин, терминосистема, тернарная модель, ономасиологический базис, ономасиологический признак, предикат.

Постановка проблемы. С XIX века одним из основных источников пополнения словарного состава языков становится лексика терминологического характера. Это вполне естественный процесс потому что, с одной стороны, развитие науки, техники, общества в целом требует присвоения наименований все новым и новым явлениям, понятиям, предметам. С другой стороны, «язык живет и развивается так же, как развивается познание и мышление человека» [6, с. 13].

Структурно-семантические, ономасиологические, когнитивные и функциональные особенности отраслевых терминосистем в последние десятилетия рассматривались в работах многих отечественных и зарубежных авторов на примерах различных языков. Так, Н. Ю. Байтерякова [1] исследовала этапы формирования английской спелеологической терминологии, С. М. Барак [2] – терминологию железнодорожного транспорта, М. Н. Бондарчук [3] – авиационную терминологию, М. Г. Гамзатов [4] – юридическую терминологию, Л. В. Ивина [9] – терминосистему венчурного финансирования, Г. И. Литвиненко и А. Н. Дядечко [14] – способы словообразования на материале терминов химического машиностроения, В. Ф. Новодранова [15] – латинское словообразование в сопоставлении с построением и организацией медицинской терминосистемы (изучение медицинских терминов с когнитивной точки зрения), Н. И. Панасенко [16] – когнитивно-ономасиологические особенности названий лекарственных растений, В. И. Пушкарь [18] – терминологию экономики, Н. М. Семко [20] – терминологическую механизацию процессов сельскохозяйственного производства, И. Я. Туманова [21] – концептуальную структуру современной английской терминосистемы земельного права, В. В. Чеботарева [22] – английскую военную терминологию.

Вслед за О. В. Раевской, мы считаем, что ономасиологический подход к процессу номинации позволяет рассмотреть слова «как результат познавательной деятельности

человека, устанавливающего связи между различными сущностями в окружающем его мире и выражающего эту связь в создаваемом им наименовании» [19, с. 82].

Изложенные соображения теоретического и практического порядка свидетельствуют об **актуальности** настоящего исследования.

Цель настоящей статьи – анализ ономаσιологических особенностей терминологии сельскохозяйственной и почвенной микробиологии на материале английского, украинского и русского языков.

Поставленная цель обусловила конкретные **задачи**:

1) выявить ономаσιологическую структуру терминов подязыка сельскохозяйственной и почвенной микробиологии в германском (английский) и славянских (украинский и русский) языках;

2) описать ономаσιологическую структуру терминов подязыка сельскохозяйственной и почвенной микробиологии в избранных языках.

Необходимо отметить, что изучение производных слов имеет для теории номинации особое значение. Именно по отношению к производной единице как единице с расчлененной смысловой структурой, мы отмечаем, какой признак предмета был воспринят как самый характерный и типичный для него и какой признак смог стать «представителем» всего класса предметов в целом. Производное слово – это, прежде всего, номинация через определенную отсылку к существующему знаку или знакам языка; это обозначение неизвестного через известное, через знакомый знак или знаки языка; это соединение нового опыта со старым.

В своем исследовании мы обратились, прежде всего, к именам существительным, так как можно предположить, что первым в языке получало название то, что имело в природе, окружающем человека мире, «наибольшее прагматическое значение и обладало наибольшей социальной значимостью» [136, с. 29]. Далее Е. С. Кубрякова подчеркивает, что «в возникновении частей речи существительному принадлежит центральное место и в известной мере все прочие слова и все прочие названия могут быть выведены из предметных и событийных имен» [136, с. 39].

Используя предложенную Е. С. Кубряковой концепцию рассмотрения словообразования с точки зрения ономаσιологического ракурса, мы выделили в терминах сельскохозяйственной и почвенной микробиологии тернарную модель, которая включает: 1) ономаσιологический базис, то есть основное, опорное слово в этой модели, 2) ономаσιологический признак, который характеризует определенный термин 3) предикат-связку, которая приписывает данный признак базису [10а, 136].

Начнем с описания тернарной модели и её компонентов. Е. С. Кубрякова отмечала, что базис отражает «номинативную деятельность человека, совершающего в акте словообразования подведение обозначаемого под некую категорию» [11, с. 39–40]. Это, в свою очередь, непосредственно связано с естественной категоризацией мира. В своей работе М. Докулил выделил двучленную модель, которая состоит из ономаσιологического базиса и ономаσιологического признака. Он выделил следующие типы базиса: категория субстанции, свойства, действия и обстоятельства [23, с. 197]. Базис играет роль понятия, которое лежит в основе обозначения какого-либо класса предметов. Базисы могут быть описаны с категориальной и структурной точек зрения, то есть формально и содержательно.

В нашем исследовании отмечены базисы, обозначающие процесс, живой организм, вещество, артефакты, объекты природы, части растения, собственно растение, животных, насекомых.

Были выделены типичные поверхностные структуры в названиях терминов сельскохозяйственной и почвенной микробиологии и установлена реальная комбинаторика элементов и их число. Необходимо отметить, что одна из наиболее распространенных тернарных моделей в германском (английский) и славянских

(украинский и русский) языках это модель, которая включает один признак и один базис (производное слово, сложное слово, сложносuffixальный термин, несколькословный комплекс). Например, англ. *cooling* – охлаждение (правосторонний базис – суффикс **-ing**, обозначающий процесс, предикат-связка – «выполняет действие», признак – оценочный (физическое свойство); укр. *бродіння, біодобриво*; русск. *протравливание*.

Из этого следует, что базис может быть выражен различными единицами: в производном слове – это суффикс, который выполняет роль категоризатора или классификатора (англ. *sterilization* – суффикс **-ation**, указывает на то, что данный термин обозначает процесс, укр. *дезінфекція* – суффикс **-ція** также несет в себе значение процессуальности; русск. *бруцеллёз* – терминологический элемент **-ёз (-оз)** суффикс, обозначающий заболевания) и полнозначным словом при словосложении и в многословных комплексах. Например, англ. *standing vegetation* (стоячая (в воде) растительность); укр. *азотне добриво*; русск. *бляшки вирусом*.

При словосложении базисом является, как правило, второй или последний компонент сложного слова. Например, термин *grassland, wetland* – имеют базис **-land** (значение – земля), покрыта травой (*grass*) – травостой; *wetland* – заболоченное место, сырой участок. Вышеназванные термины имеют базис, обозначающий объекты природы. У терминов *atmosphere, biosphere, lithosphere, rhizosphere, pedosphere, phyllosphere* базис – **sphere** (значение – шар, пространство); у термина *turnover* базис – слово **turn** (первый компонент сложного слова), а у термина – *uptake* – базисом является второй компонент – **take**. И первый базис, и второй несут значение действия. Здесь и далее мы считаем необходимым выделить базис подчеркиванием.

При словосложении двучленная структура может реализовываться также как сочетание однопорядковых и равнозначных единиц (сложение двух базисов указывает при этом как бы на одновременность некоторых свойств, процессов, предметов и т.д. в обозначаемом явлении). Например, термин, англ. *landscape* – **land** (земля), **scare** – (пейзаж). Отмечаем, что оба элемента обладают равными свойствами и обозначают местность, рельеф местности: англ. *agar-agar* – оба элемента обозначают вещество (смесь полисахаридов, получаемая из некоторых морских водорослей; хорошо растворяется в горячей воде, образуя гели; применяется в составе питательных сред для выращивания микроорганизмов в пищевой промышленности); англ. *peat-bog*; укр. торф'яник, торф'яне болото; русск. торфяное болото, торфяник; англ. *mould-mold*; укр. пліснява, пліснявий гриб, перегній; русск. плесень, плесневый гриб, перегной; англ. *haem-hem*; укр. гем, небілкова частка гемоглобіну; русск. гем, небелковая часть гемоглобина. Такие модели обозначаются ББ' [7] (расщепленный базис).

Мы отмечали ранее, что базисом может быть не только суффикс, но и целое слово. Это хорошо просматривается на примере терминологических сочетаний, многословных комплексов: англ. *abiotic factors of environment, above ground plant parts, acetylene method, fatty acids, acid medium, active iron, active microflora, agar beef-extract, agar beer-wort, agar blood, agar corn-meal, agar potato, adhering soil, facultative anaerob, root hairs*; укр. *люпин жовтий, молекулярний азот, домова миша, жовтогорла миша, суха речовина, колорадський жук, цукровий буряк* и т. д.; русск. *питательная среда, патогенный грибок, ползучий пырей, генетический банк, двигательный нерв, корневой рак, гистологический срез, клеточный яд, почвенная карта, стрессовый ответ, сухой вес (клеток)* и т. д.

Предикат-связка указывает на тип семантических отношений между базисом и признаком в ономасиологической структуре в данном случае – термина сельскохозяйственной и почвенной микробиологии. В своей работе мы рассматриваем особенности предикатов подязыка сельскохозяйственной и почвенной микробиологии перед ономасиологическими признаками, так как предикат-связка

приписывает признак определенному базису. Е. С. Кубрякова указывала на то, что предикаты не меняют ономаσιологической базы, а также уточняют признаки основы в каком-либо отношении, например, локативном, темпоральном и т. д. [12, с. 76].

Поскольку ономаσιологический анализ типов предикатов подробно освещен в работах Е. С. Кубряковой и её учеников (Евтушевский 1985; Давыдова 1990; Панасенко 2000, 2010 и др.), мы остановимся на тех типах предикатов, которые характеризуют термины сельскохозяйственной и почвенной микробиологии. Необходимо отметить, что процедура восстановления предиката обратна той, которую продельывает говорящий, при создании нового слова. Этот процесс восстановления, как правило, не вызывает затруднений, за исключением тех случаев, когда необходимо привлекать дополнительные знания, чаще всего культурологического плана [17, с. 71].

По результатам проведенного нами исследования можно сделать вывод, что наиболее типичными для терминологической лексики сельскохозяйственной и почвенной микробиологии предикатами являются следующие: предикат типа ISA, композиционный, компаративный предикат формы, выполняет действие, производит действие.

Характеризуя признаки терминологической сельскохозяйственной и почвенной микробиологии в общих чертах, выделяем следующие: признаки внешнего вида; признаки, обозначающие место возникновения, произрастания или распространения (например, бактерий, микроорганизмов, растений); оценочные; эмоционально-экспрессивные; признаки, предупреждающие об опасных свойствах растения, а также признаки, характеризующие принадлежность к предмету, входящие в разнообразные группы. Признаковая зона терминов сельскохозяйственной и почвенной микробиологии может быть охарактеризована как структурно, так и содержательно. Необходимо отметить, что особого внимания заслуживают производные термины, поскольку в них прослеживаются специфические правила соединения означаемого и означающего [17, с. 73]. Структурно необходимо отметить разное построение обозначения признаков в разных моделях терминов исследуемого подъязыка (например, двух- и трёхкомпонентных).

На наш взгляд, особенно интересны несколькословные номинации. В двухкомпонентной модели, которая состоит из одного признака, признак может образоваться за счет простых атрибутивных слов, например, прилагательного, причастия, а может и за счет отношения к другим объектам, например, англ. *Petry dish, mother cell, daughter cell*; укр. *воронка Бюхнера*; русск. *головка родителя (у фага), клетка хозяина, организм хозяина*. С точки зрения структуры (формальной характеристики терминов сельскохозяйственной и почвенной микробиологии), то признаком может быть **прилагательное**, которое может быть **простым** (англ. *young roots, sick soil*; укр. *білі бульбочки, рожеві бульбочки*, русск. *строгие азробы*), **производным** (англ. *adhering soil, carnivorous plant, hypertonic solution, natural selection*; укр. *вірулентний штам*; русск. *естественный киллер, экологическая пластичность микроорганизмов, микробный пейзаж, глубинное культивирование*), **сложным** (англ. *beef-extract agar* (мясопептонный агар), *beer-wort agar* (агар на пивном сусле), *ash-free biomass*; укр. *ресурсоощадний агрозахід, спороутворювальні бактерії, біотехнологічне виробництво*; русск. *эколого-трофические группы микроорганизмов, злокачественные новообразования*); **существительное** (англ. *cell envelope, laboratory scale, soil activity*; укр. *бактеризація розсади, ідентифікація штамів*; русск. *бляшки вирусом, репродукция вирусом*), **глагол** (англ. *gain productivity*; укр. *пригнічувати бульбочкоутворення*), **причастие** (англ. *denitrifying soil activity, denitrifying microorganism, infertilised plot* (опытный участок без удобрений); русск. *свободноживущие диазотрофы*).

Необходимо отметить, что **смешанные признаки** представляют более детально характеристику термина. Например, англ. *alluvial grassland* (alluvial – отложения постоянных и временных водных потоков (рек, ручьев), состоящие из обломочного материала различной степени окатанности и сортировки (галечник, гравий, песок, суглинок, глина) (материал + локатив), *monoclonal antibody* (количество + физические свойства), *facultatively autotrophic bacterium* (обобщенные свойства + физические свойства), *biological soil activity* (физические свойства + локатив + оценка), *purple sulphur-oxidizing bacteria* (цвет + физические свойства (вещество)); укр. *польова азотфіксуюча активність* (грунту) (локатив + физические свойства), *агресивні місцеві бактерії* (признак предупреждение об опасных свойствах + локатив), *екологічне чисте виробництво* (физические свойства + оценка), *вірус смугастої мозаїки* (пшениці) (собственно внешний вид + форма), *зігзагоподібні кореневі волоски* (собственно внешний вид + локатив); русск. *восьмипольный севооборот* (количество + обобщенные свойства), *почвоутомление* (локатив + психофизиологические свойства), *острое инфекционное заболевание* (форма + предупреждение об опасных свойствах + психофизиологическое свойство), *екологічески чистий зв'язаний азот* (вещество + физические свойства + оценка + обобщенные свойства).

Рассмотрев все вышеизложенное, приходим к следующим **выводам**:

1. Ономасиологический анализ терминов сельскохозяйственной и почвенной микробиологии показал, что данная терминологическая система обладает присущими всем терминосистемам особенностями и имеет свой особый инвентарь словообразующих средств.

2. В результате проведенного ономасиологического анализа были рассмотрены и установлены во всех трех отобранных языках поверхностные структуры дериватов и сложных слов, а также несколькословных комплексов. Поверхностные структуры дериватов и сложных слов – двухкомпонентные, включающие один базис (правосторонний или левосторонний) и один признак. Поверхностные структуры несколькословных комплексов трехкомпонентны, включают один базис и два признака. В английском, украинском и русском языках выявлена модель, которая включает один признак и один базис (производное слово, сложное слово, сложносуффиксальный термин, несколькословный комплекс).

Перспективным представляется рассмотрение и применение методики ономасиологического анализа на примере других терминологических подъязыков, смежных с терминологией сельскохозяйственной и почвенной микробиологии, в частности микробиологии воды, воздуха, моря и т.д.

Список литературы

1. Байтерякова Н. Ю. Этапы формирования английской спелеологической терминологии / Н. Ю. Байтерякова // *Нова філологія*. – 2005. – № 2 (22). – С. 5–9.
2. Барак С. М. Терминологическая лексика. Её место в словарном составе языка (на материале современной английской терминологии железнодорожного транспорта) : автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.04 «Германские языки» / С. М. Барак. – Ленинградский гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. – Л., 1955. – 15 с.
3. Бондарчук М. М. Структурно-семантичні параметри російської авіаційної терміносистеми (макрополе «рух літального апарата») : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.02 «Російська мова» / М. М. Бондарчук. – Київ, 2000. – 32 с.
4. Гамзатов М. Г. Английская и русская юридическая терминология в сравнительно-сопоставительном аспекте / М. Г. Гамзатов // *Вестник Санкт-*

Петербургского университета. – 2007. – Серия 9. – Филология. – Вып. 2. – Ч. II. – С. 124–130.

5. Давыдова Т. С. Ономаσιологические закономерности образования и функционирования наименований лиц по профессии в современном немецком языке : автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / Т. С. Давыдова. – Л., 1990. – 15 с.

6. Дрезен Э.К. Научно-технические термины и обозначения и их стандартизация / Эрнест-Вильгельм Карлович Дрезен. – М. : Стандартгиз, 1936. – 136 с.

7. Дроздова Т.В. Типы и особенности многокомпонентных терминов в современном английском языке (на материале терминологии производства искусственного холода); дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Татьяна Васильевна Дроздова. – М., 1989. – 210 с.

8. Евтушевский Ю. И. Номинативные свойства сложных образований со структурами AN и NN в современном английском языке (опыт сопоставительного описания систем вторичной номинации) : дис. канд. филол. наук : 10.02.04 / Юрий Иванович Евтушевский. – Пятигорск, 1985. – 207 с.

9. Ивина Л. В. Номинативно-когнитивное исследование англоязычной терминосистемы венчурного финансирования : автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / Л. В. Ивина. – Московский ордена Дружбы народов гос. лингвистический университет. – М., 2001. – 24 с.

10. Кубрякова Е. С. а) Номинативный аспект речевой деятельности / Елена Самойловна Кубрякова. – М. : Издательство ЛКИ, 2008. – 160 с.

11. Кубрякова Е. С. Производные слова с когнитивной точки зрения / Е. С. Кубрякова // Словообразование и лексические системы в разных языках : межвуз. сб. науч. трудов. Башкирский гос. пед. институт. – Уфа, 1994. – Вып. 1. – С. 39–47.

12. Кубрякова Е. С. Производное как особая единица системы языка / Е. С. Кубрякова // Теория языка. Англистика. Кельтология. – М. : Наука, 1976. – С. 76–83.

13. Кубрякова Е. С. б) Части речи в ономаσιологическом освещении / Елена Самойловна Кубрякова. – М. : Издательство ЛКИ, 2008. – 120 с.

14. Литвиненко Г. И. Способы словообразования как фактор системности в терминологии (на материале терминов химического машиностроения) / Г. И. Литвиненко, А. Н. Дядечко // Вісник СумДУ. – 2007. – Серия «Філологія». – №1. – Т. 1. – С. 142–150.

15. Новодранова В. Ф. Именное словообразование в латинском языке и его отображение в терминологии. *Laterculi vocum Latinarum et terminorum* / Валентина Федоровна Новодранова. – М. : Языки славянских культур, 2008. – 328 с.

16. Панасенко Н. И. Когнитивно-ономаσιологическое исследование лексики. (Опыт сопоставительного анализа названий лекарственных растений) : дис. на соискание уч. степени д-ра филол. наук : спец. 10.02.19 «Общее языкознание. Психоллингвистика. Социоллингвистика» / Наталья Ивановна Панасенко. – Институт языкознания Российской Академии наук. – М., 2000. – 398 с. – Приложения. – 597 с.

17. Панасенко Н. И. Фитонимическая лексика в системе романских, германских и славянских языков (опыт ономаσιологического и когнитивного анализа) / Наталья Ивановна Панасенко. – Черкассы : Брама-Украина, 2010. – 451 с.

18. Пушкар В. І. Структурно-семантична характеристика префіксальних дієслів та словотворчі потенції їх основ у субмові економіки (на матеріалі англійської мови) / В. І. Пушкар // Вісник Київського лінгвістичного університету. – Серія «Філологія». – Т. 4. – № 2. – С. 190–197.

19. Раевская О. В. Сложные слова современного французского языка (именное сложение) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Ольга Васильевна Раевская. – М., 1981. – 170 с.

20. Семко Н. М. Семантическая двуплановость термина (на материале английских терминов механизации процессов сельскохозяйственного производства) : автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / Семко Н. М. – К., 1988. – 22 с.

21. Туманова И. Л. Концептуальная структура терминосистемы современного английского земельного права : автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / И. Л. Туманова. – М., 2003. – 23 с.

22. Чеботарёва В. В. Особенности функционирования английских военных терминов в языке средств массовой информации / В. В. Чеботарева // Вестник МГУ. – Серия 19. – Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008. – № 2. – С. 183–189.

23. Dokulil M. Tvoření slov v češtině / M. Dokulil. – Praha : Nakl. ČAV, 1962. – Т.1. – 263 s.

Kishukhina M. V. Onomasiological structure of the terms of agricultural and soil microbiology (based on the english, ukrainian and russian languages) // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 2. – P.57-63

The article is devoted to the investigation of onomasiological structure of the agricultural and soil microbiology terminology on the base of the English, Ukrainian and Russian languages. Onomasiological analysis allow us to reveal conceptual mechanisms of the formation of agricultural and soil microbiology terms and to define their motivation principles. Onomasiological analysis gives us opportunity to define connection between onomasiological structure of agricultural and soil terms and semantic cases.

The research is based on the tertiary model of derivative and compound word developed by E. S. Kubriakova. This tertiary model consists of onomasiological base, onomasiological feature and onomasiological predicate.

We have revealed that onomasiological model in English, Ukrainian and Russian languages includes one base and one feature (derivative, complex, complex compound word, multiword complexes). We have marked such bases as process, living things, substance, artefacts, objects of nature, plant's parts, plants, animals, insects. In our paper we have described onomasiological features such as location, emotional-expressive, estimation, outward appearance etc. Outward appearance features are important for identification of agricultural and soil terms, they include peculiarities of a microbe's, plant's, animal's structure, form, colour, size. In the paper the author has revealed and investigated onomasiological predicates.

Key words: *onomasiology, term, terminological system, tertiary model, onomasiological base, onomasiological feature, predicate.*

Поступила в редакцию 03.09.2014 г.

УДК 811.161

**Распространение сленговых выражений
в молодежной полилингвокультурной среде**

Надьярова Е. Ш.

*Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского,
Симферополь, Республика Крым
horoshayaya2008-@mail.ru*

В статье изучено место и значение сленговых выражений в системе языка. Установлено соотношение между терминами «жаргон» и «сленг». Определено место жаргонной лексики в современном языке, установлена зависимость языковых процессов от общественных. Исследовано понятие «языковой личности» и его место в аксиологической системе личности. Изучена специфика использования молодежного сленга в студенческой аудитории. Собран эмпирический материал из речи студенческой молодежи в Таврическом Национальном Университете им.В.И. Вернадского. Проведено исследование знания иностранными студентами русских жаргонных и сленговых выражений, сравнение частоты употребления некоторых жаргонизмов в разных молодежных коллективах. Выявлены основные источники появления сленговых выражений в молодежной среде. Сделан вывод об отношении в обществе к сленгу.

Ключевые слова: *сниженная лексика, сленг, жаргон, молодежь.*

Введение

В последнее время наблюдается массовое использование жаргонной лексики всеми слоями населения, вне зависимости от социальной или профессиональной принадлежности, возраста, коммуникативных особенностей употребления, будь то публичное выступление, деловое общение или неофициальная обстановка.

В молодежном жаргоне, как в зеркале, отражается процесс изменений в обществе. Под понятием «жаргон» мы понимаем специальную разновидность речи, которая отличается от общенародного языка специфической лексикой и фразеологией. Иногда термин применяется для обозначения искаженной, неправильной речи.

Существует нравственная, духовная проблема, связанная с распространением жаргонизмов. Жаргон вымывает из нашей речи огромные пласты литературной лексики, обедняет речь, тем самым, препятствуя интеллектуальному и творческому развитию личности. Но, с другой стороны, жаргон отражает тенденции, важные для современного языка в целом и без его всестороннего изучения лингвистическое описание современного русского языка будет неполным.

Изучение подобного языкового материала интересно и в каком-то смысле необходимо хотя бы потому, что этот своеобразный «язык в языке» существует не только в устной речи, но и все чаще и чаще функционирует на страницах газет и журналов. Поэтому в изучении сленга должны быть заинтересованы не только лингвисты, но и социологи, психологи, педагоги, да и все общество в целом. Это также подчеркивает актуальность произведенного исследования. В работе опирались

на данные и факты, собранные во время опроса у студентов, в чем проявляется самостоятельность, новизна и практическая значимость работы.

Цель исследования заключается в том, чтобы изучить такое явление языка, как «молодежный жаргон», показать, как в нем отражаются общественные проблемы, а также доказать зависимость «молодежного языка» (и в том числе жаргона) от жизни общества, от среды, даже от особенностей молодежного коллектива.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) установить соотношение между терминами «жаргон» и «сленг»;
- 2) определить место жаргонной лексики в современном языке, установить зависимость языковых процессов от общественных;
- 3) собрать эмпирический материал из речи студенческой молодежи в Таврическом Национальном Университете им. В.И. Вернадского;
- 4) провести опрос среди иностранных студентов и выявить степень знаний данного языкового материала;
- 5) сравнить частоту употребления некоторых жаргонизмов в разных молодежных коллективах;
- 6) сделать вывод об отношении в обществе к сленгу.

1. Молодежный сленг и его место в системе языка

В центр современной антропоцентрической лингвистики ставится понятие «языковой личности», то есть человека в его способности совершать речевые поступки. Впервые в науку оно было введено В. В. Виноградовым [4].

Под языковой личностью подразумевают:

1. Носитель языка, который охарактеризован на основе анализа сделанных им текстов с точки зрения применения в этих текстах системных средств этого языка, чтобы представить его видение окружающей действительности и возможно для достижения каких-то его целей;

2. Название способа описания языковой способности человека, получение знания о личности на основе его письменного текста [4].

И.А. Бодуэну де Куртенэ проблема индивидуального творчества была чужда, и язык литературного произведения мог интересовать его лишь с точки зрения отражения в нем социально-групповых навыков и тенденций, «норм языкового сознания» или, как он иногда выражался, «языкового мировоззрения» коллектива» [3].

В.В. Виноградов построил понятие языковой личности:

«Языковая личность – это углубление, развитие, насыщение дополнительным содержанием понятия личности вообще. Последнее соткано из противоречий между стабильностью и изменчивостью, устойчивостью мотивационных предрасположений и способностью поддаваться внешним воздействиям и самовоздействию, трансформируя их результаты в перестройке отношений элементов на каждом из уровней- семантическом, когнитивном и мотивационном; между своим существованием в реальном времени и «нерелевантностью» временного параметра для идентификации личности» [4].

На современном этапе, изучением лексики в сферах литературного языка, например в текстах СМИ, произведениях современной литературы занимаются такие писатели, публицисты как М. Веллер, В. Сорокин, В. Токарева, В. Маканин и многие другие.

Выделяются три этапа формирования языковых проявлений в речи молодых людей в соответствии с их возрастом: подростково-юношеский, профессионально-групповой и интегральный.

1) подростковый этап - это номинативно-экспрессивная лексическая подсистема речи подростков в их различных групповых или региональных вариациях: уличных, школьных, групповых, детдомовских; стремление к освобождению от детской зависимости развивается и укрепляется тенденция к отчуждению от "взрослого" общества и его норм, в том числе и языковых, лексических.

2) профессионально-групповой этап - это формирование жаргонных молодежных подсистем, которые характеризуют речь молодых людей более старшего возраста. На этом возрастном этапе естественное стремление молодых людей к герметичности, склонность к корпоративному восприятию объектов окружающего мира сохраняется, усиливается, но приобретает новые формы.

3) Интегральный этап - формирует лексико-семантические и фразеологические единицы универсального применения, встречающиеся в самых разных молодежных лексиконах, социально-групповых, социально-профессиональных [6].

Молодёжная культура - это свой, ни на что не похожий мир. Он отличается от взрослого своей экспрессивной, порой даже резкой и грубой, манерой выражать мысли, чувства, неким словесным абсурдом, который могут употреблять только молодые люди, смелые и решительные, настроенные против всего мира и создавшие свой особый, неповторимый мир. Как следствие этого - возникновение молодёжного жаргона.

Сленг довольно распространенное явление, он является средством общения в самых различных слоях населения и уходит своими корнями в седую старину. Ведь и века назад различные социальные группы имели свой стиль, присущий именно этой группе. Кроме того, распространенным видом сленга является профессиональный сленг, который бытует в речи людей определенной профессии или рода занятий.

В.А. Чеховский называет сленг «языковой игрой, что помогает личности заявить о себе в собственном микросоциуме и в то же время отделиться вместе с ним от остального общества» [5].

Под сленгом принято понимать слова, которые часто рассматриваются как нарушение норм стандартного языка. Это слова очень выразительные, ироничные, служащие для обозначения предметов, о которых говорят в повседневной жизни.

Распространён сленг главным образом среди школьников, студентов, военных, молодых рабочих. С помощью сленга говорящий может наиболее полно и свободно выразить свои чувства и эмоции. Сленг подвержен частым изменениям, что делает его языковой приметой поколений.

В молодежной среде жаргон бытовал еще издавна.

Молодежный жаргон подобен его носителям - он резкий, громкий, дерзкий. Он является результатом своеобразного желания переименовать мир на другой манер, а также показать этим, что «я свой». Язык здесь отражает внутреннее устремление ярче и выразительнее, чем стиль в одежде, прическа, образ жизни.

Молодежный жаргон легко вбирает в себя слова из разных языков. Например, из английского языка - шузы, мэн, из немецкого - копф (голова).

Молодое поколение сменяется через 5-6 лет, вместе с ними меняется и жаргон. Мало кто употребляет такие жаргоны, как прекрасно, великолепно, потрясно, на данный момент произошла замена на круто, кайфово [7].

Еще один признак «первобытности» молодежного жаргона - неопределенность, размытость значений входящих в него слов. Стрёмно, круто, я прусь могут быть и положительной, и отрицательной оценкой ситуации [1].

Также существуют жаргоны отдельных групп людей.

Жаргоны солдат и матросов: литеха - лейтенант, дух- солдат который служит первые полгода; жаргоны школьников: училка - учительница, и т.п.; жаргоны студентов: война - занятия по военной подготовке; общебытовые молодежные

жаргоны: бутылмен - бутылка; жаргоны неформальных молодежных группировок: хайр - волосы (слово заимствовано из англ. Hair -волосы), попса - популярная музыка (из англ. заимствовано только понятие: popular music).

Есть также выражения, которые, будучи вырванными из контекста, звучат вполне литературно, например: не наезжай! или не тормози.

Интересно, что филологи, и лингвисты в частности, относятся к сленгу достаточно миролюбиво и воспринимают его как естественный способ развития языка.

Некоторые филологи считают, что зарождение новых слов происходит в больших городах, а затем они перемещаются на периферию. Процесс ознакомления страны с неологизмами занимает в среднем полгода.

Считаем необходимым рассматривать сленг в полилингвокультурной ситуации. Поэтому есть необходимость описать специфику функционирования сленговых единиц в речи молодежи, а также выявить особенности лексики современного молодежного сленга и потенциальные возможности в развитии системы современного русского языка.

2. Специфика использования молодежного сленга в студенческой аудитории

Сленг – это слова и выражения, употребляемые людьми определенных возрастных групп, профессий, классов. Теперь, на мой взгляд, определение сленга должно быть следующим:

Сленг – слова, живущие в современном языке полноценной жизнью, но считающиеся нежелательными к употреблению в литературном языке.

Тем не менее, авторство тех или иных слов и выражений все равно остается за определенными группами людей.

С помощью сленга говорящий может наиболее полно и свободно выразить свои чувства и эмоции.

Нами был проведен социолингвopsихологический эксперимент, в котором приняли участие 16 человек, представляющие студенческую молодежь в возрасте 17-20 лет, обучающиеся на специальности «Филология» (русский язык и литература).

Студенты, получающие данное образование, считаются специально подготовленными, их речь показательна.

В опросе принимали участие 13 девушек и 3 парня. Анкетируемые были 3 –х национальностей: русские, татары, украинцы.

Цель эксперимента – выяснить какие жаргонные слова, выражения распространены среди современной молодежи; узнать, считают ли они, что нужно бороться с жаргоном и каково их отношение к тому, что в речи молодежи много жаргонных слов.

Таблица 1
Знание слов жаргонного типа

Сленговое выражение	Количество повторений среди респондентов	Доля в общей совокупности, %
1	2	3
Опупеть	9	2,8
Зашибись	9	2,8
Очуметь	9	2,8
Трындец	9	2,8

Надьярова Е. Ш.

Фигня	9	2,8
Отстой	9	2,5
Пипец	8	2,5
Мочить	8	2,5
Хавать	8	2,5
Плющиться	7	2,2
Торчок	7	2,2
Канать	7	2,2
Муруй	7	2,2
Лошара	7	2,2
Лохобоище	7	2,2
Лепи горох	6	1,9
Офигеть	6	1,9
Лопух	6	1,9
Чудичка	6	1,9
Баба	5	1,6
Чувак	5	1,6
Старпер	5	1,6
Мутные замуты	5	1,6
Покемон	5	1,6
Капец	5	1,6
Пингвин	5	1,6
Бухать	5	1,6
Канать	5	1,6
Мура	5	1,6
Гонишь	4	1,3
Тупишь	4	1,3
Туса	4	1,3
Харе	4	1,3
Шняга	4	1,3
Ёлки-палки	4	1,3
Бычишь	4	1,3
Причерепашила	4	1,3
Петух	4	1,3
Спиваюсь	4	1,3
Хавка	3	0,9

Распространение сленговых выражений...

Табун	3	0,9
Святые сосиски	3	0,9
Стремно	3	0,9
Махач	2	0,6
Понты	2	0,6
Баклан	2	0,6
Бред	2	0,6
Выкурил	1	0,3
Ширшать	1	0,3
Типо	1	0,3
Супер	1	0,3
Врубил	1	0,3
Очуметь	1	0,3
Ёпсиль-мопсиль	1	0,3

В результате проведенного нами социолингвopsихологического эксперимента (табл. 1) можно обобщить и описать следующим образом:

Наиболее распространенными жаргонными словами среди современной молодежи являются: Опупеть, зашибись, очуметь, трындец, фигня, отстой, пипец, мочить, хавать, плющиться, торчок, канать, муруй, лошара, лохобоище (2,2 - 2,8%).

Более менее употребительные: Баба, чувак, старпер, мутные замуты, покемон, капец, пингвин, бухать, мура, гонишь, тупишь, туса, харе, шняга, елки-палки, бычишь, причерепашила, петух, спиваюсь (1,3 - 1,6%).

И наименее распространенными жаргонными словами являются: Махач, понты, баклан, бред, выкурил, ширшать, типо, супер, врубил, очуметь, епсиль-мопсиль (0,3 - 0,6%).

Таблица 2
Наиболее употребительные жаргоны в речи

Сленговое выражение	Количество повторений среди респондентов	Доля в общей совокупности, %
Капец	5	1,6
Нафиг	4	1,3
Бухло	4	1,3
Пипец	4	1,3
Пофиг	4	1,3
Шняга	3	0,9
Мура	3	0,9
Очуметь	2	0,6
Круто	2	0,6

Прикольню	2	0,6
Супер	2	0,6
Потасовка в тамбуре	2	0,6
Двигать идеи	2	0,6
Ду хаст	1	0,3
Просечь	1	0,3
Накатывать	1	0,3
Махач	1	0,3
Я в шоке	1	0,3
Звезда в шоке	1	0,3
Мать моя женщина	1	0,3
Типо	1	0,3
Фигня	1	0,3
Бред	1	0,3
Хавка	1	0,3
Причерепашила	1	0,3
Мудохаться	1	0,3
Петух	1	0,3
Слипаюсь	1	0,3
Беспонтовый	1	0,3
Замутить	1	0,3
Опупеть	1	0,3
Отстой	1	0,3
Накатать	1	0,3

Наиболее используемые слова (табл. 2) касаются совершенно разных сторон жизни, поэтому можем выделить различные тематические группы:

1) Развитие компьютерных технологий. Интернет, его широкие возможности, быстро развивающиеся компьютерные технологии всегда привлекали молодых людей. В связи с этим появляется много новых жаргонизмов.

Например: Несколько геймеров устроили батл компьютерных игр.

2) Современная музыкальная культура. Одно из увлечений молодёжи – музыка. Она является частью жизни молодых людей. Современная музыка – смесь различных культур, музыкальных направлений, результат композиторских экспериментов.

Например: Агата скачала несколько свежаков.

3) Сниженная лексика (криминальная). Некоторым молодым людям кажется, что использование такой лексики в речи делает их «крутыми», авторитетными и возвышает над всеми окружающими. Поэтому ее часто можно услышать от тех молодых людей, которые пытаются быть лидерами в компании, классе.

Например: Несколько гопников сидели во дворе многоэтажного дома и поджидали жертву.

Распространение сленговых выражений...

4) Игры, видео, мультфильмы. Очень много жаргонных слов приходит в речь молодёжи из компьютерных игр, но чаще всего эти слова специфичны в использовании, ими пользуются, в основном, молодые люди, для которых игры – хобби. Многие слова – заимствования с английского языка (Дота - название популярной карты «DotA» («Defense of the Ancients») для игры).

5) Хобби и увлечения молодых людей

У молодых людей есть различные увлечения, которым они посвящают своё свободное время. И мир жаргонизмов, связанных с тем или иным увлечением, ярок и своеобразен.

Исходя из проведенного нами опроса студенческие жаргонизмы можно условно выделить две основные категории.

Первая категория – это универсальный, традиционный студенческий жаргон, который передаётся из поколения в поколение. Примеры универсального жаргона: абитура, абита – абитуриенты; бомба, шпора, крокодил, гармошка – названия шпаргалок; ботан, букварь – заучка; курсач – курсовая работа; завал, хвост – предмет, в связи с которым есть проблемы; общага – общежитие.

Из поколения в поколения также могут передаваться название предметов в университетах.

Вторая категория - новая жаргонная лексика, которая похожа на сленг учащихся гимназии (креатив, реал, позитив). Это, конечно, связано с тем, что многие гимназисты становятся студентами университетов, а также учащиеся и студенты постоянно общаются. Студенческий жаргон во многом "вбирает" в себя жаргон школьников.

На язык студентов влияет и мультикультурная среда: в компаниях эстонцев очень часто слышится русское ну давай!, чао!, причем, при прощании и приветствии. Эти фразы стали уже «словами-паразитами»].2].

Главная черта молодёжного сленга – постоянная эмоциональность, экспрессивность, оценочность и образность речи молодых людей. Вместе с речью развивается и постоянно обновляется молодёжный жаргон. Это способствует общей динамике русского литературного языка.

3. Сниженная лексика в речи молодежи

Был проведен социологический опрос среди иностранной студенческой молодежи возрастом от 22 до 25 лет (табл. 3). В опросе принимали участие студенты таких национальностей как: турки, китайцы, американцы, австралийцы, а также студенты негроидной расы.

Таблица 3
Сленговые и жаргонные выражения, употребляемые иностранцами

Сленговое выражение	Число повторений среди респондентов
Супер	9
Универ	9
Класно	9
Препо	8
Лох	8
Пипец	6
Крутой	5

Приперся	4
Занывать	3
Оттянуться	2
Жрать	2
Телка (девушка)	2
Оттянуться	2
Параша	2
Бич	1
Семки	1
Зона	1

Из проведенного опроса следует, что русские сленгизмы, знакомые иностранным студентам охватывают самые разнообразные, а также самые актуальные сферы жизни. Начиная словами, выражающих неприязненное отношение к человеку, ситуации, заканчивая словами, которые входят в арго, т.е. определенные группы лиц, где могут использоваться те или иные слова.

Считаем нужным отметить, что некоторые из опрашиваемых студентов, приехали в город всего несколько месяцев назад, но уже успели ознакомиться с бытующими сленгизмами и что немало важно, данные слова не только стали известны иностранным гостям, но они также находят применение им в своей речи.

Параллельно с опросом, который был произведен с иностранными студентами для выявления роли сленговой лексики были опрошены студенты гуманитарных специальностей нескольких ВУЗов города.

Нами было опрошено 70 респондентов, которым поставлены следующие вопросы:

1. Употребляете ли Вы в своей речи жаргонные слова?
2. Если да, то, что именно вызывает их употребление?

Результаты опроса были следующими:

1. Из семидесяти опрашиваемых довольно часто в своей речи употребляют жаргонные слова 30%, иногда- 60%, никогда - 10%. Следовательно, подавляющая часть респондентов принимает жаргонные слова и выражения только иногда.

2. Как отметили респонденты, употребление жаргонных слов вызывают следующие факторы:

- влияние окружения и друзей - 42,5% опрашиваемых;
- привычка - 60% респондентов;
- стремление не выделяться среди других - 75%;
- недостаточным свой литературный словарный запас - 20% опрашиваемых;
- желание быть современным - 57,5% опрошенных.

Выводы

Русский молодежный сленг представляет собой интереснейший лингвистический феномен, бытование которого ограничено не только определенными возрастными рамками, как это ясно из самой его номинации, но и социальными, временными пространственными рамками. Он бытует в среде городской учащейся молодежи и отдельных более или менее замкнутых референтных группах.

Итак, предметом исследования служил молодежный сленг как языковое и общественное явление. Цель заключалась в том, чтобы исследовать такое явление

языка, как «молодежный сленг и жаргон», показать, как в них отражаются общественные проблемы, а также доказать независимость «молодежного языка» (и в том числе жаргона) от жизни общества, даже от особенностей молодежного коллектива.

Молодежный сленг всегда был и будет объектом изучения. В ходе проведения работы было выяснено, что сленг не считается нормой, слова нежелательны к употреблению в литературном языке, однако именно с помощью сленга можно наиболее полно и свободно выразить свои чувства и эмоции.

Список литературы

1. Береговская Э. М. Молодежный сленг: формирование и функционирование / Э.М. Береговская // Вопросы языкознания. – М.: 1996. - №3. - С. 32-41
 2. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. Учебное пособие для студентов вузов. - М.: Логос, 2001. – 304 с.
 3. Виноградов В.В. О художественной прозе. - М.: Наука, 1930. - С.82.
 4. Виноградов; В.В. Толковые словари русского языка / В.В.Виноградов// Лексикология и лексикография. - М.: Наука, 1977. – С. 210-215
- Интернет ресурс. Большой Энциклопедический Словарь (БЭС). [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.slovopedia.com/2/198/225266.html>
- Химик В. В. Язык современной молодежи // Современная русская речь: состояние и функционирование. - СПб.: 2004 - С. 13
- Юганов И., Юганова Ф. Словарь русского сленга: сленговые слова 60-х-90-х годов. - М., 1997.

Надьярова О. Ш. Поширення сленгових виразів у молодіжному полілінгвокультурному середовищі // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 27 (66). № 2. – С.64-74

У статті вивчено місце і значення сленгових виразів в системі мови . Встановлено співвідношення між термінами «жаргон» і «сленг». Визначено місце жаргонної лексики в сучасній мові, встановлено залежність мовних процесів від суспільних. Досліджено поняття «мовної особистості» і його місце в аксіологічній системі особистості. Вивчено специфіку використання молодіжного сленгу у студентській аудиторії. Зібраний емпіричний матеріал в мовленні студентської молоді в Таврійському Національному Університеті ім. В.І. Вернадського. Проведено дослідження знання іноземними студентами російських жаргонних і сленгових виразів, порівняння частоти вживання деяких жаргонізмів в різних молодіжних колективах. Виявлено основні джерела появи сленгових виразів в молодіжному середовищі. Зроблено висновок про ставлення в суспільстві до сленгу.

Ключові слова: *знижена лексика, сленг, жаргон, молодь.*

Nadyarova E. Sh. Distribution of slang expression among youth // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 2. – P.64-74

The place and the importance of slang expressions in the language system has been studied in the article. Relationship between the terms "jargon" and "slang" was established. Place slang vocabulary in modern language was determined, the dependence of linguistic

processes of the public has been determined. The concept of "language person" and its place in the axiological personality system was investigated. The specific use of youth slang in the student audience was studied. Empirical data from the speech of students in the Taurida National V. I. Vernadsky University was collected. Research of foreign students knowledge of Russian slang and slang expressions, comparing of the frequency of use of certain jargon in different youth teams was held. Main sources of the appearance slang among the youth were identified. Conclusion about the attitude of society towards slang was made/

Keywords: *reduced vocabulary, slang, jargon, youth.*

Поступила в редакцию 25.08.2014 г.

УДК 811.161.1'373.211(476.5)

**Хортенсионим как вид топонима:
статус, особенности функционирования**

Мезенко А. М.

*Витебский государственный университет им. П. М. Машерова,
г. Витебск, Республика Беларусь
mezenka1@yandex.by*

В статье вводится термин хортенсионим, под которым понимается собственное имя любого линейного и территориального топографического объекта в пределах садоводческого товарищества; путем выявления сходств и отличий между хортенсионимами и урбанонимами, с одной стороны, и хортенсионимами и виконимами – с другой, определяется статус и важнейшие приметы хортенсионимов как особого вида топонимов, определяются особенности их функционирования; подчеркивается, что семантика хортенсионима представляет собой сложный комплекс, значительно чаще, чем в урбанонимии и виконимии, включающий эмотивные коннотации.

Ключевые слова: *виконим; географический апеллятив; искусственная номинация; ономастическое пространство; принцип номинации; топоним; урбаноним; хортенсионим; эмотивные созначения.*

Постановка проблемы. Магистральным направлением развития ономастической науки сегодня является освоение неразработанных областей ономастического пространства, в частности хортенсионимии.

В качестве объекта исследования в статье избран вид топонима, служащий для номинации линейных объектов в садовых товариществах (далее СТ). Под *хортенсионимом* (от лат. *hortensius* ‘садоводческий’) понимаем собственное имя любого топографического объекта в пределах садоводческого товарищества. Это в основном названия линейных объектов – улиц, проездов, переулков, тупиков. Материалом послужили данные Национального правового Интернет-портала Республики Беларусь [3].

Исследование этой системы названий важно прежде всего для изучения внутригородских процессов, поскольку хортенсионимы могут преобразовываться в урбанонимы, а также для типологических сопоставлений.

Актуальность работы обусловлена и тем, что данный разряд топонимов пока не подвергался детальному рассмотрению.

До недавнего времени система онимных единиц, используемых для называния топографических объектов в пределах поселения, включала два подвида: *урбанонимы* – для номинации внутригородских объектов и *виконимы* – для номинации внутрисельских объектов. Однако появление названий улиц, расположенных в СТ, потребовало уложить в систему разнообразный языковой материал, относящийся к хортенсионимии.

Цель данного исследования – путем выявления сходств и отличий между хортенсионимами и урбанонимами, с одной стороны, и хортенсионимами и

виконимыми – с другой, определить статус и важнейшие приметы хортенсионимов как особого вида топонимов, проанализировать особенности их функционирования.

Научные результаты. Говоря о сходствах, в первую очередь следует отметить, что как в урбанонимии, виконимии, так и в хортенсионимии вследствие одинаковой причины их возникновения – служить адресом – действуют одни и те же четыре принципа номинации. Однако в каждой из названных систем доля участия их различна. Так, если в урбанонимии ведущими выступают принцип номинации внутригородского объекта по отношению к другим объектам (например, *Школьная ул.*) и принцип номинации по отношению к человеку как социосубъекту (*пер. Янки Купалы*); в виконимии – принцип номинации по свойствам и качествам самого внутрисельского объекта (*Зелёная ул.*) и принцип номинации по отношению к другим объектам (*Могилёвская ул.* в дер. Антоновка Оршанского района), то в хортенсионимии безраздельно господствует принцип номинации по свойствам и качествам самого объекта (*Ломаный пер., Гладкий проезд, Красивая ул.*). Кроме того, в последней из них начинает складываться еще один принцип номинации, состоящий в тематическом соответствии названий линейных объектов названиям СТ, в которых они размещены (сравним: *ул. Паровозная, ул. Тепловозная, ул. Электровозная* в СТ «Локомотив»; *ул. Трансформаторная, Трансформаторный проезд* в СТ «Энергетик»; *Пилотная ул., 1-я Пилотная ул., Пилотный проезд, 1-й – 4-й Пилотный проезд* в СТ «Аэрофлот» в г. Витебске; *1-я – 3-я Ветеранская ул., 1-й – 3-й Ветеранский проезд* в СТ «Ветеран» в г. Витебске и т.д.).

Это лишь первое отличие хортенсионимии от урбанонимии и виконимии в ряду следующих, затрагивающих как структурные, так и семантические и грамматические особенности единиц данного вида топонимов.

Нельзя не обратить внимания на яркую структурную черту хортенсионимии: из всего существующего в урбанонимии разнообразия структурных типов – четырех простых и девяти сложных – в ней активно используются только два: из простых – атрибутивный, из сложных – нумеративно-атрибутивный. На долю первого из них приходится 27,9% от общего числа зафиксированных хортенсионимов (*Земляничная ул., Сиреневая ул., Хрустальный проезд* и т.п.), на долю второго – 71,7% наименований (*1-й Агрономический проезд, 2-й Агрономический проезд, 3-й Агрономический проезд, 4-й Агрономический проезд, 5-й Агрономический проезд* – СТ «Мичуринец» и т.п.), иными словами, данные типы соотносятся как 1 к 2,5. Это значит, что каждый второй (даже каждый полуторный) линейный объект в СТ включает в свой состав порядковое числительное. Отдельные «кусты» названий состоят из полутора десятков единиц, например: *1-й Раздольный проезд, 2-й Раздольный проезд ...* и так до *15-й Раздольный проезд* (СТ «Автомобилист» в г. Витебске). Хорошо это или плохо? Дискуссии по данному вопросу относительно внутригородских названий, имевшие место в 80-90-х гг. прошлого века, к единой точке зрения не свелись. Одним нравился «ансамблевый принцип» размещения названий, позволяющий быстрее ориентироваться прежде всего в большом городе, другим претила определенная тиражированность и застандартизованность таких урбанонимов, в особенности включающих в свой состав фамилию человека типа *1-я ул. Фрунзе, 2-я ул. Фрунзе* и подобн. [1]. Интернет-форум по вопросу наименования улиц и проездов в СТ, проводившийся в 2010 г., показал, что членов садоводческих товариществ больше устраивает именно такой принцип номинации линейных объектов. Один из участников форума (дата регистрации 27.05.2010 г.) писал: «Всякие там "земляничные" улицы, популярные в советских СНТ, не дадут возможности интуитивно понять, где расположена такая улица. Цифровая система, хотя и сухая, более однозначна и удобна для использования» [2].

Что же касается остальных структурных типов, то из девяти оставшихся единичны примеры использования еще двух – простого номинативного (*ул. Купалинка* – СТ

«Вишенка» в г. Полоцке) и нумеративно-генитивного (2-я улица Мичурина – СТ «Садовод» в г. Полоцке). Простые генитивный и нумеративный типы, в отличие от урбанонимии и виконии, в хортенсионимии вообще не задействованы.

Еще одно структурное отличие хортенсионимов, сближающее данные топонимные единицы с виконимами, заключается в узости набора используемых географических апеллятивов – *улица, переулок, проезд, тупик* (для сравнения в урбанонимии 15, в виконимии только 2).

К общему качеству, отличающему эти наименования от урбанонимов и виконимов, следует отнести и особенно активное использование лексики с эмотивным компонентом семантики.

Изучение проблем эмотивности является одной из ведущих задач антропоцентрической лингвистики. Как правило, под эмотивностью понимают один из элементов коннотации, способствующий отражению в языковой единице психического состояния человека, его эмоций, чувств, переживаний. Эмоции, как известно, общечеловеческая универсалия. В языке они манифестируются разнообразными лингвистическими средствами. В системе топонимии их отражение специфично. Коннотативные эмотивные смыслы существуют для отражения эмоционального отношения номинатора к объектам номинации. Названия, содержащие эти смыслы, кроме номинативной (обозначают объект – источник эмоций), выполняют и экспрессивную (выражают эмоционально-оценочное отношение к нему говорящего) функцию.

Исходные базовые эмоции, варьируемые в полюсах одобрения / неодобрения, предельно ограничивают набор выражаемых чувств. Эмоциональное отношение, выражаемое к обозначаемому линейному объекту в пределах не города, села, а садоводческого товарищества, как правило, связывающегося в сознании владельца участка с отдыхом, приятным времяпровождением, соотносится в первую очередь с чувствами-отношениями типа «восхищение», «восторг».

Именно этим объясняется наличие в хортенсионимии большого числа названий, имеющих исключительно положительные эмотивные созначения:

- ‘доставляющая приятное ощущение, радость, ласкающая, исполненная взаимного соответствия предметов, явлений, частей целого, качества, сулящая счастье’: *Красивая ул., Радостная ул., 1-я Радостная ул., Радостный пер., 1-й – 7-й Радостный пер., Радостный проезд, 1-й Радостный проезд, Ласковый проезд, 1-й Ласковый проезд – 5-й Ласковый проезд; Гармоничная ул., 1-я Гармоничная ул., 2-я Гармоничная ул., Гармоничный пер., Гармоничный проезд, 1-й – 6-й Гармоничный проезд, Лиричная ул., 1-я – 4-я Лиричная ул., Лиричный проезд, 1-й – 2-й Лиричный проезд, Логичная ул., 1-я – 2-я Логичная ул., Логичный проезд, 1-й – 2-й Логичный проезд, Весенняя ул., Весенний тупик, Летняя ул., 1-я – 2-я Летняя ул., Летний тупик, Нектарная ул., 1-я – 2-я Нектарная ул., Нектарный пер., Нектарный проезд, Нектарный тупик;*

- ‘исполненная доброты, задушевности, доброжелательности’: *Приветливая ул., 1-я Приветливая ул., 2-я Приветливая ул., Приветливый пер., Приветливый проезд, 1-й – 8-й Приветливый проезд, Великодушная ул., 1-я – 5-я Великодушная ул., Великодушный проезд;*

- ‘сверкающая, украшенная, праздничная’: *Блискучая ул., 1-я Блискучая ул., Блискучий пер., Блискучий проезд, 1-й – 4-й проезд, 1-я Солнечная ул., 2-я Солнечная ул., Хрустальная ул., 1-я Хрустальная ул., Хрустальный пер., 1-й – 6-й Хрустальный пер., Хрустальный проезд, 1-й – 2-й Хрустальный проезд, Узорная ул., 1-я Узорная ул., Узорный пер., 1-й – 5-й Узорный пер., Узорный проезд;*

- ‘выражающая деятельную силу, активность’: *Активная ул., 1-я – 8-я Активная ул., Активный пер., 1-й – 4-й Активный пер., Активный проезд, 1-й – 4-й*

Активный проезд, Бурная ул., 1-я – 2-я Бурная ул., Бурный пер., 1-й – 3-й Бурный проезд, Энергичная ул., Энергичный проезд, 1-й – 8-й Энергичный проезд.

• ‘свободная, просторная, привольная’: *Раздольная ул., 1-я – 3-я Раздольная ул., Раздольный пер., 1-й – 7-й Раздольный пер., Раздольный проезд, 1-й – 14-й Раздольный проезд;*

• ‘спокойная, размеренная, налаженная, такая, в которой приятно находиться’: *Спокойная ул., 2-я Спокойная ул., Спокойный пер., 1-й – 5-й Спокойный пер., Спокойный проезд, 1-й – 5-й Спокойный проезд, Прохладная ул., Ритмичный проезд, 1-й – 7-й Ритмичный проезд, Тенистая ул., Уютная ул., ул. Купалинка.*

Анализ грамматических особенностей хортенсионимов показал, что 99,6% (411 единиц) из них представлено прилагательными и лишь 0,4% – существительными в именительном и родительном падежах, что хорошо согласуется с древней белорусской атрибутивной моделью наименований линейных и территориальных объектов. 71,7 % (296 единиц) включает в свой состав порядковые числительные, формирующие нумеративно-атрибутивную модель, начало возникновения которой относят ко второй половине XIX в. В настоящее время доля таких наименований в урбанонимии постепенно снижается, чего нельзя сказать о хортенсионимии. Абсолютно непопулярна она в современной виконимии, где по ней образуется лишь 1,1% названий внутрисельских линейных объектов.

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Таким образом, названия, присвоенные элементам улично-дорожной сети садоводческих товариществ на основании статьи 11 Закона Республики Беларусь от 16 ноября 2010 г. «О наименовании географических объектов», стали основой для формирования нового раздела топонимии – хортенсионимии. Используя имеющиеся в ономастике подходы к выявлению места данных онимных единиц в современной ономастической системе, считаем, что хортенсионимы – это вид топонимов, используемых наравне с урбанонимами и виконимами для номинации объектов, находящихся внутри поселений, в данном случае СТ.

При этом, имея специфический объект номинации (линейные объекты внутри СТ), хортенсионимы обладают своими особенными чертами, выделяющими их среди других топонимов, называющих объекты внутри поселений – городов, городских поселков, деревень. Они – яркий пример искусственной номинации, предполагающей целенаправленное присвоение названия объекту и введение последнего в общественный лексикон.

В структурном отношении хортенсионимы характеризуются господством атрибутивного и нумеративно-атрибутивного типов, иными словами, представляют собой поликомпонентные образования, включающие пока один из четырех номенклатурных терминов – улица, переулок, проезд, тупик – и проприальную часть, состоящую из прилагательного или порядкового числительного и прилагательного.

Семантика хортенсионима представляет собой сложный комплекс, значительно чаще, чем в урбанонимии и виконимии, включающий эмотивные коннотации. Лидирующим принципом номинации линейных объектов в СТ является принцип номинации по свойствам и качествам самого объекта. Специфика современной хортенсионимии заключается в становлении нового, неизвесного урбанонимии и виконимии, принципа номинации, состоящего в тематическом соответствии названий линейных объектов названиям конкретного СТ.

Список литературы

1. Горбаневский М.В. Основные тенденции развития топонимии Москвы в советский период // Географические названия в Москве : Вопр.географии. Сб. 126. М.: Мысль, 1985. С. 108-125.

Конкурс «Назови улицы СНТ» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.forum.m-veteran.ru/archive/index.php/t-24.html>... (дата обращения : 01.08.2014).

О наименовании элементов улично-дорожной сети в садоводческих товариществах [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=D914v0063758&p1=1>. (дата обращения : 01.08.2014).

Mezenko A. Hortensionym as a kind of toponyms: status, functioning properties // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 2. – P.75-79

The article introduces the term hortensionym which refers to the proper name of any topographic feature within a horticultural society; by identifying similarities and differences between hortensionyms and urbanonyms on one hand and between hortensionyms and vikonyms on the other hand; the article determines the status and the most important features of hortensionyms as a special kind of place names, the features of their functioning; the article stresses that semantics of hortensionyms is an intricate complex which includes emotive connotations much more frequently than in urbanonymia and vikonymia.

Key words: *vikonym; geographical appellative; artificial nomination; onomastic space; the principle of nomination; toponym; urbanonym; hortensionym; emotive connotation.*

Поступила в редакцию 07.09.2014 г.

УДК 811.512.15,373.613

**Взаимодействие и разграничение лексического заимствования
и калькирования (на материале крымскотатарского языка)**

Ресутова Э. И.

*РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет»,
г. Симферополь, Республика Крым*

Данная работа посвящена проблеме взаимоотношения кальки и заимствования, которые являются следствием языкового контакта (на материале крымскотатарского языка лексики общественно – политического содержания). Анализируемые явления имеют ряд как общих, так и отличительных черт.

Ключевые слова: *заимствование, калька, калькирование, полукальки, крымскотатарский язык, русский язык.*

Постановка проблемы. Изучение проблемы калькирования как своеобразного отражения общественно – экономических и языковых контактов между народами является одной из составляющих современной теории языковых контактов. Большинство ученых, занимающихся вопросами языкового взаимодействия, отмечают различие между калькой и собственно заимствованием. Данная работа посвящена проблеме взаимоотношения кальки и заимствования, которые являются следствием языкового контакта (на материале крымскотатарского языка). Отметим, что анализируемые явления имеют ряд как общих, так и отличительных черт.

Объект исследования. Источником фактического материала послужила крымскотатарская лексика общественно – политического содержания (материалы крымскотатарских газет «Достлукъ», «Къырым», «Янъы дюнъя» за 1990 – 1995 годы).

Цель настоящей работы - выявление проблемы взаимодействия и разграничения лексического заимствования и калькирования. В соответствии с поставленной целью решаются следующие **задачи**:

- проблема взаимоотношения калькирования и лексического заимствования как следствия языковых контактов;
- определение общих и отличительных особенностей калькирования и заимствования;
- анализ словообразовательных полукалек в крымскотатарском языке.

В лингвистике до настоящего времени нет однозначного разграничения заимствования и калькирования. Языковеды задаются вопросом: является ли калькирование разновидностью лексического заимствования, а кальки одним из видов заимствованных слов? По этому поводу, Багана Ж. отмечает: «...представляется спорным вопрос отношения калек к заимствованию, получивший различную трактовку в лингвистике» [1, 6]. Майорова В.С. полагает: «До сих пор у лингвистов нет четкого однозначного разграничения заимствования и калькирования. Одни исследователи считают кальки заимствованиями, другие резонно заявляют, что кальки занимают промежуточное положение между исконной и заимствованной лексикой» [8, с. 1]. В свое время известный французский языковед Шарль Балли неодобрительно высказался относительно противопоставления лексического

заимствования и лексического калькирования. Было бы ошибкой слишком четко разграничивать заимствования и кальку, пишет Балли, - они отличаются по форме, но почти не отличаются по происхождению и по своим основным свойствам; «они вызваны к жизни одной и той же причиной и играют одинаковую роль в пополнении словаря» [2, с. 70].

Вслед за Ш. Балли, Р.А. Будагов [1958], С.П. Горский [1959], М.Д. Степанова [1962], В.П. Ковалев [1969], О.С. Ахманова [2005], О.В. Матвеева [2005], С.Е. Васильева [2009] констатируют, что калькирование – особый тип заимствования слов и словосочетаний. В настоящее время существует немало определенных кальки. Большинство из них так или иначе содержат один главный компонент в структуре – наличие перевода. Например, М.Д. Степанова по поводу калек пишет, что лексические заимствования могут быть двух видов: первый вид, когда иноязычные слова заимствуются в той оболочке, в которой они существуют в родном языке; второй вид лексических заимствований отличается тем, что заимствуемое слово переводится на соответствующий язык [13, с. 177].

О.В. Матвеева также разделяет заимствования на непосредственные и посредством перевода - опосредованные заимствования – кальки [10, с. 5]. Таким образом, вышеупомянутые лингвисты разделяют следующую позицию: кальки – лексические заимствования, которые являются результатом перевода.

Выражая свое несогласие с таким видением природы происхождения калек, не менее известный советский лингвист, в статье «Лексические и фразеологические кальки в русском языке», Н. М. Шанский последовательно противопоставляет кальки заимствованной лексике. Он считает, что последние, являясь передачей чужого слова с его структурой, не могут быть заимствованными в прямом смысле этого слова. Передавая строение иноязычного слова, и, следовательно, будучи обязанными появлению в русском языке «чужого» слова, «словообразовательные кальки все же представляют собой новые лексемы русского языка, неизвестные в данном конкретном виде в других языках» [16, с. 33]. Автор склонен считать словообразовательные кальки переводом иноязычных слов.

Придерживаясь точки зрения Н.М. Шанского, Л. П. Ефремов [1974] и еще ряд лингвистов (Н.С. Арапова [1990], Н.В. Максимов [1991], С.А. Руткевич [1991], В.С. Майорова [2013], и др.), выступают отрицательно к отнесению кальки к заимствованиям, так как она возникает в результате перевода и как следствие перевода. С.А. Руткевич пишет: «Подобное сближение двух разных явлений совершенно не допустимо, и только вносит терминологическую путаницу». В отличие от калькирования, объясняет исследователь, заимствование не мотивированно по отношению к объекту и ведет к появлению общей для контактирующих языков лексики [12, с. 11 -12]. Л.П. Ефремов в монографии «Основы теории лексического калькирования» отмечает, что «лексическое калькирование – один из путей пополнения словаря в ходе языковых контактов, оно базируется на использовании иноязычной лексики в качестве объекта перевода, следовательно, исключает ее заимствование» [4, с. 21]. Он полагает, что в основе калькирования лежит признание наличия мотивированности калькируемого объекта. Обязательным условием калькирования, считает автор, является перевод словообразовательной основы калькируемого объекта, то есть иноязычного слова, от которого был образован объект калькирования. Перевод, согласно его рассуждениям, уже не есть заимствование [4, с. 50].

В крымскотатарском языке проблема калькирования мало подвергалась анализу. В 1986 году была опубликована статья Меметова А.М. «Русские кальки в крымскотатарском языке», в которой подробно описывается процесс образования калек, автор классифицирует кальки, разделяя их по способу образования на группы и подгруппы. Ученый дает следующее понятие калькированию: «это наиболее сложный способ усвоения слов и словосочетаний из других языков посредством перевода их средствами заимствующего языка» [11, с. 13]. Автором отмечается, что

кальки - лексические заимствования, которые образовались в крымскотатарском языке путем перевода. Подобной точки зрения придерживается Сейдаметова Н.С. в статье «Кърымтатар тильнинъ лексик теркибини калька япув усулыннен инкишаф этильмеси» [2011].

Эмирова А.М. в учебном пособии для студентов - филологов «Основы крымскотатарской фразеологии» в статье «Калькирование» дает следующее определение калькированию: «...калькирование – буквальный перевод иноязычных фразеологизмов средствами крымскотатарского языка» [17, с. 69]. Проф. Эмирова А.М., определяет процесс калькирования как средство перевода в крымскотатарском языке и не отождествляет его с заимствованием из русского языка. Поддерживая позицию проф. Эмировой А.М. в подобном понимании калькирования, мы полагаем, что калькирование в крымскотатарском языке не может быть одновременно и переводом, и заимствованием. Перевод слова и заимствование не составляют тождественного понятия одного явления. Перевод не может быть способом лексического заимствования, так же как заимствование - способом перевода. Переводя слово, мы воспроизводим его семантику, но не используем его в качестве прототипа для оформления заимствованного слова, потому что не опираемся на план выражения (звучания) данного иноязычия. Это имеет место и тогда, когда перевод осуществляется при помощи соответствующей лексики в двух контактирующих языках, и тогда, когда в процессе перевода образуются новые слова, которых не было в языке – реципиенте, а также переосмысливаются уже имеющиеся в языке лексемы (семантические кальки). Например, калькируя из русского языка слова *гласность, гражданские права, договор, кандидат в депутаты, малообеспеченные семьи, обеспечение, повестка дня, сельский совет* в крымскотатарском языке создаются путем перевода следующие неологизмы: *ашкярлыкъ, гражданлыкъ укьукълары, анълашув, депутатлыккъкъа намзат, аз теминленген къоранталар, теминат, кунь тертиби, кой шурасы*.

Итак, калькирование в крымскотатарском языке само создает средства перевода (оформление новых слов, переосмысление старых), основанного на мотивированности иноязычного слова. Мотивированность объекта перевода принимается в качестве образца для словообразования, в котором находит выражение перевод (калька).

Отметим различия между заимствованием и калькированием в крымскотатарском языке:

1. При заимствовании в языковую структуру проникает чужеродный элемент, который подвергается в ней ассимиляции. При калькировании никаких вторжений не происходит. Новые слова образуются путем перевода средствами родного языка.

2. Калькирование – мотивирующий способ создания слов, а процесс заимствования не связан с мотивированностью.

3. Заимствование может иметь место при кратковременных контактах и даже при отсутствии непосредственной связи носителей языков. Калькирование возможно лишь при длительных непосредственных контактах носителей двух языков (крымскотатарского и русского).

4. Калькирование предполагает знания двух языков на хорошем уровне. При заимствовании знание другого языка на таком же уровне не обязательно. Заимствоваться могут отдельные материальные элементы в составе языковой структуры.

При этом, противопоставляя калькирование лексическому заимствованию, нельзя полностью отрывать их друг от друга, не отметив того, что есть общего между ними. Объединяющими их факторами являются:

1. Ситуация соприкосновения двух языковых систем.
2. Сходные мотивы образования.

3. Иноязычная языковая единица как исходный материал.

Исходя из проблемы взаимодействия лексического заимствования и калькирования, следует, на наш взгляд, рассмотреть вопрос неполных калек - своего рода частичных заимствований в языке – реципиенте. Они образуются тогда, когда невозможно заменить одну из его частей эквивалентом в калькирующем языке. Максимов Н.В. пишет: «За основу классификации построения полукалек берется принцип конструирования кальки из собственного и заимствованного материала» [9, с. 12]. Например, Гарипова А.А., анализируя фразеологические полукальки в татарском языке, калькированные с русского, где один из компонентов является заимствованным, подразделяет их на субстантивные и глагольные. В свою очередь, субстантивные полукальки делятся на модели А+N (им.прил.+им.сущ.) и N+N (имя сущ. + имя сущ.): *музыкаль агым - музыкальное течение, политик артталык - политическая отсталость, кон кадагы - гвоздь дня, мактау тактасы - доска почета*, глагольные полукальки строятся по модели N+V (им.сущ.+глагол): *пластишканы алмаштыру - сменить пластинку, карталарны ачу - раскрывать карты, талантны щиргэ куму - зарыть талант в землю* и др. [5, с. 14-15]. Таукенова А.М. рассматривая фразеологизмы как новые слова в русском языке, заимствованных из английского и французского и через русский вошедшие в казахский язык, отмечает: «...из всех заимствованных фразеологических средств самыми многочисленными в современном русском языке являются фразеологические полукальки» [15, с. 8], состоящие из собственного и заимствованного материала и обозначающие наименование лица (по профессии, роду деятельности, занимаемой должности), финансовые наименования, наименования различных видов деятельности, наименования понятий из области образования. Фразеологические полукальки рассматривались также в работах Максимова Н.В. [1991], Гарифулиной Л.А. [2008], Васильевой С.В. [2009], Плоткиной И.В., и других лингвистов, где полукальками называются такие фразеологические единицы, в которых один из элементов заимствуется в оригинальном виде, а второй переводится на родной язык.

Проф. Эмирова А.М., например, считает: «Гораздо чаще в языке СМИ используются фразеологические полукальки – «гибридные» устойчивые словосочетания, составленные из русских и крымскотатарских элементов» [17, с. 71-72]. Далее проф. Эмирова А.М. приводит примеры фразеологических полукалек из газет на крымскотатарском языке: *ерлештирюв программасы – программа обустройства, Украина Халкъ Руху – Народный Рух Украины, без террор – белый – террор* и т.д.

Таким образом, понятие значения фразеологической полукальки не вызывает дискуссий среди ученых и понимается ими однозначно: один компонент - основа слова - заимствована, а вторая основа – калькирована; само построение фразеологической полукальки происходит по законам калькирующего языка. Этого нельзя сказать о словообразовательных полукальках, компоненты которых заимствованы и калькированы из русского языка. В данном вопросе мнение лингвистов разделилось. Одна часть языковедов (Мухиярова Р.Х. [1999], Гарифуллина Л.А. [2008], Васильева С.В. [2009], Солтаханов И.Э. [2009]) к словообразовательным полукалькам помимо сложных слов относят слова, которые имеют одну основу. Гарифуллина Л.А. считает: «Полукальки с одним корнем представляют лексемы, в которых заимствованной частью является основная, корневая, а переводной – суффиксальная». Автор приводит примеры полукалек из татарского языка: *арендатор-арендатчы, курортник-курортчы, коридорный -коридорчы, бронирование - броньлау, комфортный – комфортны* [6, с. 24]. Васильева С.В., анализируя кальки в марийском языке, расценивает такие слова, как *коммунальный услуга – коммунальная услуга, газ трасса – газовая трасса, администраций – администрация, культура учреждений – культурное учреждение, населенийын реальный доходшо – реальный доход населения* и др. [3, с. 8] терминами

– полукальками, оформленными по грамматическим правилам марийского языка. В то же время, рассматривая фразеологические полукальки, Васильева С.В. отмечает, что элементы фразеологических полукалек заимствованы и калькированы из русского языка и подтверждает свою точку зрения примерами: *Аршинным nelaиш – проглотить аршин, буксирьши налаиш – брать кого-либо на буксир, йылмым воляшке колташ – распускать язык, позволять себе говорить много лишнего, пуд шинчалым кочкаш – пуд соли съесть (с кем-либо)* [3, с. 9]. Таким образом, Васильева С.В. считает полукальками устойчивые словосочетания номинативного характера, состоящие из заимствованных основ и оформленных по грамматическим законам марийского языка. Подобное видение полукальки с однокорневой основой вышеотмеченными авторами, как мы полагаем, основывается на применении концепции поморфемного перевода в словообразовательном калькировании. Согласно ей, «калькирование есть поморфемный перевод слова или пословный перевод иноязычного образца, являющийся особым видом заимствования» [7, с. 78].

Меметов А.М. (крымскотатарский язык) такие лексемы, как *колхозджы – колхозник, автомобильджы – автомобилист, радиолаштырув – радиофикация, коллективлештирюв – коллективизация, планлаштырмакъ – планировать*, относит к полукалькам с русских производных однокорневых слов. По его мнению, при калькировании простого производного русского слова на крымскотатарский язык часть его морфем может быть воспроизведена средствами последнего, а другая часть – заимствованная из русского языка (полукалька). В полукальках с одним корнем в составе, пишет ученый, заимствованная часть – основная, корневая, а переведенная аффиксальная. Автор отмечает: «часть морфем может быть воспроизведена средствами последнего» то есть крымскотатарским языком и «аффиксальная часть переводится на крымскотатарский язык» [11, с. 15]. Таким образом, Меметов А.М. вышеперечисленными примерами доказывает, что при калькировании аффиксальная часть воспроизводится соответствующими аффиксами в крымскотатарском языке. Являясь сторонником поморфемного перевода, он при этом данные лексемы включает в категорию полукалек в крымскотатарском языке.

Сейдаметова Н.С. подобным образом трактует полукальки в крымскотатарском языке: *спортчы – спортсмен, кларнетчи – кларнетист, курсдаш – однокурсник, газлаштырмакъ – газифицировать* [14.41].

Отметим, что другая часть ученых (Гарипова А.А., Ефремов Л.П., Максимов Н.В., Мулина Р., Плоткина И.В., Таукенова А.М., Чайковская О.М., Чарыяров Ы.Б.) полагает, что к словообразовательным полукалькам относятся только сложные слова, где один из компонентов заимствуется, а другой переводится. Русские заимствования при передаче их на калькирующий язык подчиняются грамматическим законам воспринимающего языка, то есть принимают аффиксы калькирующего языка. Например, к полукалькам в татарском языке Максимов Н.В. относит: 1. Сложные кальки, членимые на определительные морфемы иноязычного происхождения и цельнооформленные татарские слова (*инфракызыл – инфракрасный, агитмэйдан – агитплошадка* и др.); 2. Сложные кальки, членимые на татарский словоэлемент, и цельнооформляемое русское (интернациональное) слово (*ярымфинал – полуфинал, узанализ – самоанализ, омумтеоретик – общетеоретический, колхозара – межколхозный* и др.) [9, с. 12-13]. Анализируя кальки в туркменском языке, Чарыяров Ы.Б. лингвистические единицы типа *коллективизация – коллективлешидирмек* относит к заимствованной лексике, объясняя это тем, что основа слова заимствована из русского языка, а не калькирована родным языком [18, с. 14]. Позиция Меметова А.М. другая: автор данное слово (*коллективизация – коллективлештирюв*) относит к полукалькам в крымскотатарском языке.

Отметим, что в языке крымскотатарских СМИ 90-х годов используется большое количество полукалек - фразеологизмов, выделяющих различные социальные реалии, проекты, программы, международные организации, органы власти и т.д. Например, *ички ишлер министри – министр внутренних дел, комиссиянынъ реиси – председатель комиссии, Къырым Джумхуриети Миистрлер Советы – Крымский Государственный Совет Министров, Оджаларнынъ ихтисасыны юксельтюв институты – институт повышения квалификации учителей, Сюрдюю олунгъан халкъларнынъ ишлери боюрджа комитети – комитет по делам депортированных народов, Украина Юкъяры Советы – Верховный Совет Украины, укъукъ къоруйыджы органлар – правоохранительные органы и т.д.*

Мы полагаем, что в крымскотатарском языке к словообразовательным полукалкам относятся только сложные слова, состоящие из заимствованной и собственной лексики, которых не так много в ОПЛ того периода: *геосиясет – геополитика, иджраком – исполком, ярымфинал – полуфинал* и др. Таким образом, мы не являемся сторонниками концепции поморфемного перевода, что объясняется не совпадением структуры полукалек в крымскотатарском языке (в большинстве случаев) со структурой калькируемого объекта.

Выводы. 1. В крымскотатарском языке, на наш взгляд, условием калькирования является перевод словообразующей основы калькируемого объекта, то есть того иноязычного слова, от которого была образована калька (это и есть выбор производящей основы для создания словообразовательной кальки). Перенимая словообразующую основу иноязычного слова, калькирующий язык не занимается специально переводом аффиксальной части калькируемого объекта, а образует слово от выбранной производящей основы в соответствии с ее сочетаемостью с деривационными аффиксами (или другими средствами) родного языка.

2. Словообразовательное калькирование и лексическое заимствование – смежные явления. При сопоставлении общего и различий калек и заимствований прослеживается разница между ними. Кальки имеют много общего с заимствованиями, но то, как происходит их образование и каким языковым последствиям это приводит, позволяет считать кальки и заимствования разными явлениями. Кальки – это следствие процесса интерференции в лексике, несущей за собой изменения в структуре и элементах структуры одного языка под влиянием другого.

Список литературы

1. Багана Ж. Калька и заимствование как результат иноязычного влияния / Ж. Багана, А.Н. Безрукая, М.В. Тарасова // Вестник РУДН сер. Лингвистика 2007. №1 (9). С 5 – 10.
2. Балли Ш. Французская стилистика : [монография] / Балли Ш. – М. Из – во иностр. Литературы, 1961. – 394с.
3. Васильева С.В. Калькированные и заимствованные лексемы в марийской лексикографии (сопоставительно - типологический аспект) : автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.20. «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» / С.В. Васильева. – Чебоксары, 2009. – 19с.
4. Ефремов Л.П. Основы теории лексического калькирования : [монография] / Л.П. Ефремов. - Алма – Ата.: Изд – во КазГУ, 1974. – 190 с.
5. Гарипова А.А. Системно-функциональный анализ фразеологических единиц, калькированных с русского языка на татарский : автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.20. «Сравнительно – историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» / А.А. Гарипова. – Казань, 2011. – 20с.

6. Гарифуллина Л.А. Лексика индустрии гостеприимства в татарском языке в сопоставлении с английским языком : автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.02. «Языки народов Российской Федерации (с указанием конкретного языка или языковой семьи)» /Л.А. Гарифуллина. – Казань, 2008. – 30с.
7. Колкер Б.Г. Французские фразеологические кальки в русском языке / Б.Г. Колкер // Русский язык в школе. - М., 1968. - №3. – 78 с.
8. Майорова В.С. Лексическое калькирование в современном немецком языке [электронный ресурс] /В.С. Майорова. – Режим доступа: vsenarodniy.ru/publ/5-1-0-8. Проверено 10.11.13.
9. Максимов Н.В. Роль калькирования в развитии лексики современного Татарского литературного языка : автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.02. «Языки народов СССР. (татарский язык)» /Н.В. Максимов. - Казань, 1991.- 23с.
10. Матвеева О.В. Лексическое калькирование как результат лингвокультурного влияния в условиях межкультурной коммуникации : автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.19. / О.В. Матвеева. – Саратов, 2005. – 20с.
11. Меметов А.М. Русские кальки в крымскотатарском языке / А.М. Меметов // Советская тюркология. – Баку, 1986. С. 13 – 21.
12. Руткевич С.А. Лексическое калькирование как билингвальный номинативный процесс: автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.01. / С.А. Руткевич. – Минск, 1991. -20с.
13. Степанова М.Д. Лексикология современного немецкого языка: [монография] / М.Д. Степанова, И.И. Чернышева – М., Гос. Из – во «Высшая школа», 1962. - 310с.
14. Сейдаметова Н.С. Къырымтатар тилининъ лексик теркибини калька япув усулынен инкишаф этильмеси / Н.С. сейдаметова // Труды НИЦ Крымскотатарского языка, литературы, истории и художественной литературы КИПУ. Симферополь, 2011. Том 1.С. 40 – 43.
15. Таукенова А.М. Функционирование заимствованных фразеологических единиц русского, казахского, английского и французского языков в аспекте семантики : автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук: спец. 10 02 20 - «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» / А.М. Таукенова. – Челябинск, 2008. – 24с.
16. Шанский Н.М. Лексические и фразеологические кальки в русском языке / Н.М. Шанский Русский язык в школе. - М., 1955. - 201с.
17. Эмирова А.М. Основы крымскотатарской фразеологии (калькирование) : [учебное пособие] / А.М. Эмирова. – Симферополь : Крымчупедгиз, 2012. – 168с.
18. Чарьяров Ы.Б. Функционирование и развитие туркменского языка в сфере периодической печати (на материалах республиканской печати) : автореф. дис. на соискание уч. степени доктора филол. наук: спец. 10.02.06. / Ы.Б. Чарьяров.- Москва, 1982. - 25с.

Ресутова Е. І. Взаємодія і розмежування лексичного запозичення і калькування (на матеріалі кримськотатарської мови) // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 27 (66). № 1. Ч.2 – С.80-87

Дана робота присвячена проблемі взаємовідносини кальки і запозичення, які є наслідком мовного контакту (на матеріалі кримськотатарської мови лексики суспільно - політичного змісту). Аналізовані явища мають ряд як спільних, так і відмінних рис.

Ключові слова: запозичення, калька, калькування, полукальки, кримськотатарська мова, російська мова.

Resutova E. I. Interaction and differentiation of lexical borrowing and copying the previous one (on the material of the Crimean Tatar language) // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 1.2 – P.80-87

This work is devoted to the problem of the relationship between the tracing paper and borrowings, which are the result of language contact (on the material of the Crimean Tatar language). The analyzed phenomena have a number of both common and distinctive features. Based on the problem of the interaction of lexical borrowing and replication, we examined the issue of incomplete cripples. In this matter the opinion of the linguists are divided: one part of linguists (Majerova BC [1999], Garifullina L.A. [2008], S.V. Vasilieva [2009], Soltakhanov II[2009]) to derivational polyalkyl apart compound words include words that have the same basis; the other part of scientists (Garipova A., Efremov, L.P., N. Maximov, Molina R., Plotkina I.V., Taukenova A.M., Tchaikovskaya, Caruaru Y.B.) believe that derivational polyalkyl are only difficult words, where one of the components is taken, and the other is translated. Russian loanwords when passing them on calcerous language obey grammatical laws receptive language, i.e. take affixes calcerous language. Analyzing policelike socio - political content of 90 - 95 - ies of XX century, we believe that in the Crimean Tatar language to derivational polyalkyl are only complex words consisting of borrowed and own vocabulary.

Key words: borrowing, calque, calques, policelike, the Crimean Tatar language, Russian language.

Поступила в редакцию 09.09.2014 г.

УДК 811.161.2

**Функции соматического кода культуры в формировании
фразеосистемы русского и украинского языков**

Савченко Л. В.

*Таврический национальный университета имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Республика Крым
lubov29@bk.ru*

В статье предлагается иерархическая модель соматического кода культуры, создающая целостную картину отражения материального мира во фразеологических единицах; выделена система субкодов культуры I–II уровней. Фразеологические единицы русского и украинского языков являются репрезентантами соматического кода культуры, и его реализация в компонентах и семантических интерпретациях имеет национально-культурную маркированность.

Ключевые слова: код культуры, субкод культуры, фразеологические единицы.

В последние годы ученые проявляют значительный интерес к изучению кодов культуры (см. работы В. В. Красных, М. Л. Ковшовой, Д. Б. Гудкова, В. Н. Телия, Е. А. Селивановой). Исходным положением понятия *код культуры* является идея о «системе знаков (знаковых тел) материального и духовного мира, которые стали носителями культурных смыслов» [Гудков, Ковшова 2007, 9]. В кодах культуры синтезируются знаки и смыслы. Они являются универсальными, однако их проявление, значение в культуре, метафоры реализации национально детерминированы в корреляции двух и более культур. Коды «создают систему координат, которая содержит и задает эталоны культуры» [Красных 2003, 146]. Их смысл связан с системой символических образов, которые через вербальный / невербальный план выражения маркируют народный язык, относятся к различным концептуальным мотивационным сферам.

Код культуры – это семиотическая система, в которой концентрируется набор национальной этнокультурной информации. Она кодируется в форме, способной идентифицировать культуру через совокупность вторичных знаков и символов, наделенных такими смыслами, которые присутствуют в любом элементе культуры и могут проявляться в предметах материальной и духовной деятельности человека на уровне семиотического пространства.

Тематическая классификация кодов заключается в объединении общей темой различных по субстанции знаков, отражающих культурную интерпретацию. Предыдущие научные достижения в изучении системы кодирования и собственные лингвистические, философские и психологические наблюдения дают возможность выделить базовые группы кодов, которые объединяют в своем поле целый пласт кодов и субкодов. На основании семиотики материальной природы среди субстанциональных выделяем *антропный, соматический, зооморфный, фитоморфный, предметный, природный* коды культуры.

Цель научного исследования – охарактеризовать функции соматического кода культуры как одного из базовых в системе кодов, коррелирующего как в семантическом

поле фразеологизмов, так и в их компонентном составе, представить иерархическую структуру соматического кода.

Неотъемлемой частью является описание структуры соматического кода культуры и его реализация во фразеосистеме русского и украинского языков. Как известно, фразеологические единицы (ФЕ) выступают свернутыми микротекстами, хранящими информацию о национальной культуре, а их компоненты, семантика и образы несут в себе коды культуры. Продуктивностью выделяются ФЕ с компонентами, которые соотносятся с лексемами-соматизмами.

Соматический код является наиболее древним и содержательным, поскольку постижение окружающего мира начинается с познания человеком самого себя. Его выделяют и описывают многие исследователи: В. В. Красных, В. Н. Телия, Е. А. Селиванова. Ученые Д. Б. Гудков и М. Л. Ковшова называют соматический код термином *телесный код* [Гудков, Ковшова 2007, 9]. Г. А. Багаутдинова соматический код считает частью *антропоморфного кода* [Багаутдинова 2007, 21]. Т. В. Леонтьева отмечает, что в лексическом поле «Интеллект» реализуется предметно-тематический код, который обозначается терминопонятием *физиолого-соматический код* [Леонтьева 2003 9-15]. Как видим, в современной лингвистике нет и, вероятно, не может быть единой классификации кодов. Однако в основе каждой классификации лежит одна система базового кодирования, построенная на законах существования мира действительности.

Соматическим кодом культуры считают совокупность обусловленных культурой стереотипных представлений о свойствах, характеристиках, действиях, пространственных и временных «измерениях» тела в целом или его частей, он является источником осмысления человеком мира [см. БФСРЯ 2006, 145]. Эти наименования имеют дополнительные к естественным свойствам названных предметов функционально значимые для культуры значения. Таким образом, соматический код культуры является совокупностью номинантов для обозначения тела и его частей, свойств человеческого организма и его физического состояния, в том числе действий и видов деятельности.

Соматический код тесно связан со всеми кодами и не имеет четких границ. Важнейшая базовая метафора – это наше представление о собственном теле, именно оно определяет наше восприятие мира и его языковую репрезентацию [см. Лакофф, Джонсон 2008, 35]. Этот код служит для описания других кодов, например, антропного, пространственного, временного, предметного: рос. *сердце болит* – ‘страдание’; *правая рука* – ‘близкий человек’; *голова варит* – ‘умный’; укр. *рукой подати* – ‘близко’; *п’ятами наживати* – ‘сбежать’. Человек является основой созданной пространственной модели, поэтому соматический код накладывается на пространственный. ФЕ с компонентом-соматизмом могут обозначать местоположение или направление относительно субъекта речи: *вперед / назад* (рус. *за глазами; в лицо*; укр. *встромити ніж у спину*). Для описания функции перемещения в пространстве *вперед / назад* используются компоненты-соматизмы, обозначающие различные части тела. Например, «ноги выполняют эту функцию как средство перемещения, руки – как средство приближения к себе удаленных объектов, глаза определяют направление движения» [Маслова 2007, 24]. Кроме того, *рука* – символ власти и могущества. Большинство из таких ФЕ представляют локацию по вертикали *верх / низ* (рус. *над головой; бить челом*; укр. *на чолі; у ногах лазити*), по горизонтали *слева / справа* (рус. *направо и налево*; укр. *плюнути через ліве плече*). Пространственные координаты по горизонтали закодированы в таких группах ФЕ: рус. *смотреть во все глаза*, укр. *куди очі дивляться* – ‘направление вперед на неопределенное расстояние’; рус. *у черта на куличках*, укр. *нога людська не ступала* – ‘неизвестное местоположение’; рус. *на каждом шагу*, укр. *скільки оком*

кинеш – ‘езде, всюду’; рус. *насколько глаз хватает*, укр. *рукою не дістанеш* – ‘далеко, но на доступном расстоянии’; рус. *лицом к лицу*, укр. *ніс до носа* – ‘очень близко, впереди’.

Применяя физиологическую классификацию телесного проявления человека на языковом уровне, представляем соматический код, который посредством компонентов ФЕ реализуется в таких субкодах: 1) *собственно соматический субкод* (фр. *somatique*, греч. *Σώμα, σώματος* – тело) – совокупность номинантов для обозначения частей тела (рус. *локти кусать; плечом к плечу*; укр. *лице (обличчя) горить; з голови до ніг*); 2) *остеологический субкод* (греч. *ὀστέον* – кость) – совокупность номинантов для обозначения костей и их соединений (рус. *кожа да кости; язык без костей*; укр. *кістки травною поростуть; світити ребрами*); 3) *спланхнологический субкод* (греч. *σπλάγχνον* – внутренности) – совокупность номинантов для обозначения внутренних органов (рус. *сердце кровью обливается; отлегло от сердца*; укр. *дати волю серцю; вилити жовч*); 4) *гематологический субкод* (греч. *αἷμα* – кровь) – совокупность номинантов для обозначения системы кровообращения (рус. *потом и кровью; голубая кровь*; укр. *псувати кров; кров холоне (крижаніє, застигає) / засохла (застигла) в жилах червона юшка*); 5) *сенсологический субкод* (лат. *sensorium* – орган ощущения, *sensus* – ощущение) – совокупность номинантов для обозначения органов чувств и их функций; этот субкод коррелирует на одном уровне с антропно-сенсорным субкодом и реализуется через визуальный, звуковой, одорический, вкусовой, тактильный субкоды (рус. *хоть глаз выколи; хлопать ушами*; укр. *оббігти очима; вуха насторожі*); 6) *нозологический субкод* (греч. *νόσος* – болезнь) – совокупность номинантов для обозначения болезней, проявлений человеческого организма и физического состояния человека (рус. *как бельмо на глазу; берeditь рану*; укр. *хоч до рани (до болячки) клади (прикладай, притуляй); з кіндратиком у голові*).

Отражая физическое состояние человека, код трансформируется через противопоставительную антиномию: здоров / болен (рус. *как макое цвет*; укр. *кров з молоком* с семантикой ‘здоровый, румяный (о человеке и его лице)’; рус. *на ладан дышит*; укр. *ледве дихати* – ‘очень болей, тяжело недомогать’), холодно / жарко (рус. *бросает в дрожь*; укр. *дрижаки пробігають (ходять) / пробігли по спині (по шкірі, по тілу)* – ‘дрожать от болезненного состояния’; рус. *бросать / кидать то в жар, то в холод*; укр. *кинуло в жар (пал)* – ‘у кого-то поднялась температура’) и т.д. Интересным является выделение соматично-костюмного субкода, рус. *держат камень за пазухой* – ‘скрывать злобу, ненависть к кому-либо; быть готовым сделать неприятность кому-то, совершить месть над кем-то’; укр. *всипати (кинути, вкинути) приску за очкур (пазуху)* – ‘доставить неприятности кому-либо’, где лексема *пазуха*, наделенная признаками двух кодов, считается редким явлением в системе кодирования.

Исследуя соматический код культуры во фразеологии, в структуре ФЕ выделяем компоненты-соматизмы, наделенные символическим значением с национально-культурной маркированностью. Они выступают индикаторами образной основы ФЕ как в русском, так и в украинском языках. Наиболее продуктивными являются этнокомпоненты *голова (коса, волосы), рука* как знаки языка культуры, которые репрезентативны в этнофразеологизмах (рус. *покрыть голову (волосы); подать руку; отдать руку; чтобы тебе голова с плеч*, укр. *йти за косою; зав’язати руки; розв’язати руки; хилити голову; нехай тобі руки викрутить*) и коррелируют с собственно соматическим субкодом. Выделена структурно-семантическая фразеомодель формирования ФЕ: «акциональное магическое обрядовое действие + символический этнокомпонент, выраженный соматизмом = семантика действия с женитьбой / разводом / приветствием / клятвой / помощью / проклятием».

Фразеобразы соотносятся с традиционно-обрядным, мифологическим, ритуальным, клятвенным, этикетным этнокодами культуры.

В структуре ФЕ двух языков менее функциональными являются компоненты *сердце* (спланхнологичный субкод) (рус. *сердце болит*; укр. *запропонувати руку і серце*), *зубы, язык* (остеологический субкод) (рус. *прикусить язык*, укр. *тримати язык за зубами*), *горло, рот, ладонь, кулак* (собственно соматический субкод) (рус. *рот на замок; как на ладони; показать кулак*, укр. *карати на горло; полокати горло*). Наиболее употребительными являются ФЕ, соотнесенные с собственно соматическим субкод, менее употребительными – остеологический, спланхнологичный и др.

Следовательно, предложенная система субстанциального кодирования соматического кода и субкодов I и II уровней создает целостную иерархическую картину отражения материального мира во ФЕ русского и украинского языков. Во фразеосистеме соматический код охватывает большую группу компонентов ФЕ и их семантических проявлений, интерпретирующих пространственные отношения, поведение человека, его психическое и эмоциональное состояние. Кроме того, соматический код реализуется в структуре ФЕ с компонентами, являющимися экспонентами знаков культуры. Кодирование культурного пространства человек начинает с себя, потому источником культурной интерпретации становятся компоненты-символы для обозначения частей тела. В соматическом коде важное место занимают знаковые функции тела, которые задействованы при выполнении обрядов, ритуалов, клятв, проклятий, приветствий.

Список литературы

1. Багаутдинова Г. А. Человек во фразеологии: антропоцентрический и аксиологический аспекты [Текст] : автореф. дисс. на соискание уч. степени д-ра филол. наук : спец. 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» / Г. А. Багаутдинова. – Казань, 2007. – 45 с.
2. Большой фразеологический словарь русского языка: значение, употребление, культурологический комментарий [Текст] / отв. ред. д-р филол. наук В. Н. Телия. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.
3. Гудков Д. Б. Телесный код русской культуры : материалы к словарю [Текст] / Д. Б. Гудков, М. Л. Ковшова. – М. : Гнозис, 2007. – 288 с.
4. Ковшова М. Л. Семантика и прагматика фразеологизмов: лингвокультурологический аспект [Текст] : автореф. дисс. на соискание уч. степени д-ра филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / М. Л. Ковшова. – М., 2009. – 48 с.
5. Красных В. В. Предметный код культуры в русском культурном пространстве [Текст] / В. В. Красных // Русистика на пороге XXI в. : проблемы и перспективы. – М., 2003. – С. 146–148.
6. Леонтьева Т. В. Интеллект человека в зеркале русского языка [Текст] : автореф. дисс. на соискание уч. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т. В. Леонтьева. – Екатеринбург, 2003. – 24 с.
7. Селіванова О. О. Нариси з української фразеології: (психоконітивний та етнокультурний аспекти) [Текст] / О. О. Селіванова. – К. ; Черкаси : Брама, 2004. – 276 с.

Савченко Л. В. Функції соматичного коду культури у формуванні фразеосистеми російської та української мов // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 27 (66). № 2. – С.88-92

У статті пропонується ієрархічна модель соматичного коду культури, що створює цілісну картину відображення матеріального світу у фразеологічних одиницях; виділена система субкодів культури I–II рівнів. Фразеологічні одиниці російської та української мов є репрезентантами кодів культури і їх реалізації в компонентах і семантичних інтерпретаціях відображає національно-культурну маркованість

Ключові слова: код культури, субкод культури, фразеологічні одиниці.

Savchenko L.V. Functions of somatic code of culture in the formation of phraseosystem the russian and ukrainian languages // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 2. – P.88-92

The article is an attempt to present hierarchical model of somatic code of culture that creates a holistic picture of the reflection of the material world in phraseological units; the system of subcodes of culture of I–II levels is built in the work. Phraseological units of the Russian and Ukrainian languages are representatives of codes of culture and their implementation in the components and semantic interpretations reflects national and cultural marking.

Somatic code covers a large group of components of phraseological units in phraseosystem, interpreting spatial relationships, human behavior, mental and emotional state. Exploring the somatic code of culture in phraseology, the author defined components-somatisms in the structure of phraseological units, endowed with symbolic significance of national and cultural marking. The most productive components in both languages are: plait, head, arm, neck.

Thus, somatic code is implemented in the structure of phraseological units with the components which are exhibitors of symbols of culture. A person starts coding of cultural space from himself, so the function of symbols is fulfilled by somatisms. Components-symbols to designate parts of the body become the source of cultural interpretation. Symbolic functions of the body occupy an important place in somatic code, they are involved in the performance of rites and rituals in spiritual culture.

Key words: code of culture, subcode of culture, phraseological units.

Поступила в редакцію 10.10.2014 з.

УДК 811.161.1'373.7

**Концепт «время» в современной лингвокультуре:
способы вербализации в лексико-семантической системе
русского языка**

Сегал Н. А.

*Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Республика Крым
natasha-segal@mail.ru*

В статье рассматриваются особенности реализации концепта время в фразеологизмах русского языка, на основе авторской параметризации выявляются национально-культурные особенности концепта время, эксплицированного в фразеологии языковыми единицами с темпоральным значением.

Ключевые слова: *концепт, фразеология, фразеологизм, время, семантический компонент.*

В современной лингвистической науке наблюдается особый интерес не только к самому человеку, но и к его культуре, традициям и обычаям. Языковые изменения, происходящие в последние десятилетия как в русском, так и в других языках мира, определяют тот факт, что внимание исследователей переключается от изучения языка как «вещи в себе и для себя» на исследование языковых структур, позволяющих наиболее полно выявить не только грамматические и семантические особенности ключевых единиц, но и их глубинное содержание. Таким образом, проблемы концептуализации языковой картины мира относятся к наиболее актуальным в современной лингвистике.

В последние десятилетия понятие концепта уже получило свое глубокое научное содержание, раскрывающееся в рамках проблемы «язык – культура – человек». При всем многообразии подходов научная интерпретация данного термина соединяет в себе значимые характеристики, связанные с культурой и ментальностью народа. Так, в современных лингвокультурологических исследованиях под концептами понимаются идеальные объекты, отражающие определенные культурно-ценностные представления человека о действительном мире. Концепты создаются в процессе познания мира, при этом они отражают и обобщают человеческий опыт и действительность.

Раскрывая сущность данного феномена, необходимо отметить, что концепты не просто отражают объективную действительность, а формируют некий образ, созданный на основе наглядно-образного знания и накопленного духовного опыта. Этот образ имеет свое языковое выражение и отмечается культурной спецификой. По мнению Н.Д. Арутюновой, концепты образуют «своего рода культурный слой, посредничающий между человеком и миром» [2, с. 10]. Лингвист подчеркивает, что для оценивания объекта человек должен «пропустить» его через себя, и этот момент «пропускания» и оценивания является моментом первичного образования того или иного концепта в сознании носителя культуры [2, с. 181]. В современных теориях когнитивной лингвистики концепт определяется как единица психической

памяти сознания человека. (Е.С. Кубрякова), абстрактного уровня осмысления реальной действительности (З.Д. Попова, И.А. Стернин). Убедительно развивается идея соотнесенности концепта и культурного мира человека (Н.Д. Арутюнова, Ю.С. Степанов). Кроме того, лингвисты рассматривают концепт как понятие практической (обыденной) философии, являющееся результатом взаимодействия ряда факторов, таких как национальная традиция, фольклор, религия, идеология, жизненный опыт, образы искусства, ощущения и система ценностей.

В лингвистической науке выделяются три составляющие концепта: понятийная, значимостная и образная, которая и является ключевой в современном лингвокультурологическом подходе к концепту как понятию духовной ценности с отмеченной этнокультурной спецификой (С.Г. Воркачев и др.). Культурные коннотации как часть сигнификативного компонента имени концепта при концептуализации определяют ценностную составляющую духовной культуры и ментальности народа. Именно они лежат в основе интерпретации концепта в современной лингвокультуре.

Целью данной статьи является комплексный анализ концепта «время» и его фразеологических репрезентаций с учетом национально-культурной специфики рассматриваемого концепта в русском языке.

По утверждению Н.Д. Арутюновой, «чувство *времени* основано на восприятии природных циклов, психические структуры связали себя с линейным *временем*, расчлененным «точкою присутствия» на прошлое, будущее и соединяющее их в единый поток настоящее. Это членение вытекает из главного условия, определяющего положения человека в мире: укрытостью от него будущего, известностью (пережитостью) прошлого и данностью (переживаемостью) настоящего» [2, с. 688]. А.Я. Гуревич подчеркивает, что наряду с такими понятиями, как «пространство», «причина», «судьба» *«время»* принадлежит к определяющим категориям человеческого сознания, которые «в каждой культуре связаны между собой, образуя своего рода «модель мира» – ту «сетку координат», при посредстве которой люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их сознании» [4, с. 19]. Исследователь подчеркивает, что человек не рождается с чувством *времени*, его временные и пространственные понятия всегда определены той культурой, к которой он принадлежит. А.Д. Шмелев характеризует время как «загадочный феномен, близко касающийся человека, интуитивно как будто бы ясный, но противоречивый и с трудом поддающийся экспликации» [7, с. 316].

Как показал анализ, основу семантики фразеологизмов со значением «время» представляют единицы, выражающие субъективный, эмоционально-оценочный взгляд на мир. В основе фразеологизмов с темпоральным значением лежат национальные традиции и обычаи, исторические факты, библейские, сказочные и мифологические сюжеты. Рассматривая подобные фразеологизмы, мы пришли к выводу, что большая часть из них характеризуется яркой образностью, эмоциональностью, экспрессивностью, оценочностью. Обладая широкими коннотативными возможностями, обусловленными «образной составляющей», они способствуют структурированию лингвовременной картины мира, в которой находит отражение глубокое философское осмысление *времени*.

Фразеологический фонд современного русского языка содержит большое количество фразеологических единиц с оттенками темпоральности. Предлагая собственную классификацию, в первую фразеосемантическую группу мы отнесли фразеологизмы, в интерпретации которых содержится значение расположения событий во *времени*. Так, отдельной подгруппой в данной группе были выделены фразеологические единицы со значением предшествования/следования события за временным ориентиром. Среди фразеологизмов с временным значением в составе современного русского языка функционирует большое количество фразеологических

единиц, в интерпретации которых мы можем наблюдать отношение людей к прожитому или грядущему *времени*. По нашим наблюдениям, для русской культурной традиции характерна бытийность, созерцательное отношение к будущему, уверенность в невозможности его изменения: *чему быть, того не; время покажет; поживем, увидим; что будет, то будет; будь что будет*. Такая позиция, на наш взгляд, может объясняться религиозностью русского народа: люди верят в то, что *на все воля Божья*, о чем свидетельствуют такие фразеологические единицы, как: *как Бог на душу положит; дождаться своего часа* и др.

Фразеологизмы, характеризующие «прошлое», также указывают на невозможность корректировки прожитого этапа: *что было, то прошло; былого не вернуть; потерянного времени не воротить; кто старое помянет, тому глаз вон; что было, травой поросло* и др.

Отдельного внимания в данной подгруппе, на наш взгляд, заслуживают многочисленные фразеологизмы, отражающие понятия «давно», «недавно». Отметим, что во фразеологических единицах подобного типа нередко используются библейские имена, исторические личности и события. По нашему мнению, эта тенденция объясняется тем, что носителям русской культуры свойственно преувеличивать что-либо, в данном случае, – относительную давность каких-либо событий: *при царе горохе; (в) адамовы веки (времена); ветхозаветные времена; в допотопные времена* и др.

Интересной для анализа является группа фразеологических единиц, имеющих значение «сейчас» и «потом». Русскому менталитету присуща медлительность в работе, желание оставить дела «на потом», «на завтра», о чем свидетельствуют следующие фразеологизмы: *отложить на потом; дай срок; кормить завтраками; отложить в долгий ящик; со временем (с годами); после дождичка в четверг; тянуть время*. Менее активными, как показывает исследование, в современном русском языке являются фразеологические единицы со значением «сейчас»: *сию секунду; одну минуту*. Важно отметить сознательность русского народа, отраженную в таких фразеологизмах: *делу время, а потехе час; не откладывай на потом (завтра) то, что можно сделать сейчас (сегодня)* и др.

В русской языковой традиции активно реализуются фразеологизмы со значением «своевременность», «пунктуальность»: *минута в минуту (секунда в секунду; час в час); тютельница в тютельница; с минуты на минуту (с секунды на секунду; с часу на час); время не ждет; в самый раз; по часам* и др. Таким образом, можно говорить о том, что своевременность (пунктуальность) очень ценится в русской культуре, в первую очередь, в деловой сфере человеческой жизни (*время – деньги*). Как правило, фразеологизмы с представленным значением имеют положительный коннотативный оттенок. В свою очередь, непунктуальность воспринимается как то, что сбивает с пути, выводит из обычного хода событий. Отметим, что фразеологизмы, характеризующие непунктуальность, не всегда имеют ярко-выраженную негативную коннотацию. Так, во фразеологическом фонде русского языка существуют следующие фразеологические единицы: *как снег на голову; как гром среди ясного неба; тут как тут; не жданно, не гаданно* и др., коннотативный оттенок которых зависит от широкого контекста.

Фразеологизмы, характеризующие протекание событий во времени, являются неоднородными как по своему содержанию, так и по коннотативным особенностям. Так, активными представляются фразеологизмы со значением границы временного отрезка (ключевая оппозиция *рано / поздно*). Как известно, издавна в крестьянском быту было принято раннее начало рабочего дня. Ранний подъем был и до сих пор остается важной составляющей успеха в делах: *ни свет, ни заря; чуть свет; кто рано встает, тому Бог дает (помогает); с петухами; до света* и др. Фразеологизмы

с ключевым компонентом «поздно» являются малочисленными и имеют, как правило, негативную коннотацию: *хорошая мысль приходит опосля; после драки кулаками не машут; немало (с того времени) воды утекло; ничего не поделаешь* и др. Уникальным в данной группе является фразеологизм *лучше поздно, чем никогда*, который подчеркивает, что для представителей русской культуры даже позднее действие предпочтительнее бездействия.

Важное место в фразеологической системе занимают единицы, в интерпретации которых присутствует характеристика протяженности событий во времени (фразеологизмы со значением «долго – недолго (быстро – медленно)»): Значение долготы, длительности, как правило, реализуется в фразеологизмах с положительной коннотацией: *Мафусаиловы года; Аредовы веки (прожить); долгие дни; до окончания века; до конца дней; многая лета*. Осознание представителями русской культуры того, что всему есть предел, выражается во фразеологизмах с временным компонентом «недолго»: *далеко ли до греха; ничто не вечно* и др. Такие фразеологизмы, как показал анализ, как правило, имеют негативную коннотацию.

В современном русском языке фразеологические единицы, в интерпретации которых присутствуют компоненты «быстро» и «медленно», могут использоваться как с позитивной, так и с негативной коннотацией. Так, в русской традиции негативную оценку имеют фразеологизмы, характеризующие излишнюю поспешность, несдержанность: *забегать вперед; влететь как бомба; и пикнуть не успел; не успев и рта открыть; на скорую руку; сломя голову; с наскоку* и др. Позитивный образ создается фразеологизмами, которые характеризуют высокую скорость как неотъемлемую часть успеха в каком-либо деле: *схватывать на лету; одна нога здесь другая; промедление смерти подобно; в темпе; семимильными шагами* и др. Нейтральная коннотация наблюдается у фразеологизмов *в мгновение ока; в минуту; в один миг; только пятки сверкают* и др., где высокая скорость является безоценочным фактом. Зависимость коннотации от контекстов характерна для фразеологизмов *не по дням, а по часам; расти как грибы* и др.

Как показал анализ, компонент «медленно» в составе фразеологических единиц, как правило, интерпретируется в значениях «не спеша», «тщательно» и фиксируется в фразеологизмах с позитивной коннотацией, характеризующих обдуманность, взвешенность действий: *поспешишь – людей насмешишь; Москва не сразу строилась; медленно, но уверенно* и др. С другой стороны, в русской культуре излишняя медлительность является недостатком, что также находит свое отражение в фразеологизмах: *только за смертью посылать; через час по чайной ложке; тянуть лямку* и др.

Интересным является факт, что в содержании многих фразеологизмов с обозначенными стержневыми компонентами присутствует ключевое слово-зооним, сравнение человека с тем или иным животным на основе определенных сходств поведения: *как сонная муха; как черепаха; черепашиным ходом; как угорелая кошка* и др.

Многокомпонентной и разнообразной по своему составу является фразеосемантическая группа, включающая фразеологические единицы, темпоральный оттенок которых имеет значение периодичности событий во времени. Так, в нее входят фразеологические единицы, в интерпретации которых содержится значение регулярной/нерегулярной повторяемости (единицы, содержащие компоненты «постоянно», «часто», «редко», «иногда»). Фразеологизмы, входящие в группы со значением периодичности событий, как правило, реализуются с негативной коннотацией. Наиболее активно функционируют фразеологизмы, в состав которых входят компоненты «постоянно», «часто»: *денно и ночью; каждый божий день; раз за разом; изо дня в день; всякий раз* и др. Фразеологические единицы с компонентами

«редко», «иногда» являются менее активными и представлены конструкциями *временами; иной раз; время от времени* и др.

К отдельной фразеосемантической группе относятся фразеологизмы со значением «всегда», «никогда». Значение «всегда» фиксируется в фразеологических единицах, как правило, с положительным коннотативным оттенком и поэтической возвышенностью: *веки вечные; на веки веков; до конца жизни (дней своих); до последнего вдоха (дыхания); до гроба; до гробовой доски; раз и навсегда*. Фразеологические единицы, имеющие значение «никогда», как показал анализ, обычно имеют негативный коннотативный оттенок: *когда рак (на горе) свиснет; после дождичка в четверг; Бог весть когда; ни за что на свете; ни на миг; ни под каким предлогом* и др.

Полученные данные позволяют установить наличие универсальной структуры концепта «время» и его национально-культурную специфику при реализации в русском языке. В русской языковой картине мира концепт «время» обладает широким семантико-прагматическим потенциалом, что подтверждается высокой частотностью реализующих данный концепт конструкций, а также широким коннотативным спектром.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – №1. – М., 1995. – С. 37–62.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1990. – 896 с.
3. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
4. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. – М., 1972. – С. 5–138.
5. Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2-х томах / [сост. А.И. Федоров]. – Новосибирск: Наука, 1995.
6. Фразеологический словарь русского языка: свыше 4000 словарных статей [сост. Л.А. Войкова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров, под ред. А.И. Молоткова]. – М.: Русский язык, 1986. – 543 с.
7. Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность / А. Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 496 с.

Сегал Н. О. Концепт «час» в сучасній лінгвокультурі: засоби вербалізації в лексико-семантичній системі російської мови // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 27 (66). № 2. – С.93-98

У статті розглядаються особливості реалізації концепту час у фразеологізмах російської мови, на основі авторської параметризації виявляються національно-культурні особливості концепту час, який есплікується у фразеології мовними одиницями із значенням темпоральності.

Ключові слова: *концепт, фразеологія, фразеологізм, час, семантичний компонент.*

Segal N. The concept of “time” in the modern linguaculture: the way of verbalization in the lexical-semantic system of the Russian language // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 2. – P.93-98

In the article the features of realization of koncept are examined time in the Russians phraseological units, on the basis of author parametrization the nacional-kulture features of koncept to come to light and open up in phraseology by linguistic units with a temporal value.

Key words: *concept, phraseology, idioms, time, semantic component.*

Поступила в редакцию 29.08.2014 г.

УДК 801.73, 801.733

Феномен именаречения в контексте теолингвистики

Чевела О.В.

*Казанский государственный медицинский университет
Казанская духовная семинария, г. Казань, Россия
olga-chevela@mail.ru*

В статье анализируется экзегетический прием сакральной этимологизации в контексте религиозных и философских воззрений ранневизантийского периода, выявляется преемственность святоотеческих взглядов на онтологическую природу слова в учении имяславия и философии имени.

Ключевые слова: *герменевтика, этимологизация, философия имени.*

Основополагающее значение не только для современной теолингвистики, но и для лингвистической науки в целом, имеют идеи онтологической трактовки слова и языка, выдвижение языка в качестве центральной проблемы философии и богословия. Идея о тождестве языка и бытия положена в основу интерпретации и лексического анализа уже в первых богословских системах. «Христианская идея инкарнации – совсем не-греческое, более близкое к бытию представление о языке» [1, с. 485]. Вопрос о собственном Имени сущности, как основе всех именовании в человеческих языках, является центральным пунктом в русской религиозной философии (С. Булгаков, П. Флоренский, А.Ф. Лосев). О причастности слова бытию, способности слова не обозначать, но существовать и действовать говорит и Св. Иоанн Кронштадский [2, с. 158].

Дарованная Адаму способность именаречения послужила основой для ряда лингвистических теорий, связывающих имя и действие. Именно здесь, в первых главах книги Бытия, обретают свои аргументы как сторонники имяславия, так и их оппоненты. В частности, П. Михайлов, приводя утверждение Св. Григория Нисского «Бог виновник вещей, а не имен <...> а люди виновники имен, а не вещей», распространяет его на святоотеческое учение в целом. «Откуда же происходит имя? По мнению имяславцев – из недр божественного бытия. По мнению Святых Отцов – в результате таинственной творческой деятельности человека, устремленной к познанию Бога и раскрытию Его откровения» [3, с. 381].

Соотношение слова и символа, мифа и слова – одна из центральных тем в философии имени. Наиболее последовательное систематическое описание мифа содержится у А.Ф. Лосева. Развивая тезис о религии как об абсолютной мифологии, он раскрывает соотношение магического имени, библейского мифа и догмата. Подчеркивая, что полная систематика мифа должна быть отнесена в сферу догматического богословия и религиозной философии, он замечает, что прием развертывания личного имени в миф широко представлен в христианских текстах [4, с. 393]. Отметим, что подобное построение характерно и для герметического дискурса. В этом плане интерес представляют развертывающие библейский миф трактовки имени Адам, приписывающие ему значение универсального принципа. «Малый космос», как именует человека Климент Александрийский, объединяет многообразие тварного

мира – четыре стихии, четыре стороны света, четыре пространственных измерения.

Объектом исследования является Шестоднев в библейской, герметической и христианской мистической традиции. Цель исследования – рассмотреть экзегетический прием этимологизации в контексте религиозных воззрений ранневизантийского периода, выявить взаимосвязь между святоотеческими воззрениями на онтологическую природу слова, учением имяславия и философией имени.

Четыре буквы имени Адам соотносятся с четырьмя сторонами света в одной из раннехристианских эпиграмм, текст которой приводит Н.Ф.Фокков [5, с. 771]. В народной византийской традиции с этим связано верование в защитную силу слова: «Византинци су веровали да змија неће узнемиравати голубарник уколико се у четири угла напише реч Адам (АДАМ), заправо акростих грчких речи исток (ἀνατολή), запад (δύσος), север (ἄρκτος), и југ (μεσημβρία)» [6, с. 206].

Объединение анаграммы с этимологизацией представлено у сирийского епископа Севериана Гавальского. В своих «Беседах на Сотворение мира», исходя из этимологии древнееврейского слова, он изъясняет имя ὁ ἄνθρωπος «человек», возводя его к собственному имени Адам, и передает его соответствием תּוֹר «огонь», по мере развертывания текста соотнося с четырьмя первоэлементами. Еврейская этимология накладывается на восходящее к учению стоиков представление о творческом огне как элементе, пронизывающем собой всю природу. Как и Ориген, Севериан Гавальский развивает теорию о высшем и материальном огне. Высший огонь связан с огнем Первого дня творения, естество этого огня лежит в основе ангельской природы, которому сродни и человеческая душа, и человек [7, с. 429]. Интересно, что в схолии ассоциация с огнем возводится к другому древнееврейскому слову – אֵשׁ «огонь». Действительно, игра слов אֵשׁ – אִישׁ часто присутствует в древнееврейских текстах, однако в связи с другим понятием – אִישׁ «мужчина, муж», греч. ἀνὴρ. В данном же случае имя ἄνθρωπος сближается с древнееврейским אִשׁת «распалившийся, разожженный», на что указывают параллели в сочинениях раннехристианских авторов и мистических трактатах. Отметим также, что оба слова אִשׁת – אִשׁת (могут отождествляться и по гематрии как имеющие одно числовое значение – 40. Более того, далее сам автор предлагает читать соответствующее выражение древнееврейского оригинала [Быт. 1: 26] не «сотворим человека», а «сотворим огонь», на основании чего и «человек огонь толкуется». Подобное прочтение возможно при отсутствии знаков масоры. Изъяснение слов греческого происхождения через древнееврейский язык и наоборот – характерный прием, и ранее широко использующийся у Отцов Церкви и в герметических текстах. В частности, он получает теоретическое обоснование в концепции мифа Климента Александрийского, считающего, что в греческих мифах и мистериях содержится искаженное отражение библейской истории и древнего эзотерического учения, а за завесой этих аллегорий скрывается универсальный смысл.

Ту же структурную схему с теми или иными дополнениями обнаруживаем в гностических сочинениях и герметических текстах. Интересен пассаж из трактата александрийского алхимика Зосимы Панополитанского, где буквы личного имени соотносятся не только с четырьмя элементами и сторонами света, но и со сторонами человеческого тела. Синтез христианского символизма, еврейской каббалистики и аллегоризма античности мы видим в заключительных строках адамологии Зосимы, где в ткань повествования вплетаются мифы о Пандоре и Прометее [8, с. 228-235]. Но еще ранее на связь мифа о Прометее с библейским повествованием о творении человека указывал Климент Александрийский, приводя цитату из трагика Каллимаха и поэзии Солона: «Было это во времена, когда птицы, и морские твари, и четвероногие

произносили звуки, как глина Прометея». О двух же Адамах первым говорит Филон Александрийский.

Кроме уже упомянутых аналогий, важно отметить ассоциативную связь Адама со светом. «Внутренний Адам» Зосимы именуется *светом* (φῶς), на основании чего и люди могут называться φῶτες – *светы*. Связь Адама со светом прослеживается в еврейской, славянской и армянской апокрифической традиции. По одному из толкований, основанному на анаграмме, у Адама в раю были ризы из света, а в соответствующем фрагменте из Бытия предлагалось читать «ризы из света» вместо «риз из кожи», если заменить букву аин в слове ор (кожа) алефом: «нашли в Торе р. Меира: Одежды из света (катнот ор) – это одежды Первого Адама, которые походили на лампаду: широкие снизу и узкие сверху. Свет же, конечно – не свет Солнца и луны, созданных на четвертый день творения, а горный свет первого дня творения, когда светил еще не было» [9, с. 38]. В древнеармянском Синаксарии проводится параллель между Сиянием Славы на Фаворе и одеванием света, которое было и у Адама в раю. Об одевании из света говорится и в Шаракане на Великий Понедельник: «Свет, возсиявший от Отца-Света, светозарно украсил Адама», но согрешив, праотец «оделся покровом из листьев смоковницы вместо неизреченного света». Об этом же упоминается в проповеди на Преображение Св. Григора Татеваци: «Апостолы размышляли – вернет ли Господь человеку то светозарное одевание, которое было отнято у Адама, чтобы вновь облечь нас в прежнее одевание славы». Наконец, в Шаракане на Преставление Богородицы речь идет о сиянии души Пресвятой Богородицы, превосходящем сияние Солнца. «Первый Свет – Отец, сотворил второй свет – ангелов, затем он сотворил, в состоянии невинности, души людей *блестящими*, какова душа Моей Матери... Из *четырех стихий* я образовал тело человека, которые я связал душою...» [10, с. 139, 148]. В трактате Зосимы духовный Адам, Адам-Свет, внутренний человек, находящийся в раю, обманом был облечен в (тело) Адама, образованное от четырех стихий, и связан им, подобно Прометею. Адам Зосимы соотносится с космогонической функцией Логоса-Христа, а кенотический момент относится к началу творения.

В «Беседах на Сотворение мира» именование Адама, связанное с символикой света-огня и четырех сторон света, переходит в аналогию зодиакального круга, на которую накладывается библейская символика запада-заката (смерти) и востока-восхода (воскресения). Адам помещен в Раю, на востоке, и изгнан за его пределы, направляясь от жизни к смерти, подобно восходящим светилам, бегущим на запад, и получая иной восход в воскресении мертвых. И Климент Александрийский, говоря о символике воскресения, приводит рассказ Платона о небесном путешествии души, проходящей при своем схождении и восхождении через двенадцать знаков Зодиака.

В гностической космогонии с различными вариациями представлены этимологизации, изъясняющие имя Адам на основании ряда еврейских, арамейских и греческих паронимов: אָדָם 'Адам, человек', אָדָם 'красный; распалившийся; Эдом' и אָדָם 'кровь' – ἄνθρωπος αἵματος φωτεινός; а также и с еврейским אָדָם 'земля' и греческими ἀδάμας 'твердый камень; пер. истинный, совершенный, святой' и ὁσσαντίνοσ [11, с. 90-91].

Эти этимологизации присутствуют и в византийских ономастиконах:

Αδάμ γῆ σαρκουμένη ἢ μαρτυρία ἢ γῆγενῆς ἢ ἄνθρωπος ἢ χουὸς ἢ γῆ ἐρυθρὰ ἢ αἷμα ἢ ὁμοίωσις [12, с. 78]. «Адам – земля воплощенная, или свидетельство, или землеродный, или человек, или персть, или красная земля, или кровь, или подобие». Внутренняя форма именованья γῆγενῆς 'землеродный' воссоединяет библейский и греческий миф, согласно которому люди созданы Зевсом из Титанов, пораженных им за убийство Диониса-Загрея.

Ассоциативная связь имени Адам с соответствиями אָדָם 'земля' и דָּם 'кровь' присутствует и в апокрифических «Деяниях Варфоломея». Человек назван Адамом, поскольку рожден от девственной земли, не запятнанной человеческой кровью [13, с. 26]. В свою очередь, в гностической космогонии эти ассоциации служат отправной точкой для развертывания библейского мифа.

В *мадраше Ефрема Сирина на Рождество Христово* мысль о рождении от девственной земли облекается в форму антиномии на основе синтаксического и богословского параллелизма:

Земля породила девственная Адама – земли владыку.

Ныне же Дева рождает Адама – Владыку небес [14, с. 26].

Диодор Тарсийский наряду с уже имеющимися ассоциациями по смежности (земля – в Эдеме) и анаграммой (Εδὲμ - Ἐδὼμ) вводит дополнительный компонент: אָדָם «Адам, человек» (אדם) - אָרֶץ «земля» (ארץ) - אֶדֶם «Эдем» (Edem) - אָדָם «красный; огненного цвета» (אדום). Адам получает свое имя от *красной земли, находящейся в раю* [15, с. 1566]. Проводимая здесь параллель с Исавом, прозванным Эдомом за то, что продал первородство за *красную* чечевичную похлебку, унаследована каббалистикой, где имена Эдом и Адам также отождествляются по гематрии. Локализация сотворения Адама в Раю идет вразрез с господствующим мнением, основанным на тексте Священного Писания, что Адам был сотворен из земли, находящейся за пределами Эдема и перенесен в Рай Создателем уже позднее. У Севериана Гавальского земля, от которой создан человек, отождествляется с землей за пределами Рая после изгнания прародителей. Напротив, для гностического мифа характерна локализация сотворения Адама в Эдеме, что также апеллирует к авторитету Библии.

Феномен мотивированного именаречения в сакральных текстах позволяет обнаружить единый мифологический пласт, объединяющий архаичные тексты, принадлежащие к разным религиозным системам и культурным традициям, а также выявить предпосылки онтологической теории слова. Необоснованным представляется и мнение, согласно которому Отцы Церкви отрицали взаимосвязь между именем и сущностью. Семантика личного имени рассматривается как основная форма языкового значения, определяющая все формы языковой передачи смысла, синтаксическую и прагматическую стороны языка. Все это дает возможность трактовать имена собственные как категорию, основывающуюся на специфических естественно-языковых процессах номинации, концептуализации и семантическом отражении действительности.

Список литературы

1. Гадамер Г.Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики / Г.Г. Гадамер. – М., 1988.
2. Св.Иоанн Кронштадский. В мире молитвы. – М, 1994. – С. 158.
3. Михайлов П. Лингвистические аспекты имяславия в сопоставлении с представлениями Святых Отцов о языке / П. Михайлов // Богословский сборник. – Вып. 8. – М., 2000.
4. Лосев А.Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев. – М., 1990.
5. Радић Р. Тајнствено преплитање слова (О једном византијском веровању) / Р. Радић // Търновска книжовна школа. – Т. 7. – Београд, 2001.
6. Фокков Н.Ф. К чтению церковно-греческого текста / Н. Ф. Фокков. – К., 1886.
7. Severianus Gabalensis. Orationes in mundi creationem / Gabalensis Severianus // PG. – V. 8. – Paris, 1844. – P. 429-499.

8. Berthelot M. Zosime. Sur les appareils et les fourneaux / M. Berthelot // Collection des alchemists grecs. – Т. 2. – Paris, 1888. – P. 228-235.
9. Ковельман А.Б. Талмуд, Платон и Сияние Славы / А. Б. Ковельман. – М., 2011.
10. Эмин Н.Э. Шаракан. Богослужебные каноны и песни Армянской Восточной церкви / Н. Э. Шаракан. – СПб., 1879.
11. Tardieux M. Trois mythes gnostiques / M. Tardieux. – Paris, 1974.
12. Ковтун Л.С. Русская лексикография эпохи средневековья / Л. С. Ковтун. – М., 1963.
13. Lampe G.V. A Patristik Greek Lexicon / G.V. Lampe. – Oxford, 1961.
14. Св. Ефрем Сирийский. Мадраша на Рождество Христово / Пер. Л. Грилихеса // Богословский вестник. – № 5-6. – М., 2006.
15. Diodorus Tarsensis. Fragmenta ex Catenis // PG. – V. 33. – Paris, 1844.

Chevela O.V. Naming phenomenon in the context of teolinguistics // Scientific Notes of Taurida V.I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 2. – P.99-103

In the article is analyzed exegetical reception of a sacral etimologization and in a context of religious and philosophical views of the early Byzantine period. The continuity of the patristic views at the ontological nature of a word in the philosophy of a name comes to light.

Key words: *hermeneutics, etimologization, philosophy of a name, teolinguistics.*

Поступила в редакцию 26.08.2014 г.

УДК 811.161.1

**Дискурсивный анализ причинных версий в мемуарных,
дневниковых и философских текстах**

Ященко Т.А.

*Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Республика Крым
t-yashchenko@yandex.ua*

Статья посвящена реализации причинных версий в дискурсах, которые характеризуются наличием внутреннего диалога. Представлена взаимосвязь между дискурсивными особенностями причинных версий и характеристикой русского языкового сознания.

Ключевые слова: *дискурс, каузация, причинная версия, русское языковое сознание.*

Разработка теоретических проблем дискурсивного анализа, в частности, типологии и структуры дискурса, соотношения понятий текста, дискурса и диалога, методологии и приемов дискурсивного анализа, включая анализ языковой личности, носит междисциплинарный характер [7, 9, 6, 12, 10]. Заслуживают также внимания исследования в области функционирования термина *дискурс* в лингвистической науке [5; 4].

В своей работе, вслед за Н.Д. Арутюновой, мы понимаем дискурс как «сквозной текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, психологическими и другими факторами [1].

Исследование причинных версий является одним из аспектов изучения каузации как релятивной мегакатегории, отражающей генетивные связи в мире и языке и включающей категории условия, причины, цели, уступки.

Как было уже показано, каузация реализуется на разных языковых уровнях, но областью ее конвергентного проявления является дискурс, в пределах которого возможно исследование полноты данной категории, отражающей генетические связи в мире и языке. Лингвоконцептологический подход к исследованию причины и цели предполагает выявление ценностной составляющей концептов [Ященко].

Исследованный нами фактический языковой материал убедительно показал, что реальные возможности для выявления именно лингвистического выражения ценностной составляющей культурного концепта открывает анализ модального плана текста. Входящие в модус эмоции и оценки, характерные в первую очередь для художественных, публицистических и мемуарно-дневниковых текстов, могут быть представлены и как психонетический компонент в составе культурного концепта.

Актуальность обращения к анализу причинных версий как к одному из наиболее существенных проявлений дискурса обусловлена направленностью дискурсивного анализа на выявление особенностей языкового сознания автора текста.

Основная *цель* работы: выявить специфику отражения причинных версий в русском языковом сознании. Для достижения цели ставятся следующие **задачи**: 1) установить действие определенных лингвистических механизмов выявления ценностной составляющей каузации; 2) показать роль фоновой информации и

прецедентных феноменов в дискурсивном анализе; 3) установить иерархические отношения между причинными версиями; 4) показать особенности взаимодействия причинных и целевых версий.

Известно, что в логике версия (лат. *versio* –оборот, видоизменение; франц. *version* – перевод, истолкование) – это «одно из нескольких возможных, отличных друг от друга объяснений или толкований какого-либо одного и того же факта, явления, события» [8]. Широко используется термин *версия* в юридической практике, где он, помимо других, имеет и чисто причинное значение логического вывода.

Причинные версии связаны и с логическим понятием «частичной, или неполной, причины», которая, в отличие от «полной, или необходимой, причины», всегда и в любых условиях вызывающей свое следствие, «только способствует наступлению своего следствия, и это следствие реализуется лишь в случае объединения частичной причины с другими условиями» [там же, с. 159]. Наличие причинных версий в языке соотносится с логическими понятиями конъюнкции и дизъюнкции.

При исследовании в тексте каузальных версий необходимо обращение к проблемам индивидуального концептуального пространства как важнейшей составляющей семантического пространства текста.

Естественно, что причинные версии являются особым языковым средством организации дискурсов различных типов: научного, политического юридического и, конечно, художественного. Но, на наш взгляд, особого внимания заслуживают мемуарный, дневниковый, эпистолярный и философский дискурсы, так как в них наглядно проявляется соотносительность дискурса с диалогичностью внутренней речи и реализуется понятие «мысленный дискурс». Последнее принадлежит Л.С. Выготскому [3], который, помимо двух фундаментальных разновидностей дискурса – устной и письменной – упоминает еще одну: «мысленную». В этом случае язык также используется коммуникативно, но одно и то же лицо является и говорящим, и адресатом. В силу отсутствия легко наблюдаемых проявлений мысленный дискурс исследован гораздо меньше, чем устный и письменный.

Заметим также, что А. Н. Леонтьев, наряду с терминами «дискурсивная деятельность» дискурсивное (словесно-логическое) познание, «дискурсивный процесс», использует понятие «дискурсивное мышление», характеризуя его как «словесно-логическое», «рассуждающее» мышление, внутренний логический процесс [10, с. 327].

Мысленный дискурс соотносится с понятием «внутренней речи» и «диалогичностью речи» (в широком понимании). Диалогичность понимается как «когнитивная универсалия», которая организует сам процесс понимания и определяет вектор научного знания. Человек постоянно находится в состоянии диалога: реально с окружающими его людьми, с людьми, о которых он думает, реальными и виртуальными, и, наконец, – с самим собой. Диалогичность, естественно, связывается с текстово-дискурсивной категорией антропоцентричности (М.М. Бахтин, И. Т. Касавин, В. В. Красных, Ф. С. Бацевич, Л.Н. Синельникова и др.).

Анализ фактического языкового материала показал, что причинные версии могут быть представлены и как равноправные, и как иерархически расположенные.

Так, в дневниковых текстах Л. Н. Толстого часто встречается оформление однородного ряда причинных объяснений заключением в скобки, подобно вставной конструкции: *У Волконских был неестествен и рассеян и засиделся до часу (рассеянность, желание выказать себя и слабость характера)* (Л.Н. Толстой. Дневники. 24 марта 1850 г.) [13].

В дневниковых записях Л.Н. Толстого отмечены факты, когда взаимодополнительные равноправные причинные версии повторяются дважды, варьируясь в лексико-грамматическом способе представления: *Одна из главных причин ограниченности*

людей нашего интеллигентного мира – это погоня за современностью, старание узнать или хоть иметь понятие о том, что написано в последнее время <...> И эта поспешность и набивание головы современностью, пошлой, запутанной, исключает всякую возможность серьезного, истинного, нужного знания (Л. Н. Толстой. Дневники. 23 окт. 1909 г., т. 20, с. 373) [13].

При иерархическом расположении причинных версий, как правило, отмечается усложненная синтаксическая структура. При этом семантика множества причинных версий на лексическом уровне может быть представлена и метафорически: *Если мы попробуем разложить эту «антибуржуазность» русской интеллигенции, то она окажется **mixtum compositum**, составленным из очень различных элементов. Здесь есть и доля наследственного барства, свободного в ряде поколений от забот о хлебе насущном и вообще от будничной, «мещанской» стороны жизни. Есть значительная доза некультурности, непривычки к упорному, дисциплинированному труду и размеренному укладу жизни, но есть несомненно и некоторая, впрочем, может быть и не столь большая, доза бессознательно – религиозного отращения к духовному мещанству, к «царству от мира сего», к успокоенному самодовольству* (С. Н. Булгаков. Героизм и подвижничество) [2, 33].

В данном случае следствие (антибуржуазность русской интеллигенции) представлено метафорическим образом **mixtum compositum** и, соответственно, причинные версии даются как «элементы»: *доля барства, доза некультурности и т. д.*

В приведенном выше высказывании С. Булгакова отмечается иерархичность причинных версий, связанная, несомненно, с системой ценностей автора: при всей существенности ряда причинных обоснований «антибуржуазности» русской интеллигенции, особое внимание акцентируется на заключительном: *религиозное отращение к духовному мещанству.*

Представление причинных версий, принадлежащих одному субъекту, как иерархически расположенных, как правило, связывается с противительными отношениями, показателем которых является союз НО в пределах синтаксического целого; наиболее значимая причинная версия, с точки зрения автора высказывания, актуализируется позицией конца синтаксического целого: *В этом своеобразном отношении к философии сказалась, конечно, вся наша малокультурность, примитивная недифференцированность, слабое сознание безусловной ценности истины и ошибка морального суждения (...) Но сказались тут и задатки черт положительных и ценных – жажда целостного мирозерцания, в котором теория слита в жизнь, жажда веры* (Н. Бердяев. Философская истина и интеллигентская правда) [2, с. 11].

При анализе «пучка» причинных версий обнаруживается связь с «параметром глубины». Исследование важности «параметра глубины» для русского языкового сознания представлено в работах Е. С. Яковлевой [15, 16], где убедительно доказано, что личность может интерпретироваться не только в терминах деятельности и волевого контроля, но и в терминах «созерцательности», рефлексии, **внутренней глубины**. Автор на примере тонкой смысловой дифференциации между *очами и глазами, взором и взглядом* доказывает «релевантность для русского языкового сознания параметра глубины».

Дискурсивный анализ показал, что именно доминирующая причинная версия во многих случаях предстает как «сокрытая» (заметим, что метафоры с семой 'сокрытость' весьма типичны при выражении каузации) [17].

Помимо отмеченных типов противопоставления версий заслуживает внимания наличие противопоставления версий причины версиям цели (и наоборот). Именно такое противопоставление может быть принципиально важным для понимания смысла

высказывания. Это положение убедительно подтверждается фрагментом текста В. Швейцера, представляющим попытку каузального объяснения сложной ситуации: возвращения М. Цветаевой в СССР: *Не удивительно, что и у других Цветаева вызывала раздражение. Я склоняюсь к мысли, что оно связано с самим фактом ее возвращения в Советский Союз. Зачем она приехала? Чего ей там не хватало? Вот ведь и шарфики, и записная книжечка, и сумка «на молнии» (в Москве таких не было) – все парижское... Как можно было вернуться, когда здесь ничего нет и каждый ежедневно ожидает ареста?.. Такие или подобные вопросы должны были возникать в сознании тех, кто встречался с Цветаевой. «Белогвардейка вернулась!», – говорили о ней в писательской среде. На это накладывалась полная бытовая и материальная неустроенность Цветаевой. «Вернулась, а теперь чего-то еще хочет, недовольна ...» – таков мог быть подсознательный подтекст отношения окружающих. Советским людям, дрожащим от страха, неуверенным даже в сегодняшнем дне, должно было казаться странным, непонятным и подозрительным добровольное возвращение в тюрьму. Не стала бы Цветаева объяснять, что вернулась не «зачем», а «потому что» – потому что знала, что должна быть рядом с мужем. Впрочем, и она была не в состоянии по-настоящему понять советских людей, их разделяли протекавшие в разных измерениях 17 лет (В. Швейцер, Быт и бытие Марины Цветаевой) [14, 474].*

Представленный текст насквозь пронизан различными типами каузации. Прежде всего внимание акцентируется на своеобразной аномалии ситуации в восприятии советских людей (нельзя не сказать и об определенной предвзятости оценки В. Швейцера); сама ситуация определяется как *странная, непонятная и подозрительная*. Непонятность ситуации усугубляется контрастом между восприятием аксессуаров прежней парижской жизни М. Цветаевой (шарфики, сумка на молнии) как знаков состоятельной, «устроенной» жизни и нынешней полной «неустроенностью», что провоцирует вопрос: *Чего ей там не хватало?*

Но главный парадокс заключается в «добровольном возвращении в тюрьму». Вполне закономерно возникает еще один вопрос: *Как можно было вернуться, когда здесь ничего нет и каждый ежедневно ожидает ареста?* – Вопрос как? в данном контексте направлен на выяснение именно каузальных обстоятельств (причины или цели), а не образа или способа действия. В связи с этим вторая часть сложноподчиненного вопросительного предложения может быть квалифицирована по своему коммуникативному значению не как условная, а как уступительная: 'Почему (зачем) вернулась, **несмотря на то**, что здесь ничего нет ...?' Соответственно возникает предположение о наличии скрытой цели, что вызывает беспокойство и раздражение: *Зачем она приехала?* Итак, у ряда людей, окружавших Цветаеву в Москве конца тридцатых – начала сороковых годов XX века, складывается версия о скрытой цели ее возвращения.

Автор текста категорически отвергает целевую версию, противопоставляя ей причинную (*вернулась не «зачем», а «потому что»*), опираясь при этом на позицию самой Цветаевой. Можно добавить, что ранее приведены были строки из письма М. Цветаевой А. Тесковой, написанного за пять дней до отъезда: «выбора не было: нельзя бросать человека в беде, я с этим родилась» (там же, с. 456).

Думается, что в данной ситуации можно говорить и о цели возвращения (так как всякий намеренный поступок обусловлен **мотивацией**, что объединяет причину и цель), а исходя из содержания текста В. Швейцера в целом, а главное – исходя из контекста жизни и творчества М. Цветаевой, можно сказать и о наличии Цели, смыкающейся с Назначением: быть с теми, кому сейчас плохо.

Таким образом, можно еще раз убедиться в том, что каузальные версии в исследуемой нами области (человек и социум) носят субъективный характер, но сам факт их дифференциации и выбора, несомненно, связан с морально-этическим

представлениями и тем самым относится к ценностной составляющей Причины и Цели как культурных концептов.

Очевидно, что к ценностной составляющей также можно отнести включение в процесс выбора версии эмоционально-экспрессивного начала, характеризующего индивидуальную концептосферу.

Развитие различных целевых версий и их взаимодействие с причинными в связанном тексте покажем на примере еще одного фрагмента из книги В. Швейцера «Быт и бытие Марины Цветаевой». Рассуждая о возможных целях издания «Сборника 40-го года», автор выстраивает несколько целевых планов, причем все они даются именно как версии, так как не основываются ни на каких конкретных документах.

Приводятся записи М. Цветаевой, свидетельствующие, с одной стороны, о ее неверии в возможность издания книги, а, с другой стороны, – о наличии чьего-то настоятельного совета сделать сборник: *Вот, составляю книгу, вставляю, проверяю, плачу деньги за перепечатку, опять правлю и – почти уверена, что не возьмут, диву далась бы, если бы взяли. Но – я свое сделала, проявила полную добрую волю (послушалась)* (там же, с. 484–485). (Выделение в тексте принадлежит М. Цветаевой).

По предположению В. Швейцера, М. Цветаева «послушалась» Б. Пастернака. Предполагаемые цели издания книги сформулированы в модальном плане возможности, примечательно, что они, названы «резонами» (осложнение причинным значением) и вполне соответствуют интересам поэта и носят прагматический характер: *Кто-то из близких, скорее всего, тот же Пастернак, уговорил ее попытаться издать книгу стихов. Резонов могло быть два, и оба чрезвычайно важные. Во-первых, выход книги явился бы в какой-то мере «свидетельством благонадежности», особенно важным ей как недавней эмигрантке и члену семьи врагов народа. Она понимала, чем такое клеймо грозит ей и, главное, Муру. Второй резон – деньги. Они были нужны, может быть, больше, чем всегда, потому что теперь она одна несла ответственность за жизнь семьи* (там же, с. 485). (Выделение в тексте каузальных конструкций. – Т. Я.).

Но, помимо этого, можно предположить, что существует и более психологически сложное переплетение мотивов: *Хотела ли Цветаева подвести итоги своей тридцатилетней работы? Или показать то, что считала у себя лучшим? Этого мы не знаем...* (там же).

Размышляя над материалами этого сборника, В. Швейцера пишет о двух целях, одновременное достижение которых было невозможно: *...в Цветаевой боролись желание увидеть сборник изданным с равнодушием к этому, потребностью сделать книгу «для себя* (там же). Обратим внимание на соседство слов *желание* и *потребность*. Первое из них традиционно включается в целевую лексику; второе же, думается, в большей мере связано с причиной.

Кстати, дальнейшие рассуждения В. Швейцера по поводу сборника связаны прежде всего с причиной абсолютно бескомпромиссного подбора стихов: *И все же меня тревожит вопрос о составе сборника. Почему Цветаева включила в него именно эти стихи? Почему не постаралась сделать его более «проходимым»? (...) Почему? Точного ответа мы не узнаем, может быть, его не было и у самой Цветаевой. Но не сыграла ли в этом свою роль ощущаемая ею невозможность жить? (...) Перед лицом смерти было нелепо лгать и приспособливаться (...) Сборник еще раз утверждал бескомпромиссность Цветаевой. Не был ли он ее последним вызовом судьбе?* (там же, с. 489–490).

Как видим, автор акцентирует внимание на отсутствии **достоверности** причинных версий, а завершается развитие темы «Сборника 1940-го года» еще одной версией, судя по ее финальной позиции в тексте, – наиболее важной, а может, и наиболее достоверной в восприятии автора, – несмотря на вопросительную форму фразы.

В «желании бросить вызов судьбе» прочитывается прежде всего целевая семантика. (Тема судьбы, столь значимая в творчестве М. Цветаевой, представлена в исследованиях В. А. Масловой, Е. Ю. Муратовой, И.Ю. Белякова, В. Козовой и др. См. глубокое исследование концепта «судьба» в поэзии и прозе М. Цветаевой в работе В. А. Масловой [11].

Считаем возможным предложить и другую версию: не вызов судьбе, а **следование своей судьбе**. Весьма значительной представляется нам фраза из письма А. Тесковой, написанного уже в поезде из Парижа в Гавр по дороге в Советский Союз: *До свиданья! Сейчас уже не тяжело, сейчас уже – судьба* (М. Цветаева. Письма к Анне Тесковой) (Цит. по: [14, с. 457]).

Выводы:

– Для исследованных текстов характерно представление «пучка» причинных версий, что свидетельствует о типичном для авторов полифоничном мышлении, склонности к внутреннему диалогу, «мысленному дискурсу». Данное наблюдение значительной мере справедливо и по отношению к характеристике русского языкового сознания в целом.

– При наличии иерархии причинных версий доминирующая версия во многих случаях характеризуется «параметром глубины», что подтверждает релевантность данного параметра для русского языкового сознания.

– Обращение к фактам внеязыковой действительности, «погруженность в жизнь» являются необходимым условием для корректности дискурсивного анализа.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Языкознание: Большой энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. – М., 1998.
2. Вехи: сборник статей о русской интеллигенции Н. А. Бердяева, С.Н.Булгакова, М. О. Гершензона, А. С. Изгоева, Б. А. Кистяковского, П. Б. Струве, С. Л. Франка. – Репринтное издание 1909 г. – М.: Изд-во «Новости» (АПН), 1990. – 216 с.
3. Выготский Л. С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999. 350 с.
4. Горбунова М. В. К истории возникновения термина «дискурс» в лингвистической науке // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2012. № 27. С. 244-247.
5. Демьянков В. З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // Язык. Личность / Отв. ред. В. Н. Топоров. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 34-55.
6. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И.Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
7. Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М.: Прогресс, 1999. 413 с.
8. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник / Н. И. Кондаков. – М.: Наука, 1975. – 720 с.
9. Кубрякова Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике: обзор // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 7-25.
10. Леонтьев А. Н. Лекции по общей психологии. – М.: Смысл; Академия, 2010. – 509 с.
11. Маслова В. А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой: учеб. пособие / В. А. Маслова. - М.: Флинта: Наука, 2004-в. - 256 с.
12. Современные теории дискурса: Мультидисциплинарный анализ. Сб. научных статей. – Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2006. – 177 с.

13. Толстой Л. Н. Собрание сочинений в 20-ти т. / Т. 19. Дневники. 1848 – 1894 гг. – М.: Гослитиздат. – 1965. – 623 с.; т. 20. Дневники. 1895 – 1910 гг. – М.: Гослитиздат, 1965. – 670 с.
14. Швейцер В. А. Быт и бытие Марины Цветаевой / В. А. Швейцер. – М.: Интерпринт, 1992. – 544 с.
15. Яковлева Е. С. О некоторых особенностях концептуализации личностного начала в русской лексике и грамматике // Вестник Московского университета, Сер. 9, Филология. – 1997. – № 3. – С. 96 – 105.
16. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира: модели пространства, времени и восприятия / Е. С. Яковлева. – М.: Гнозис, 1994. – 344 с.
17. Яценко Т. А. Каузация в русском языковом сознании: монография. – Симферополь: ДИАЙПИ, 2006. – 478 с.

Yashchenko T. Discursive analysis of the causal versions of memoirs, diaries, and philosophical texts // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 1.2 – P.104-110

The article is devoted to the implementation of the causal versions of discourses, which are characterized by the presence of internal dialogue. Provided the relationship between the discursive features of causal versions and feature of Russian linguistic mentality.

Keywords: *discourse, causation, the causal version, Russian linguistic mentality.*

Поступила в редакцию 08.09.2014 г.

РАЗДЕЛ 3. РЕГИОНАЛЬНЫЕ СМИ: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

УДК 81:070

Этическая прецедентосфера новостной журналистики на телевидении г. Севастополя

Валеева Л. В.

*Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Республика Крым
Филиал МГУ имени М. В. Ломоносова в г. Севастополе,
lv_valeeva@mail.ru*

В статье сформулировано понятие «этическая прецедентосфера» и описаны ее составляющие для современной тележурналистики. Представлены результаты исследования контента новостных программ ведущих телеканалов г. Севастополя и выявлено их соответствие специфике и ожиданиям зрительской аудитории.

Ключевые слова: *этика, тележурналистика, новостная информация, севастопольское телевидение.*

Кодификация профессиональной этики представляет сложную и в научном, и в практическом плане проблему. С одной стороны, процесс кодификации регулируется общечеловеческим пониманием гуманности и моральных ценностей, с другой стороны, регламентируется актуально значимыми предписаниями для общества и специальными требованиями для конкретных социальных групп. Профессиональная этика активно разрабатывается, и, по мнению А. А. Гусейнова, в этом научном направлении существует две группы исследовательских интересов. Один спектр вопросов связан с историей и иерархией этических ценностей. Второй аспект выявляет координацию этических норм с интересами, потребностями, успешностью коллективного и личностного поведения [16, с.573-581]. А. Швейцер считает, что существуют этика личности и этика общества, которые постоянно полемизируют между собой и антагонистичны по своей природе. «Общество же мыслит категориями надындивидуальными и преследует цели, стоящие над отдельными лицами, и поэтому не может в такой степени, как индивидуальная этика, учитывать интересы счастья и жизни отдельного человека. Его этика в принципе антигуманна» [15, с.291]. Г. В. Лазутина видит сущность морали, являющейся одним из элементов общественного сознания, в согласованности деятельности человека и общества. Мораль служит основой жизненной позиции человека, определяет его поведение в обществе и влияет на многие компоненты в структуре социума. В свою очередь, это позволяет говорить об этике разных профессий и родов занятий. Журналистская этика, по Г. В. Лазутиной, призвана регулировать работу журналистов в соответствии с потребностями общества. Её принципы сформулированы различными международными, государственными и частными организациями и сообществами журналистов и написаны в рекомендательной форме [7]. В. В. Ворошилов рассматривает

журналистскую мораль на уровне принципа и нормы, которые различает по степени конкретности. Нравственный принцип имеет мировоззренческий характер, это – связь идеала с регулятором поведения. Нравственная норма – ориентир на практике. Норма соответствует не столько ситуации, сколько оценке ситуации и существующим стратегиям действий. Исследователь различает обязательные нормы, подобно запрету плагиата; допустимые нормы, рекомендующие проверку сведений и под.; дискуссионные нормы для ситуации совмещения профессии журналиста с другой профессией [2].

Существующие нормы кодифицированы, достаточно строго регулируют этический аспект деятельности журналистов и закреплены в соответствующих кодексах. Международные принципы журналистской этики были приняты Международной организацией журналистов в 1983 году [8]. В основе этого документа личностная этика, а именно личная честность и ответственность представителя СМИ. В зону ответственности включены требование достоверной и объективной информации, неприкосновенность частной жизни, уважение к ценностям и достижениям национальной и социальной культуры, содействие политике разоружения, национального развития, формирование мирных и дружеских отношений между странами и народами.

Опыт составления кодексов и сводов правил, фиксирующих журналистскую этику, свидетельствует о пристальном внимании к личностным качествам представителя СМИ. Так, журналист обязан помнить, что его мнение не является конечной инстанцией и может быть оспорено, что он несет ответственность перед собой и аудиторией, а не перед властными структурами. Дэвид Рэндалл обращает внимание, что важно не ориентироваться изначально на какую-либо точку зрения, не пытаться подтвердить заранее выстроенную теорию, что непреложное правило любого журналиста – в работе руководствоваться лишь принципом поиска правды. По мнению автора, размещение хвалебных материалов под видом обычных статей связано не только с нарушением этики, но и с коррупцией. Исследователь призывает журналистов не стремиться получить дополнительную выгоду от своих статей и всегда своевременно исправлять ошибки, если они были допущены [11, с.24-31, 86].

Особое место в системе журналистских действий занимает практика сенсации, стимулирования ажиотажного интереса аудитории к информационному продукту, как правило, к телевизионному продукту, к телеканалу. В Хартии телерадиовещателей [13], подписанной представителями большинства ведущих российских телеканалов как федеральных, так и региональных, также уделяется пристальное внимание отличию фактов от мнений и суждений, рекомендуется незамедлительно исправлять ошибки и проверять надежность источников информации. В век развития информационных и мобильных технологий телевидение имеет возможность использовать аудио, фото и видеоматериалы, сделанные не корреспондентами, а непосредственными очевидцами событий. Тем не менее, Хартия вводит запрет на использование подобных записей, полученных от третьих лиц. Также в Хартии настойчиво рекомендуется не демонстрировать или описывать чрезмерную жестокость и насилие, что является актуальным для современного массмедийного пространства.

В работе современного журналиста возможны этические конфликты вследствие многих причин, например, столкновения личностных и корпоративных интересов, выбора между достоверностью сообщения и сохранением личной тайны информатора и др. При разрешении разногласий подобного рода журналист опирается на прецеденты, которые составляют этическую прецедентосферу. Прецеденты являются основными составляющими когнитивного пространства. Важнейшим условием существования прецедентов является их признание большинством представителей общества, что связывают с наличием общего и стереотипического представления. Совокупность

таких представлений формируют прецедентосферу [3]. Этическая прецедентосфера представителей СМИ ориентирована не на юридические документы, а на принципы, поддерживаемые международными и частными сообществами журналистов.

Растущий спрос на продукцию региональных телеканалов высвечивает одну из основных проблем регионального телевидения – низкое качество выпускаемой продукции. Н. В. Зверева пишет, что «региональное телевидение «обречено» на успех. Это правда. Но в этой правде таится опасность появления успокоенности, нежелания что-либо менять, расти профессионально». Безусловно, ряд факторов, таких как низкий уровень зарплат, отсутствие технического обеспечения и ограниченный доступ к информации усложняют работу местных телестудий [4, с.86]. Существуют и иные проблемы, связанные со спецификой регионального вещания: большинство программ ориентировано на социальную тематику и, в основном, на зрителей старшего возраста.

«Визитной карточкой» любого телеканала, по мнению В. Цвик, [14, С. 56] являются его информационные программы. Именно в новостных программах региональных телекомпаний дается оценка деятельности местного руководства, освещаются события местного масштаба и все то, что так интересует жителей регионов и что никогда не покажут по центральным каналам. Конечно, одними только хорошими новостями не обойтись, поэтому время от времени мы видим на экранах «негатив» – то, что заставляет аудиторию задуматься и реагировать наиболее резко. Но баланс «негатива» и «позитива» не должен оставлять ощущения безысходности. Телевидение должно способствовать созданию здоровой атмосферы в обществе [6, с. 115].

Помимо стандартных проблем, характерных для регионального телевидения, существует критерий отношения к государственности. До марта 2014 года анализ крымского телевидения и оценка профессиональных этических принципов местных журналистов проводилась по критерию лояльности к украинской государственности. В одной из статей журнала «Телекритика» корреспондент Николай Владимировский главной проблемой севастопольского телевидения считает содержание новостей, в основе которых смесь скрытой рекламы, просто рекламы, московской пропаганды, восхваления военного флота соседней страны, длинных выступлений чиновников, сюжетов о выращивании коней и под. Другими проблемами новостных передач, по мнению автора статьи, являются неспособность региональных телеканалов заполнить эфир продукцией собственного производства, и, как следствие, наличие в эфире большого количества ретранслируемой информации. Он также комментирует структуру новостей, считая, что их отличает разноразличность в длительности новостных сюжетов, так как на 15 минут выпуска может быть три сюжета и может быть 8-10. Причиной всему считает антиукраинские настроения и акцентирует внимание на том, что компания финансируется все-таки Украиной [1]. Независимо от взглядов и настроения исследователей регионального телепространства на протяжении нескольких десятилетий севастопольское телевидение выделялось среди других городов и регионов Украины неповторимой социокультурной спецификой.

Описание контента местных телеканалов необходимо предварить характеристикой социокультурных особенностей. Очень важно иметь сведения о составе, потребностях и интересах, мотивах информационного поведения аудитории, ее типичных группах и их специфических интересах. Тем более эта информация важна в севастопольском регионе, где рейтинги телеканалов не измеряются, а значит, редакции не имеют возможности учитывать интересы аудитории. В квалификационной работе Анастасии Сатыги представлен ряд особенностей новостной продукции местных телеканалов, таких как столкновение двух культур и двух языков – русского и украинского; приоритет проблем Черноморского флота; этническая специфика региона, так

как в Севастополе, как и в Крыму, проживает большое число национальностей - абсолютное большинство населения (71,6 %) составляют русские, 22,4% украинцев, 1,6% белорусов, 1,2% татар; возрастной состав населения - в Севастополе 44% трудоспособного населения, 28% пенсионеров и инвалидов [9]. Были учтены данные Исследовательского института социальной схематики, опубликованные в марте 2013 года, согласно которым в новостных сводках о Крыме преобладают сообщения о чрезвычайных происшествиях. По материалам информационного агентства Е-Крым, опубликованным сайтом «Новости Крыма», сравнительный анализ позиционирования Крыма в СМИ Украины и России показал, что доминирующей темой в публикациях о Крыме являются чрезвычайные происшествия и криминал, которые составляют 27,2% от общего количества новостей. Популярными также являются темы политики и туризма. При этом сотрудники института отметили, что качество и манера подачи некоторых материалов часто несут провокацию и негатив, при этом в публикациях о межнациональных отношениях пестрят броские заголовки. Институт сделал вывод о том, что СМИ заинтересованы больше в подаче негативной информации о Крыме, нежели позитивной [10].

На территории Севастополя существует шесть региональных телеканалов, из которых два начали переход на цифровой формат вещания: телеканал «Первый севастопольский» и СРГТРК (Севастопольское телевидение). Телеканалы «НТС», «Бриз», «Народный канал» и телевидение Черноморского флота являются аналоговым телевидением и отражают эксклюзивность севастопольского региона. В рамках научно-исследовательской программы кафедры журналистики Филиала МГУ имени М. В. Ломоносова в г. Севастополе в 2013 году были проведено социологическое исследование среди зрителей местных телеканалов с целью изучения соответствия контента информационных программ этическим ценностям аудитории. Был определен уровень доверия аудитории к телеканалам «Первый севастопольский», НТС (Независимое телевидение Севастополя) и СТВ (Севастопольское телевидение).

Так как объектом исследования является аудитория, были выделены направления работы со зрителями региональных телеканалов в соответствии с методологией Л. Г. Свитич [12]. В ходе исследования учитывались состав и структура аудитории региональных телеканалов Севастополя; факт обращения к СМИ, регулярность и интенсивность использования, реально выбираемые каналы и новостные телепередачи; проблемно-тематические, жанровые интересы зрителей; уровень удовлетворенности местными телеканалами и их новостной продукцией; активность во взаимодействии с телеканалами; эффекты воздействия на аудиторию. Приемами исследования стали анкетирование и Интернет-опрос.

В результате анализа было определено, что в этическую прецедентосферу севастопольского телевидения обязательно входит тема героического исторического прошлого города. В каждом выпуске новостей исследуемых телеканалов непременно присутствует сюжет на историческую тематику. В 100% случаях эти сообщения имеют позитивную окраску.

В контексте исторической тематики телеканалы часто демонстрируют различные стороны жизни ветеранов и пенсионеров. Хотя севастопольские журналисты делают акцент на патриотизме горожан и заботе о ветеранах, тем не менее, 32% сообщений о жизни данного слоя населения носят острый проблемный характер.

Тема культурной жизни представлена на трех телеканалах достаточно полно и разнообразно. Около 85% культурных новостей на севастопольских телеканалах радуют зрителей теплой и душевной манерой подачи.

Проблемы социально-экономического и политического типа предполагают несколько этапов их разработки. Первый этап включает рассмотрение актуальности проблемы, ее достоверности, эксклюзивности; второй этап представляет

эмоциональную оценку воссоздаваемой картины действительности. К примеру, 83% новостей на социальную тематику телеканала «Первый севастопольский» имеют негативную эмоциональную окраску. Другой телеканал – НТС – предпочитает представлять тот же вид информации в позитивном ключе: 88% социальных событий телеканал освещает с позитивной, жизнеутверждающей позиции. Журналисты телеканала СТВ успешно балансируют между позитивной и негативной манерой подачи новостей: 50% социально-политических сюжетов не оставляют у зрителей неприятного осадка и ощущения безысходности. Согласно результатам нашего социологического исследования именно новостным выпускам телеканала НТС отдают предпочтение 31% респондентов.

Изучение тематического наполнения наиболее популярных новостных программ регионального телевидения Севастополя, таких как информационная программа канала СТВ «Наше время», информационная программа НТС «Севинформбюро», блок новостей «Пульс города» телеканала «Первый Севастопольский», и их соответствия потребностям и запросам аудитории выявило расхождения между тематическим наполнением новостных блоков и зрительскими ожиданиями. Так, очевидна востребованность новостей молодежной направленности (17% заинтересованных зрителей и 5% информационного продукта в структуре передачи), семейной тематики (соответственно 10% и 3,8%), новостей из сферы массовой культуры (соответственно 10% и 2,3%). В то же время наблюдается переизбыток информационных сообщений социально-политической и экономической направленности (6% зрителей и 22,3% сообщений), информации об учебных заведениях (7% зрителей и 12,9% сообщений). Объем информации по исторической, культурно-познавательной, военной (новости о военнослужащих) тематике на указанных телеканалах соответствует запросам аудитории.

Анализ соответствия новостных передач этическим нормам и оценкам жителей города Севастополя выявил, что 51% зрителей отмечали случаи нарушения этических принципов журналистской деятельности. 43% зрителей недовольны информацией, по их мнению не соответствующей действительности и не сопровождающейся дальнейшим разъяснением или опровержением. Нарушениями названы демонстрация либо описание в телепрограммах чрезмерной жестокости и насилия (19%), бестактное отношение к пострадавшим, а также к их родным и близким (16%), сообщения о попытках самоубийства (10%), информация о частной жизни публичных людей и излишне сенсационная подача материалов об открытиях и достижениях в области медицины (по 6%). Причиной подобных нарушений реципиенты считают халатное отношение местных тележурналистов к своим обязанностям.

Доверие аудитории – один из основных показателей успеха регионального телеканала. Аудиторию телеканала СТВ составляют в основном люди старше 55 лет (65%), активно заинтересованные в социальной и политической жизни города. От 55% до 65% респондентов считают, что телеканал не учитывает интересы молодежи, детей и интеллигенции. При этом зрители телеканала довольно высоко оценивают как работу редакции в целом, так и работу её новостного отдела.

Респонденты указали на достаточно высокое соответствие (46%) телеканала НТС аудитории семейного типа. Молодая часть респондентов (27%) доверяет телеканалу НТС, считая, что новостной блок телеканала наиболее объективно и оперативно освещает городские события. 25% опрошенных отметили, что и члены их семьи смотрят НТС больше других региональных телеканалов Севастополя. Отдавая предпочтение НТС, севастопольцы, тем не менее, остаются заинтересованными в улучшении качества телепередач, поэтому отмечают существующие недостатки: большое количество рекламы и коммерческой информации (45%), невнимание к интересам молодежи (45%) и детей (40%), неактуальность тем и ориентация на

небольшой сегмент зрительской аудитории (35%).

Именно телеканалу «Первый севастопольский» отдает предпочтение молодая часть аудитории. Около 80% респондентов в возрасте от 16 до 25 лет узнают региональные и городские новости на данном телеканале. В то же время респонденты телеканала хотели бы видеть на севастопольском телевидении сюжеты развлекательного характера, а также новости из сферы массовой культуры и шоу-бизнеса.

Мы видим, что, этическая прецедентосфера СМИ определяется тематическим наполнением информационных программ и формируется за счет баланса количества позитивных и негативных сообщений. Прецедентосфера севастопольских телекомпаний определяется сюжетами на исторические темы и о культурной жизни города, которые в 100% случаев характеризуются жизнеутверждающей манерой подачи информации и отвечают потребностям аудитории и социокультурным особенностям города. Очевиден избыток социально-политических новостей (около 70% сообщений) с негативной информационной и эмоциональной составляющей. Тема происшествий также является одной из часто упоминаемых местными телеканалами, что не соответствует представлениям реципиентов об этике и гуманности. 51% респондентов указали, что встречали на местных телеканалах Севастополя случаи нарушения правовых и этических норм деятельности журналистов. 21% респондентов в возрасте от 16 до 25 лет не смогли участвовать в исследовании, аргументировав этот тем, что не смотрят региональное телевидение Севастополя, считая его продукцию недостаточной и объективной, и качественной. От 40 до 70% зрителей разных телеканалов Севастополя отметили, что их тематическое наполнение не соответствует интересам детей и молодежи.

Вывод. Исследование показало, что региональные телеканалы Севастополя сочетают в себе признаки качественного, этически адекватного телевидения со стандартами «желтой» прессы, где основное воздействие на зрителя оказывают элементы шока, и обладают значительными ресурсами для дальнейшего развития.

Список литературы

1. Владимирский Николай. Як з гуся вода // Н. Владимирский // Телекритика. – 2009. – URL: <http://www.telekritika.ua/tebachennya-region/2009-07-03/46575> (дата обращения: 13.06.2014).
 2. Ворошилов В. В. Журналистика: учебник / В. В. Ворошилов. – 2-е изд. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2000. – 336 с.
 3. Гудков Д. Б. Прецедентные феномены в языковом сознании и межкультурной коммуникации / Д. Б. Гудков: дисс... доктора филол. наук. – М., 1999. – 400 с.
 4. Зверева Н. В. Школа регионального тележурналиста: учебное пособие / Н. В. Зверева. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 320 с.
 5. Корнилов Е. А. Классификация социокультурных моделей журналистики / Е. А. Корнилов // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 1999. – №1. – С. 3-15.
 6. Кузнецов Г. В. Так работают журналисты: учебное пособие / Г. В. Кузнецов. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – 143 с.
 7. Лазутина Г. В. Профессиональная этика журналиста: учебное пособие / Г. В. Лазутина. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 208 с.
- Международные принципы журналистской этики. ЮНЕСКО, 1983. URL: <http://www.proobraz27.ru/upload/medialibrary/a99/ovberdkmepxvxhbckqhqeiesfm%20qpsoohkqlbtvoxll%20tituldltpbyihkyxdnlkxcwzvsntdzn%20mshxvsqois%20mq%20zxpwwacilakizgamaelnqdzunz.pdf> (дата обращения: 20.06.2014).

Население Севастополя – национальный состав, язык и т.д. // Информационный медиапортал Севастополь. – 2012. URL: http://sevastopol-tv.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=5333:nasjeljenije-sjevastopolja-%20nacionalnyj-sostav-jazyk-i-td]. (Дата обращения: 04.04.2013).

Новости Крыма. О Крыме пишут негатив // Новости Крыма – 2013. URL: <http://news.allcrimea.net/news/2013/3/10/1362904200/> (Дата обращения: 10.03.2013).

Рэндалл Д. Универсальный журналист / Д. Рэндалл. – СПб.: Национальный институт прессы, 2000. – 120 с.

8. Свитич Л. Г. Социология журналистики: учебное пособие / Л. Г. Свитич. – М.: ИМПЭ им. А. С. Грибоедова, 2005. – 119 с.

Хартия телерадиовещателей. – URL: <http://www.mediasprut.ru/info/pravo/moral.shtml#hart> (Дата обращения: 10.06.2014).

Цвик В. Л. Телевизионная журналистика / В. Л. Цвик. – М.: Юнити-Дана, 2009. – 496 с.

Швейцер А. Культура и этика; [пер. с нем Н. А. Захарченко и Г. В. Колшанского] / А. Швейцер. – М.: Прогресс, 1973. – 343 с.

Энциклопедический словарь / под ред. Р. Г. Апресяна и А. А. Гусейнова. – М.: Гардарики, 2001. – 671 с.

Valeieva L. Ethical pretsedentosfera of news journalism on Sevastopol TV // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 2. – P.111-117

The article defines the concept of «ethical pretsedentosfera» and describes its components for the modern television journalism. The results of the research content of news programs leading TV channels of Sevastopol and revealed them to the specific nature and expectations of the audience.

Keywords: *ethics, television journalism, news information, Sevastopol TV.*

Поступила в редакцию 01.10.2014 г.

УДК 811.161:070

**«Крымскотатарский компонент» образа Крыма в американских СМИ
(Крымская весна 2014 года)**

Мащенко А. П.

*Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Республика Крым
amas69@yandex.ru*

Одной из существенных характеристик, формирующих образ Крыма в современных американских медиа, является наличие на полуострове сравнительно многочисленного крымскотатарского населения. Это, с одной стороны, определяет уникальность региона, а с другой, является мощным конфликтогенным фактором, который используется определенными политическими силами на Украине и за рубежом для поддержания напряжения на полуострове. Чаще всего крымскотатарская тема возникает на страницах американских медиа в конфликтные, переломные моменты новейшей крымской истории – такие, как Крымская весна 2014 года, завершившаяся воссоединением полуострова с Россией.

Ключевые слова: Крым, Украина, Россия, США, крымские татары, образ, средства массовой информации.

Постановка проблемы. Крым всегда находился в сфере пристального внимания крупнейших мировых держав. Доказательством тому в прошлом – борьба за полуостров между Османской и Российской империями, Крымская война 1853-1856 годов, крымские страницы Второй Мировой войны и многие другие исторические события. Доказательством тому в настоящем – события Крымской весны, воссоединение полуострова с Россией, которое на несколько месяцев стало главной темой всех крупнейших мировых средств массовой информации.

В мае 2014 года гражданская война на материковой Украине отодвинула крымскую тему в мировых медиа на второй план, однако она не исчезла и не исчезнет из сферы их внимания на протяжении ближайших лет, а может быть и десятилетий, в течение которых Крым, весьма вероятно, будет существовать в составе России как частично признанная международным сообществом территория.

Крымскотатарский вопрос находится в сфере внимания Западного мира и, соответственно, западных средств массовой информации на протяжении всего постсоветского периода истории Крыма. Однако наиболее ярко их интерес к полуострову проявляется в переломные моменты – такие, как раздел Черноморского флота, президентство Юрия Мешкова, кризис на косе Тузла, российско-грузинская война 2008 года и конечно – весна 2014 года, завершившаяся воссоединением Крыма с Россией. Освещению этого события и посвящена настоящая публикация.

Анализ последних исследований по проблематике работы. В последние годы в научном обороте появляется достаточно много работ, исследующих образ или имидж государств и регионов. Назовем хотя бы таких авторов, как Д. Гавра, Э. Галумов, Д. Замятин, И. Киселев, Г. Почепцов, А. Савицкая, Ю. Таранова. Однако в то же время

исследования этих и других ученых носят либо общий теоретический характер, либо изучают другие государства и регионы.

Одновременно следует указать на наличие значительного количества работ разного качества и разной аксиологии, посвященных тем или иным аспектам «крымскотатарского вопроса»: начиная с трудов В. Возгрин, М. Губогло, С. Червонной и продолжая работами Г. Бекировой, М. Хайрутдинова, Н.Белицер, И. Семиволоса, О. Бодрука, В. Елагина, О. Габриэляна, В. Петрова, С. Ефимова, В. Зарубина, А. Никифорова, А. Мальгина, О. Романько. Но и эти исследователи не касаются в своих работах анализа «крымскотатарских публикаций» ведущих американских и шире – западных средств массовой информации.

Соответственно, *цель* данной статьи заключается в том, чтобы изучить влияние «крымскотатарского фактора» на формирование в средствах массовой информации Соединенных Штатов Америки образа Крыма в дни Крымской весны 2014 года.

Для достижения этой цели нам предстоит решить следующие *задачи*:

- систематизировать «крымскотатарские публикации» ведущих американских печатных медиа в дни Крымской весны;
- определить причины интереса ведущих американских СМИ к крымскотатарской теме именно в этот исторический момент;
- проанализировать, как американские медиа описывают и оценивают крымскотатарскую историческую, политическую и культурную составляющую, «крымскотатарский компонент» Крыма в дни Крымской весны;
- проанализировать, какой видится ведущим американским СМИ роль крымских татар после воссоединения полуострова с Россией.

Анализ публикаций ведущих американских печатных СМИ показывает, что на протяжении всех последних лет Крым рассматривался ими как некая спорная территория между Украиной и Россией, потенциальная горячая точка, на которую постоянно «примеряли» сценарии различных конфликтов – чеченского, абхазского, приднестровского, косовского и т.д., и т.п. Следует признать, история доказала - пусть отчасти, но эти «примерки» имели под собой основания. В феврале-марте 2014 года полуостров потрясли события так называемой Крымской весны, в результате которых Республика Крым и город Севастополь перешли в состав Российской Федерации.

Воссоединение с Россией получилось почти бескровным – это, кстати говоря, признают и транснациональные медиа, большинство из которых трудно заподозрить в симпатии к «сепаратистскому Крыму». Тем не менее, локальные столкновения – сначала 28 февраля, накануне захвата зданий парламента и правительства Республики, а затем при взятии под контроль базировавшихся на полуострове украинских воинских частей - все-таки происходили. Ну и, безусловно, во время событий Крымской весны был риск превращения полуострова в по-настоящему горячую точку. «Важная морская база, управляемая другим государством, сообщество патриотически настроенных военных пенсионеров, многонациональная мозаика, слабое государство и конкурирующие национальные мифологии – эта смесь является причиной того, что крымский конфликт выглядит кошмарным сценарием... и сейчас представляет собой самый серьезный кризис в Европе с момента окончания Холодной войны» [13], - писала «Нью-Йорк Таймс».

Рассмотрим, как американские медиа описывают «крымскотатарский компонент» Крыма в дни Крымской весны, на примере конкретных публикаций.

Исторические события февраля-марта 2014 года, приковавшие к полуострову внимание всего мира, стали мощнейшим катализатором крымской и крымскотатарской темы в западных медиа. В те дни на полуострове работали журналисты всех ведущих американских изданий – «Нью-Йорк Таймс», «Вашингтон Пост» и многих других. С одной стороны, в их публикациях эпохи Крымской весны, как в капле воды,

отразилась вся крымскотатарская проблематика минувших постсоветских лет. С другой, старые, привычные темы зазвучали острее и тревожнее.

«Со времен коллапса Советского Союза в 1991 году Крым, очаг напряженности, характеризующийся этническими, политическими и религиозными различиями, периодически переживал вспышки пророссийских страстей, которые в конце концов терпели фиаско» [11], - напоминает «Нью-Йорк Таймс». Февральские события, по крайней мере, поначалу, кажутся изданию такой же обреченной на фиаско попыткой. Газета цитирует Рефата Чубарова, который «предупреждает, что любое голосование об отделении Крыма от Украины будет очень опасным» [12] и обвиняет пророссийские силы в ночном захвате правительственных зданий, характеризуя это как «прямое вмешательство в дела Крыма и Украины» [12].

При этом издание подчеркивает, что захват правительственных зданий произошел через несколько часов после того, как «тысячи крымских татар... и толпа этнических русских устроили соперничающие митинги перед крымским парламентом. Митинги, закончившиеся хаотичной рукопашной схваткой с несколькими ранеными, и сорвавшие сессию регионального парламента, которую хотели провести пророссийские группы, чтобы объявить об отделении Крыма от Украины» [12]. «Это первый шаг к гражданской войне» [12], - цитирует «Нью-Йорк Таймс» Игоря Бакланова - одного из рядовых участников событий.

Описывая настроения крымских татар, газета утверждает, что большинство из них хочет, чтобы Крым оставался частью Украины: «Крымскотатарское население, которое было депортировано Сталиным, в большинстве своем хочет, чтобы регион оставался частью Украины, и, традиционно очень мирное, начинает сейчас организовывать отряды самообороны, чтобы противостоять возможным атакам русских активистов» [11].

Таким образом, «Нью-Йорк Таймс» констатирует наличие конфликта между крымскими татарами с одной стороны и русскоязычным большинством населения полуострова – с другой. При этом издание находит параллели между Крымской весной и событиями 2008 года: «Сразу не было ясно, какую именно роль сыграла (и сыграла ли) Россия в организации мятежа, но ситуация здесь в чем-то похожа на ситуацию, которая ранее складывалась в таких регионах, как Абхазия и Южная Осетия, где преимущественно пророссийское население откололось от Грузии, такой же бывшей советской республики, как Украина, чтобы стать российским протекторатом» [11].

В то же время, по мнению эксперта «Вашингтон Пост» Оксаны Шевель, контролировать Крым России будет сложнее. И причиной тому – крымские татары: «Контролировать Крым России будет сложнее, чем Южную Осетию, Абхазию и Приднестровье. Главная причина – крымские татары... Они представляют собой хорошо мобилизованную единую проукраинскую группу, которая противостоит пророссийскому сепаратизму на полуострове» [16].

«Оглядываясь в прошлое, на референдум о независимости 1991 года, весьма вероятно, за небольшое преимущество в пользу независимости Украины при голосовании в Крыму надо благодарить именно крымских татар. С тех пор крымские татары и их представительный орган, Меджлис, сотрудничают с проукраинскими политическими партиями. Лидеры Меджлиса Мустафа Джемилев и Рефат Чубаров являются членами украинского парламента, избранными по спискам украинских националистических партий, таких как «Рух» в 1990-е и «Наша Украина» позже [16], - объясняет Шевель. - 26 февраля, за день до того, как крымский парламента был захвачен вооруженными людьми, крымские татары провели большой митинг возле парламента, который был больше, чем аналогичный пророссийский митинг. Ни в одном из других отделившихся регионов такой мобилизованной группы, выступающей против российского захвата, нет» [16].

«С советских времен попытки расколоть крымскотатарское движение и убедить кого-то из татар поддержать просоветскую, а позже пророссийскую идеологию не увенчались успехом, - рассказывает Шевель и цитирует Джемилева, который говорит, что «крымские татары не доверяют России и хотят, чтобы Крым оставался с Украиной» [16]. «Крымские татары известны историей ненасильственного сопротивления, - утверждает автор, - а Джемилев является лауреатом медали Нансена за десятилетия мирной борьбы за права крымских татар. Пока крымские татары не выходят на улицы, а их лидеры, так же, как и украинские лидеры в Киеве, сохраняют похвальную сдержанность. Но если Россия не отступит и попытается аннексировать и удержать Крым, очевидно, что мы увидим устойчивую и мобилизованную оппозицию крымских татар» [16].

«Аннексия может привести к росту межобщинного насилия и нестабильности на полуострове» [19], - констатируют в свою очередь другие эксперты «Вашингтон Пост» Елена Яковлева-Голани и Надежда Кравец.

Американские СМИ детально описывают страхи крымских татар перед Россией (заметим здесь в скобках, что описания страхов русских перед националистическим киевским режимом, пришедшим к власти на Украине в феврале 2014 года, мы в этих изданиях не обнаружим или практически не обнаружим).

Татары рассказывают корреспонденту «Вашингтон Пост» Памеле Констебл, что они боятся оказаться после референдума под ударом. По их словам, в Бахчисарае неизвестные люди отметили дома крымских татар крестами. «Мы не знаем, что произойдет, но все боятся, - говорит 55-летний администратор железной дороги Талят Апастаник. – У нас были хорошие отношения с нашими соседями, но я не могу гарантировать, что они будут меня защищать» [4].

Констебл описывает нервное напряжение, царящее среди крымских татар накануне референдума. «В старинном крымском городе с населением в 25 тысяч человек (Бахчисарае – автор.), окруженном яблоневыми садами и находящемся в тени изящных минаретов, мало признаков напряжения, которое охватывает его жителей – татар. Однако внутри их домов, кафе и мечетей у каждого татарина есть пугающая история о том, как они встречают вероятную аннексию той страной, чьи правители однажды оправили их в изгнание. Домохозяйка рассказывает о мужчинах, которые ночью на прошлой неделе нацарапали крест на воротах ее дома. Владелец магазина описывает чиновника, который забрал его украинский паспорт и сказал, что он получит российский после воскресного референдума об аннексии Крыма. Мусульманский священник говорит, что верующие по очереди охраняют их мечеть от заката до рассвета» [5].

«Никто не спит всю ночь, - цитирует автор публикации имама Мусу Назиза. - Российские власти говорят, что они будут уважать нас, но как мы можем им верить? Наш район полон их войск, ожидающих приказа. Если они придут за нами, мы на этот раз не уйдем. Мы будем защищаться» [5].

Другая героиня статьи, Ленора, говорит журналистке: «Мы просто хотим избежать бойни, но это земля наших предков, нам некуда отсюда идти. Если они снова попробуют нас депортировать, пусть лучше они убьют нас здесь» [5].

Констатируя, что подавляющее большинство жителей полуострова действительно поддержало воссоединение с Россией, американские медиа указывают на особое мнение крымских татар. «Вашингтон Пост» рассказывает о бойкоте референдума со стороны лидеров меджлиса и большинства их соотечественников: «Многие люди в Крыму – многонациональном регионе с населением около двух миллионов человек – не слишком счастливы в связи с перспективой аннексии, но только татарские лидеры объявили об официальном бойкоте референдума» [5].

Возникает в эти дни на страницах американских медиа и тема сотрудничества крымских татар с гитлеровцами в годы Великой Отечественной войны: «Российские власти и их помощники в Крыму оживили старые обвинения против татар, которые остро резонируют с местными этническими русскими: после Второй Мировой войны диктатор Иосиф Сталин обвинил татар в симпатиях к фашистам и отправил их в изгнание в Среднюю Азию. Москва сейчас бросает эти обвинения против татар и этнических украинских групп, которые поддерживают недавнее восстание в Киеве, называя новых лидеров Украины «фашистской хунтой» [5].

За день до референдума «Вашингтон Пост» описывает публичные протесты крымских татар: «На окраине столицы сотни протестующих выстроились вдоль автомобильной трассы, держа проукраинские лозунги и бледно-голубые флаги крымских татар, мусульманского меньшинства, которое заявило о бойкоте референдума» [6].

«Мы хотим оставаться с демократической Украиной. Мы 20 лет живем в свободной стране и не хотим назад в землю ГУЛАГа», - говорит Гульнара Аджисалиевна, 53-летний библиотекарь татарского происхождения, которая выросла в ссылке. Она держит написанный от руки плакат, который гласит: «Стоп незаконному референдуму!» [6].

Непосредственно в день референдума «Нью-Йорк Таймс» рассказывает о том, что большинство крымских татар не пошло голосовать, а остались дома: «Граждане, несогласные с присоединением к путинской Российской Федерации, особенно крымские татары, мусульманский тюркский народ с историей преследований Россией, в основном предпочли остаться дома, а не участвовать в том, что они называют сфальсифицированным голосованием» [9].

Сообщая о результатах референдума, американские СМИ пишут: «Чиновники избиркома сообщили, что проголосовали 82,7 процента избирателей. Но многие оппоненты референдума не голосовали: лидеры крымских татар, например, призывали их сообщество бойкотировать референдум, и многие этнические украинцы тоже заявили, что не голосовали» [14]. «Большинство крымских татар, мусульманского меньшинства, судя по всему, не пришли на избирательные участки. На некоторых из них, по словам членов комиссий, к обеду не было зарегистрировано ни одного татарина. Некоторые татары угрюмо сидели в своих гостиных, смотря телевизионные новости, а другие приняли участие в организованном «вареничном протесте», делая татарские равиоли с сыром и угощая ими соседей» [14].

Герои репортажа «Вашингтон Пост» сомневаются в подлинности результатов референдума: «Эти цифры не могут быть верными, - сказал Мустафа Аблязов, член Симферопольского совета крымских татар. - Было очевидно, что они заранее решили все фальсифицировать. Для татар это большая угроза. Мы безоружный и законопослушный народ, но как мы можем терпеть такие вещи?» [15].

Точно также подвергает сомнению результаты референдума и эксперт «Вашингтон Пост» Илья Сомин: «Крайне маловероятно, чтобы при свободном голосовании 96,7% избирателей проголосовали «за», учитывая, что население Крыма включает крупные меньшинства украинцев и крымских татар, которые большей частью сопротивлялись возвращению российского правления» [18].

По мнению американских медиа, референдум грозит расколоть многонациональное крымское сообщество. Одна из публикаций в «Нью-Йорк Таймс» называется «Крым – следующая Югославия?» «Завершает балканскую параллель группа, которая боится, что российский контроль может вылиться в прямое угнетение, так же, как боснийцы боялись сербского правления. В Крыму это татары, мусульманская этническая группа, которая пострадала от депортации и массовых казней во время правления Сталина» [3], - пишет газета.

Дополнительной угрозой, которая может спровоцировать конфликт, издание считает радикалов-исламистов. «Как насчет мнимых друзей из царства джихада, которые могут посчитать защиту крымской родины их братьев стоящим делом?» [3], - вопрошает журналист.

Ответ на этот вопрос он ищет у Фазила Амзаева, руководителя пресс-службы украинской организации «Хизб ут-Тахрир», запрещенной во многих странах мира, в том числе, и в России. «Мы не хотим халифата здесь, в Крыму, - заверяет Амзаев, - мы хотим мира», но в то же время соглашается: «Простого впечатления, что мусульмане находятся под ударом, может быть достаточно для того, чтобы горячие головы ринулись в Крым. Опасность есть. Если это произойдет, даже Путин не будет в состоянии контролировать ситуацию» [3].

О вероятности такого развития событий рассказывает и «Вашингтон Пост» устами Мустафы Джемилева: «У нас есть исламисты, ваххабиты, салафисты и представители других течений, которые воевали в Сирии... Мы не можем остановить людей, которые хотят умереть с честью» [5].

«Этот джихадистский испульс, предупреждают эксперты, может легко зажить своей собственной жизнью, провоцируя межнациональное и межконфессиональное насилие в регионе, где этнические русские, татары и представители других национальностей мирно живут на протяжении многих лет» [5], - констатирует «Нью-Йорк Таймс».

В свою очередь, журналист «Вашингтон Пост» Фред Хайетт цитирует в своей статье другие слова Мустафы Джемилева: «Мы не христиане, если они ударят нас по одной щеке, мы не можем гарантировать, что мы подставим другую. Мы попробуем отрубить руку, которая бьет нас» [10].

После того, как становится ясно, что референдум состоялся и Россия решила принять Крым в свой состав, американские медиа начинают анализировать последствия. Для них (равно как, кстати, и для какого-то количества крымских татар) воссоединение Крыма с Россией часто представляется чем-то вроде возвращения назад в СССР: «Я встречалась в Крыму со многими татарскими семьями, и все они рассказывали истории о советских преследованиях... Они были единственными крымчанами, которые использовали слово «ГУЛАГ», и многие из протестных лозунгов содержали это слово, написанное заглавными буквами. Во многих обеспокоенных разговорах крымские татары предупреждали о грядущих репрессиях» [8], - пишет журналистка «Вашингтон Пост» Памела Констебл.

Сразу после подписания договора о воссоединении Крыма с Россией в этой газете выходит статья, построенная на намеренном контрасте: пока русские пляшут и поют, радуясь воссоединению с Россией, татары хоронят одного из своих соотечественников - референдум разделяет их еще и таким образом.

«В Севастополе, самом русском городе в Крыму, тысячи людей танцуют и поют после подписания во вторник договора о соединении Крыма с Россией. А на мусульманском кладбище за Симферополем сотни человек пришли на похороны татарина, которого в последний раз видели, когда его после акции протеста забирали люди в военной форме» [7].

Татарские лидеры, пишет издание, боятся, что убийство Решата Аметова – часть новых репрессий, направленных против крымских татар, которые решительно выступают против того, чтобы Крым стал частью России.

Еще одна крымскотатарская тема американских СМИ: попытки России и Украины привлечь татар на свою сторону, обещая им те или иные преференции. Материал политолога Оксаны Шевель в «Вашингтон Пост» так и называется: «Чтобы усилить свои притязания на Крым, Россия и Украина обхаживают крымских татар».

«Российская аннексия Крыма быстро стала новой реальностью, - пишет эксперт. - Но битва за Крым не окончена, даже если в ближайшие годы она будет вестись не оружием, а юридическими и дипломатическими методами. В этой юридической битве крымские татары могут оказаться важным «капиталом», несмотря на то, что они составляют только от 12 до 15 процентов крымского населения» [17].

С самого начала конфликта и Москва, и Киев пытаются обхаживать крымских татар, констатирует Шевель. «Для Путина и России получить если не прямую поддержку, то, по крайней мере, отсутствие открытой оппозиции российской аннексии Крыма со стороны крымских татар было важно по нескольким причинам, - пишет эксперт. - Во-первых, оппозиция крымских татар аннексии ставит под сомнение образ России, идущей навстречу ошеломляющему местному требованию единства. Во-вторых, вероятность вооруженного сопротивления крымских татар... полностью не исключена, поскольку... среди них есть радикальное меньшинство» [17].

Среди предложений, сделанных Россией крымским татарам, - декларация «О гарантиях восстановлении прав крымскотатарского народа», гарантировавшая государственный статус крымскотатарского языка и как минимум двадцатипроцентное представительство татар в органах государственной власти в Крыму. Однако, констатирует Шевель, «морковка, предложенная Россией и пророссийскими лидерами Крыма, не поколебала крымскотатарскую оппозицию референдуму и аннексии Крыма» [17].

«В своем обращении 18 марта, цитируя официальные итоги референдума, согласно которым более 96 процентов крымчан одобрили присоединение, Путин заявил, что этот результат показывает, что крымские татары «тоже склоняются к России». Крымскотатарские лидеры, однако, говорят, что меньше одного процента крымских татар приняли участие в референдуме, и заявляют, что в общей сложности только 34 процента крымчан проголосовали за присоединение к России» [17].

Причина, по которой крымские татары не соблазнились российскими предложениями, связана с недостатком доверия в обещания, идущие от пророссийских сил Крыма и от России, утверждает эксперт, поскольку на протяжении предыдущих 20 лет местные элиты решительно противились тем мерам, которые они сейчас предлагают. При этом «крымские татары не доверяют не только пророссийским властям Крыма, но и России. Это недоверие имеет глубокие корни, которые следует искать в депортации 1944 года» [17].

Российские попытки добиться расположения крымских татар не остались незамеченными на Украине, замечает автор. «Как единственная мобилизованная и активная проукраинская сила на полуострове, крымские татары являются бастионом проукраинских настроений в Крыму со времени обретения Украиной независимости, - пишет он. - Но Украинское государство с неохотой встречало ключевые политические требования крымских татар, так как для него важнее было умиротворять гораздо более многочисленный русский электорат» [17].

Однако российское вторжение и референдум о сецессии драматически изменили эти политические расчеты, утверждает Шевель: «В этом контексте киевские элиты наконец-то сделали то, чего крымские татары добивались почти двадцать лет. 20 марта украинский парламент принял резолюцию, признающую крымских татар коренным народом, а также признающую их право на самоопределение в Украине и признающую Курултай и Меджлис представительными органами крымских татар» [17].

По мнению эксперта, эти шаги вряд ли изменят новую реальность, в которой сегодня живут крымские татары, но могут предложить дополнительный набор аргументов в дальнейшем юридическом и политическом споре за Крым. «В затяжном

противостоянии между Россией, Украиной и Западом из-за статуса Крыма крымские татары будут продолжать играть важную роль» [17], - делает вывод Шевель.

Неслучайно позиция крымских татар или, точнее, Меджлиса крымскотатарского народа после воссоединения Крыма с Россией также оказывается в центре внимания американских медиа. 26 марта «Вашингтон Пост» публикует материал, посвященный сессии Курултая. Начинается статья с ритуального упоминания о депортации, а затем автор рассказывает об опасениях крымских татар после «поглощения Россией» опять потерять свою землю. «Россия предлагает нам много хороших вещей. Но мы понимаем сущность российской империи, потому что мы являемся ее жертвами, - цитирует издание Зевгета Кутумерова. – Если Путин велит, они переступят завтра через любой закон. Вот чего мы боимся» [1].

«Лидеры крымскотатарского меньшинства собрались в субботу, чтобы осудить российскую аннексию полуострова и обратиться к международным организациям за признанием их как автономной группы» [2], - рассказывается в еще одном материале, опубликованном в «Вашингтон Пост» 29 марта.

«Россия трижды выгоняла нас. Она считает нас никчемными. Я не верю России» [2], - цитирует издание Айше Сетметову. «Мы, как коренной народ на этой земле, не должны сотрудничать с оккупационной властью, - говорит делегат конгресса Илвер Аметов. – Украина тоже не была нашим домом, но, по крайней мере, она была демократией. У нас есть притча о собаке, которая убежала в Москву, потому что там жизнь была лучше, но затем вернулась назад в Украину, потому что здесь ей, по крайней мере, разрешают лаять» [2].

Наконец, находит свое отражение в американских медиа и запрет на въезд в Крым лидерам Меджлиса Мустафе Джемилеву и Рефату Чубарову за провокационные, сеющие межнациональную рознь и дестабилизирующие ситуацию на полуострове высказывания и призывы. Эти решения видятся заокеанским СМИ продолжением антитатарской политики Москвы.

Выводы. Как уже говорилось, чаще всего крымскотатарские темы возникают на страницах американских медиа в переломные моменты новейшей истории полуострова. Одним из таких моментов, вне всяких сомнений, стало воссоединение Крыма с Россией.

В феврале-апреле 2014 года на полуострове работали журналисты большинства ведущих американских средств массовой информации. Одновременно события в регионе активно и подробно комментировали многочисленные эксперты – политики, политологи, историки.

В представлении американских СМИ, в дни Крымской весны «крымскотатарский компонент» был одним из главных конфликтогенных факторов, способных привести к превращению полуострова в горячую точку. В отличие от русского населения полуострова, лидеры Меджлиса и большинство их соотечественников выступили против воссоединения Крыма с Россией и бойкотировали референдум. Причиной тому, как полагают эксперты и журналисты американских изданий, историческая память о депортации, а также антитатарские настроения крымской политической элиты и значительной части населения полуострова.

В дни Крымской весны татары были напуганы, испытывали давление со стороны российских и крымских властей и ожидали едва ли не новой депортации, полагают американские СМИ. В то же время, существовала (и продолжает существовать) опасность радикализации движения крымских татар, вплоть до возникновения вооруженного сопротивления с элементами джихада.

При этом одновременно следует отметить, что американские медиа практически не уделяли (и не уделяют) внимания другой – также достаточно многочисленной - группе крымских татар, которая приняла участие в референдуме 16 марта и работает

сейчас в различных органах власти Республики. На самом деле, крымскотатарское движение далеко не так едино, как это представляется в публикациях анализируемых нами изданий.

Несмотря на фактическое воссоединение с Россией, статус Крыма и Севастополя как субъектов Российской Федерации не признан ни Украиной, ни США, ни их союзниками. И значит, борьба за стратегически важный полуостров в Черном море не завершилась. Она продолжается в юридическом, дипломатическом, информационном пространстве. При этом крымские татары видятся американским СМИ серьезным «капиталом» в этой информационной войне, и, следовательно, крымскотатарская тема по-прежнему будет находиться под пристальным вниманием ведущих американских изданий.

Перспективы дальнейших исследований. Эта статья является частью цикла публикаций, представляющих результаты исследования образа Крыма в средствах массовой информации Соединенных Штатов Америки в постсоветский период. Работа в настоящем направлении продолжается и в перспективе выльется во всестороннее исследование этого явления.

Список литературы

1. Associated Press. Land key as Crimea's Tatars discuss future plans / Associated Press // The Washington Post. – 28.03.2014.
2. Associated Press. Crimea's Tatars condemn annexation, seek autonomy/ Associated Press // The Washington Post. – 29.03.2014.
3. Bittner Jochen. Is Crimea the Next Yugoslavia? / Bittner Jochen // The New York Times. – 17.03.2014.
4. Constable Pamela. Surrounded by Russian militiamen, a Ukrainian officer says his outpost is cut off / Constable Pamela // The Washington Post. – 10.03.2014.
5. Constable Pamela. Crimea's Tatars brace for Russian annexation / Constable Pamela // The Washington Post. – 13.03.2014.
6. Constable Pamela. Crimean premier says region has the right to decide its political status / Constable Pamela // The Washington Post. – 15.03.2014.
7. Constable Pamela, Morello Carol. In Crimea, one group celebrates as another mourns / Constable Pamela // The Washington Post. – 18.03.2014.
8. Constable Pamela. In Crimea, a swell of patriotism, but what is to follow? / Constable Pamela // The Washington Post. – 19.03.2014.
9. Herszenhorn David M. Crimea Votes to Secede From Ukraine as Russian Troops Keep Watch / Herszenhorn David M. // The New York Times. – 16.03.2014.
10. Hiatt Fred. Crimea's suddenly inevitable 'sovereignty' / Hiatt Fred // The Washington Post. – 24.03.2014.
11. Higgins Andrew. Grab for Power in Crimea Raises Secession Threat / Higgins Andrew // The New York Times. – 27.02.2014.
12. Higgins Andrew, Erlanger Steven. Gunmen Seize Government Buildings in Crimea / Higgins Andrew // The New York Times. – 27.02.2014.
13. King Charles. Crimea, the Tinderbox / King Charles // The New York Times. – 01.03.2014.
14. Morello Carol. Crimeans vote in referendum on whether to break away from Ukraine, join Russia / Morello Carol // The Washington Post. – 16.03.2014.
15. Morello Carol, Constable Pamela. Crimea becomes more Russian by the hour / Morello Carol // The Washington Post. – 17.03.2014.
16. Shevel Oxana. Who are the Crimean Tatars, and why are they important? / Shevel Oxana // The Washington Post. – 01.03.2014.

17. Shevel Oxana. To strengthen claims on Crimea, Russia and Ukraine woo Crimean Tatars / Shevel Oxana // The Washington Post. – 25.03.2014.

18. Somin Ilya. The dubious Crimean referendum on annexation by Russia / Somin Ilya // The Washington Post. – 17.03.2014.

19. Yakovlev-Golani Helena, Kravets Nadiya. Is Crimean independence or annexation a good outcome for Russia? / Yakovlev-Golani Helena // The Washington Post. – 06.03.2014.

Mashchenko Aleksandr «Crimean Tatar component» of the Crimea`s image in American media (Crimean spring of 2014 year) // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 2. – P.118-127

The article shows a constant interest of the leading American media in the Crimea, systematizes publications by various media telling about this disputed area. It explains reasons for interest of American media in the fortune of the Crimea.

The article analyzes how Crimean Tatar component influences on the Crimea`s image in American media. An author says that one of the most important characteristics forming the Crimea`s image in western media is Crimean Tatars returning from deportation and struggling for their rights.

The article classifies Crimean publications of the famous American print media; designs the Crimea`s image in these newspapers and journals; analyzes how American media evaluate Crimean Tatar historical, political and cultural component of the Crimea.

The article demonstrates that powerful Crimean Tatar component on the one hand determines originality of the Crimea. But on the other hand this component turns out to be a conflict factor which provokes confrontation inside and outside peninsula.

Most often Crimean Tatar themes emerge in American media during conflict critical moments like Crimean spring in 2014 year.

Key words: *The Crimea, Ukraine, Russia, The USA, Crimean Tatars, image, media.*

Поступила в редакцию 05.09.2014 г.

РАЗДЕЛ 4. СОВРЕМЕННОЕ МЕДИАОБРАЗОВАНИЕ, СПЕЦИАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА ЖУРНАЛИСТОВ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

УДК 070:37-0.55.62

Дети и масс-медиа: перспективы украинского медиапросвещения

Хынкота Т. Н.

*Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского,
г. Симферополь, Республика Крым*

Статья посвящена важности медиаобразования в современном мире. В ней рассказывается о том, что в работе медиа есть негатив. Задача журналиста не только выявлять его, но и искать способы противостоять ему. Рассмотрено введение медиаобразования в учебные планы зарубежных и украинских школ.

Ключевые слова: медиа, медиаобразование, Телекритика, новые медиа, манипуляция, медиаграмотность.

Медиаотнимают живое общение, навязывают стереотипы и искажают информацию, демонстрируют сцены насилия в дневное время, показывают «идеальных» людей и заставляют подражать им. Нередко представители СМИ подвергают сомнению законы морали, а медиапродукция влияет на сознание человека негативным образом.

То, что медиа воздействуют на общество, особенно на детей – общепризнанный факт. Но стоит не забывать и о положительных сторонах работы медиа, а негатив учиться выявлять и препятствовать ему. Но если запретить определенной информации существовать на экранах можно, то со стереотипами, формированиями ложных установок справиться может помочь только медиаобразование. Все это и предопределило актуальность выбранной темы. Медиаобразование – это «процесс развития личности с помощью и на материале средств массовой коммуникации (медиа) с целью формирования культуры общения с медиа, творческих, коммуникативных способностей, критического мышления, умений полноценного восприятия, интерпретации, анализа и оценки медиатекстов, обучения различным формам самовыражения при помощи медиатехники» [11, с. 20].

История медиапросвещения как направления исследований началась с пониманием того, что от медиа есть негатив, и нужно искать способы противостоять ему. Дети и взрослые должны хорошо знать о влиянии СМИ, так как они присутствуют в жизни каждого человека. Так считают А.В. Федоров, А.В. Шариков и другие исследователи медиа.

Цель данной работы – анализ подходов к медиапросвещению в публикациях раздела «Media sapiens» сайта «Телекритика». В соответствии с целью были поставлены основные задачи данной работы: 1) изучить отечественный и зарубежный опыт медиапросвещения детей и подростков; 2) выявить методы борьбы общественных организаций и родителей с влиянием СМИ на детей и подростков; 3) рассмотреть позиции создателей медиапродукции в отношении соблюдения этических стандартов;

4) рассмотреть государственные решения, направленные на защиту общественной морали; 5) выявить уровень интереса к медиаобразованию в украинских школах.

Наиболее медиаобразование развито в США, Канаде, Британии и Германии. Оно прошло длинный путь, прежде чем медиапедагоги осознали, что от медиа надо не защищаться, а критически к ним относиться.

В Украине проблемы влияния медиа стали рассматриваться на рубеже 20-21 вв. Причины тому – усиление роли масс-медиа в повседневной жизни людей, социально-политический кризис, активизирующий тенденции искажения информации, грубые нарушения прав человека в СМИ, коммерциализация медиа и расширение сферы влияния массовой культуры.

В последнее время появились законы об ограничении прав медиа, а некоторые СМИ, общеобразовательные школы и родители задумались о пользе и вреде медиа и пытаются влиять на сложившуюся ситуацию. В то же время за некоторые информационные продукты, оказывающие негативное влияние на людей (особенно на детей и подростков), их создателей не привлекают к ответственности, так как принятые законы до сих пор обсуждаются и не могут найти однозначную поддержку.

«В Украине есть орган саморегулирования – Комиссия по журналистской этике (КЖЭ), действующая в качестве корпоративного института гражданского общества и рассматривающая конфликтные ситуации этического и профессионального характера, которые возникают в журналистской среде между журналистами и общественностью в связи с исполнением журналистами профессиональных обязанностей. Комиссия действует на основании Этического Кодекса украинского журналиста, принятого в 2002» [9, с. 43]. Существует и «Национальная экспертная комиссия Украины по вопросам защиты общественной морали (НЭК) – постоянно действующий государственный вневедомственный экспертный и контролирующий орган» [9, с. 45].

Однако пока еще сложно контролировать новые медиа. «Благодаря цифровым технологиям в руки обычных пользователей попали все «инструменты», традиционно находившиеся в руках профессиональных журналистов, - от традиционного набора источников информации и развлекательного контента до технических средств воспроизводства текста. Цифровые онлайн-СМИ переживают период активного возникновения и быстрого роста нового сегмента на рынке контента – пользовательского контента, что усиливает размывание массовой аудитории и способствует созданию новых активных аудиторий, которые принимают на себя часть творческих функций журналистов по созданию информации (YouTube, LiveJournal и его кириллический сегмент ЖЖ)» [8, с. 95]. Но «появление активных аудиторий – пользователей, владеющих простейшими навыками создания контента, ведет к депрофессионализации если не всей журналистики, то во всяком случае довольно заметного ее сегмента – новых медиа» [8, с. 97]. Получив медиаобразование, люди смогут самостоятельно находить качественные материалы у непрофессиональных создателей текстов.

Причины того, что на Украине нет медиаобразования в учебных планах школ и вузов связаны с тем, что это направление лишь недавно получило поддержку: в мае 2010 года была принята экспериментальная программа по медиаобразованию, и с 2011 она постепенно начала внедряться в программы школ-участниц эксперимента в разных регионах Украины.

Государственной программе по медиаобразованию предшествовали действия активистов общественных организаций, в частности, ГО «Телекритика» и «Института массовой информации». Один из популярных проектов «Телекритики» – одноименный портал и его раздел «Медиаграмотность» («Media sapiens»). Целевая аудитория этого проекта:

- 1) создатели продуктов медиа;
- 2) педагоги;
- 3) потребители медийного контента;

Миссия проекта «Медиаграмотность» заключается в том, чтобы «помочь потребителю медийного контента лучше понимать суть медиа, ориентироваться в информационном пространстве, научиться критически относиться к медийному контенту, распознавать качественную и правдивую информацию, выявлять манипулятивные попытки влиять на общественное мнение и не поддаваться им, узнать про свои информационные права и возможности их использования» [9, с. 32].

В «Media sapiens» большое внимание уделяется детям. Помимо таких разделов как «медіапросвіта», «медіапсихологія», «медіаправо», периодически пишущих о взаимодействии медиа и детей, существует отдел «Медіа і діти», материалы которого полностью о них. «Media sapiens» - это реальная помощь небезразличным людям, желающим разбираться в материалах медиа.

Институт массовой информации ставит своей целью «содействие становлению гражданского общества в Украине путем развития качественной журналистики, медиаграмотности населения и доступа к публичной информации» [10, с. 5].

Институциональные формы МО получили свое развитие в ЛНУ им.И.Франко, где медиаобразование – одна из дисциплин. В 1999 году при нем был «создан Институт экологии массовой информации под руководством Б.Потятиника, который наладил сотрудничество с американскими медиаобразовательными ассоциациями и взял курс на разработку новых подходов в области медиапедагогике» [4, с. 151].

Основная аудитория, на которую влияют медиа – это дети. Также «исследователями было выявлено, что наиболее подвержены манипулятивному (скрытому) воздействию люди конформные, стремящиеся соответствовать «правильному» поведению, склонные к так называемому «стадному инстинкту», эмоционально неуравновешенные, а также зрители со сниженной критичностью и повышенной внушаемостью» [1, с. 118]. Поэтому именно родители (особенно в отсутствие медиаобразования) должны помочь детям ориентироваться в медиа.

В данный момент сами пользователи не могут прийти к однозначному мнению и стать или сторонниками, или противниками всех медиа. Дискуссии возникают и среди тех, кто устанавливает новые законы. Соответственно, не придя к единому мнению, не вводится новый закон, и нарушения медиа остаются. Такие споры существуют не только в Украине. Например, в мае 2011 года пользователи Facebook не могли принять решение запретить детям до 13 лет регистрироваться в социальной сети или нет. Принятию единого решения в обществе мешают также технические возможности (например, сложно контролировать регистрацию детей в сети, посещение ими различных сайтов).

В последнее время создаются возможности для общения между деятелями медиа (создателями) и медиапедагогами. В 2000 году в Торонто состоялась всемирная научно-методическая конференция “Summit 2000: Children, Youth and the Media – Beyond the Millennium”. Одной из целей конференции было сближение позиций создателей медиа (журналистов, продюсеров, дистрибьюторов и авторов фильмов, телепередач и др.) и потребителей (в лице медиапедагогов).

В большинстве случаев нарушения создателей «продуктов» медиа выявляются и устраняются (как другими создателями, так и общественными организациями и т. д.). Например, с экранов телевидения исчезли игры, в которых за ответ на легкий вопрос обещали большую сумму денег. В первую очередь, обман влиял на детей.

С целью выявления уровня интереса образовательной среды к сообщениям масс-медиа и кинопродукции в рамках исследования перспектив украинского медиапросвещения в школах Симферополя был проведен опрос. В анкетировании

принимали участие школы №2, №3, №4, №12, №30, №18, №36, УВК школа-лицей «Открытый космический лицей», гимназия №9, колледж ТНУ. По результатам исследования в АРК нельзя делать выводы по всей стране. Но определенное представление составить можно.

Некоторые школы среди названных выше отказались принимать участие в опросе или возвращали анкеты незаполненными.

В ходе обработки полученных ответов (210 заполненных анкет) были сделаны следующие выводы:

1) Причины неготовности украинских школ включить в учебные планы новый предмет медиаобразование: а) непонимание смысла медиаобразования. Большинство ответчиков хотят ограничить влияние масс-медиа, но при этом не знают, как это можно осуществить; б) большинство учителей не знают сайты, телепередачи, периодические издания, которые рассказывают о взаимодействии человека с масс-медиа.

2) Однако медиаобразование в Украине нельзя считать невозможным, так как: а) учителя в большом количестве используют на своих уроках информационные технологии, хорошо разбираются в них; б) хотят больше узнавать о масс-медиа.

Украинские школы имеют возможность ввести в учебные планы новый предмет, но к этому не готовы учителя, у которых не хватает навыков осознанного взаимодействия с медиа. Однако педагоги готовы узнавать о них.

Украина осознала важность включения медиаобразования в учебные планы школ. Первые шаги в понимании медиа уже сделаны. Теперь стране не стоит повторять долгий путь развития медиаобразования в других странах, который не всегда был верным. У нее есть возможность воспользоваться чужим опытом.

Таким образом, у медиаобразования есть шансы быть в каждом образовательном учреждении.

Список литературы

1. Варганова Е.Л. Российский модуль медиаобразования: концепции, принципы, модели / Е.Л. Варганова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005. – 236 с.
2. Основы медиабизнеса / [Варганова Е. Л., Иваницкий В. Л., Макеенко М. И. и др.] ; под ред. Е. Л. Варгановой. – 2009. – 360 с.;
3. Василик Л.Д. Права ребенка и проблема насилия на российском экране / Л.Д. Василик. – М.: Изд. Наука, 2001. – 131 с.
4. Мuryюкина Е.В. Диалоговая концепция культуры как методологическая основа медиаобразования / Е.В. Мuryюкина. – К.: Изд. КНУ, 2005. – 85.
5. Найдьонова Л.А. Перспективи розвитку медіаосвіти в контексті болонського процесу: процесуальна модель медіакультури / Л.А. Найдьонова. – А.: Изд. ЧНУ, 2000. – 234 с.
6. Скуленко М.И. Убеждающее воздействие публицистики. Основы теории / М.И. Скуленко. – К.: Изд. КНУ, 1986. – 85.
7. Федоров А.В. Развитие медиакомпетентности и критического мышления студентов педагогического вуза / А.В.Федоров. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. – 124 с.
8. Федоров А.В. Словарь терминов по медиаобразованию, медиапедагогике, медиаграмотности, медиакомпетентности / А.В. Федоров. – Т.: Изд-во Таганрог гос. пед. ин-та, 2010. – 64 с.
9. Чельшева И.В. Медиаобразование для родителей: освоение семейной медиаграмотности / И.В. Чельшева. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. – 256 с.

10. International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. Vol. 14 / Eds. N.J. Smelser & P.B. Baltes. Oxford, 2001, p.9494;

11. Recommendations Addressed to the United Nations Educational Scientific and Cultural Organization UNESCO 1999, p.273-274.

Хынкота Т. М. Діти та мас-медіа: перспективи української медіапросвіти // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 27 (66). № 2. – С.128-132

Стаття присвячена важливості медіапросвіти в сучасному світі. В ній говориться про те, що в роботі медіа є негатив. Задача журналіста не тільки виявляти його, але й шукати способи протистояти йому. Розглянуто включення медіапросвіти в учбові плани закордонних та українських шкіл. Проведене анкетування на тему ставлення вчителів до цього предмету, готовності шкіл реалізувати нові потреби в навчанні.

Ключові слова: *медіа, медіапросвіта, Телекритика, нові медіа, маніпуляція, медіаграмотність.*

Khynkota T. Children and mass media: the prospects of Ukrainian media education // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 2. – P.128-132

This article is dedicated to the importance of media education in the modern world. In this article is said that working in media is a negative side. The task of the journalist is not only to find out it but also to look for the possibilities of resisting it. Introduction of media education is added to curriculum of foreign and Ukrainian schools.

Key words: *media, media education, Telecritika, new media, manipulation, media literacy.*

Поступила в редакцію 27.08.2014 г.

РАЗДЕЛ 5. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

УДК 811.161.142

Крым как доминирующий элемент в языковом сознании А. П. Чехова в последние годы жизни (на материале эпистолярного наследия писателя)

Величко Н. В.

*Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе,
г. Севастополь, Республика Крым
n.velychko.msu@yandex.ua*

В статье представлена структура и языковые средства воплощения топонимического концепта КРЫМ в крымских эпистолярных текстах А. П. Чехова, написанных в последние годы жизни.

По результатам проведенного когнитивного анализа писем А. П. Чехова концепт КРЫМ представлен в виде многомерной, иерархически организованной пропозициональной структуры фреймовой организации, как один из возможных способов «технического» представления концепта в сознании.

Ключевые слова: *Крым, языковое сознание, эпистолярное наследие, концепт, фрейм, субфрейм, слот, лингвокогнитивный и дискурсивный анализ.*

Постановка проблемы. Одной из важнейших проблем современной лингвистики является решение вопроса о способе отражения мира человеческим сознанием. Изучение языкового сознания, его структуры, презентации знаний и когнитивной семантики является приоритетным в области когнитивной лингвистики.

В исследованиях последних десятилетий разрабатывается когнитивно-дискурсивный подход к языку, в рамках которого основополагающими являются две функции языка – когнитивная и коммуникативная.

Приоритетными в области когнитивной лингвистики являются проблемы изучения языкового сознания, его структуры, презентации знаний, когнитивной семантики, что позволило соединить лексическую семантику, грамматику языка, грамматику текста и проблему языковой личности (Н. Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, С. А. Жаботинская, Л. П. Иванова, Ю. Н. Караулов, М. П. Кочерган, В. В. Красных, Е. С. Кубрякова, Дж. Лакофф, В. А. Маслова, Л. А. Петрова, Е. А. Селиванова, Н. В. Слухай, В. Н. Телия, Р. М. Фрумкина, Т. А. Яценко и др.).

Когнитивно-дискурсивный подход позволяет выявить вклад конкретного деятеля культуры в формирование русской языковой картины мира, его влияние на литературу, а также на общеязыковую систему концептов (констант культуры).

Во всякой национальной культуре есть личности, определившие ее развитие на долгие годы, воплотившие в своих текстах очень важные составляющие этой культуры, в том числе внесшие вклад в формирование топонимических концептов. К таким личностям в русской культуре относится А. П. Чехов. Тексты писателя повлияли на образ Крыма, существующий в художественном дискурсе, Крым

глазами А. П. Чехова отражен не только в его художественных произведениях, но и в его эпистолярной послепредпоследней жизни, представленным более чем 1400 письмами, написанными в Крыму, адресованными не только членам семьи, но и видным деятелям культуры, литературы, искусства. Таким образом, крымский эпистолярный А. П. Чехова является важным источником для экспликации концепта КРЫМ в индивидуально-авторском мировидении А. П. Чехова.

Актуальность исследования состоит в изучении топонимического концепта КРЫМ в языковом сознании выдающегося русского писателя А. П. Чехова.

Предметом исследования послужил Крым. В Крыму работали и отдыхали такие выдающиеся деятели русской и украинской культуры, как А.А. Ахматова, К.Д. Бальмонт, К.Н. Батюшков, О.Ф. Бергольц, В.Я. Брюсов, И.А. Бунин, В.В. Вересаев, М. Волошин, А.М. Горький, А.С. Грин, М.М. Коцюбинский, О.Э. Мандельштам, В.В. Маяковский, А.Мицкевич, Б.Л. Пастернак, А.С. Пушкин, С. Руданский, С.Н. Сергеев-Ценский, Л.Н. Толстой, А.А. Фет и А.П. Чехов, поэтому изучение восприятия Крыма представляет определенный научный интерес.

Эпистолярный текст в рамках социокультурных параметров эпохи позволяет проследить изменения развития общества и определить вклад данной личности в его развитие. Именно письма, а также дневники, мемуары, воспоминания, которые определяют как нарративные источники исповедального характера, выполняют роль в понимании специфики формирования самосознания русского общества XIX века [8, с. 82].

Эпистолярный текст, по справедливому замечанию Н. В. Сапожниковой, «обнаруживает поразительное свойство не только отражать, но и моделировать макро- (внешний) и микро- (внутренний) миры, высвечивая сокровенные тайны человеческой психики, неизбежно проговариваясь о самом потаенном между строк. Письмо – своего рода эпистолярная артикуляция, дирижирование потоками сознания [там же, с. 81].

Письма А. П. Чехова содержат информацию, позволяющую реконструировать картину мира писателя и эпохи, в которой он жил, его субъективный взгляд на окружающую действительность, индивидуально-авторский способ восприятия жизни, то есть концептуализацию мира.

Крымский период в творчестве А.П. Чехова был весьма плодотворным: за пять с лишним лет были написаны девять крупных рассказов, две пьесы. Письма А. П. Чехова не уступают художественным произведениям писателя. В них творческая натура писателя раскрывается не в меньшей степени. Нам представляется интересным выяснить, какое место занимал Крым в языковом сознании А.П. Чехова в последние годы жизни и реконструировать связанный с ним фрагмент картины мира писателя.

Анализ эпистолярных текстов крымского периода писателя, драматурга, врача по профессии и больного по статусу А. П. Чехова позволит представить его мировидение, его взгляд, понимание и восприятие Крыма в сложный для него период творческого взлета и физического недуга.

Цель статьи – выявить структуру и языковые средства воплощения концепта КРЫМ в крымских эпистолярных текстах А. П. Чехова. Сформулированная цель предполагает решение следующих исследовательских **задач**: осуществить анализ эпистолярных текстов крымского периода А. П. Чехова с целью реконструкции языкового сознания писателя; определить сферы крымских реалий, отраженные в письмах.

Для выполнения поставленных **задач** в рамках общелингвистического, когнитивного, психолингвистического, лингвокультурологического субподходов были применены такие **методы исследования**, как описательный, включающий дедуктивный и индуктивный методы, таксономический подход, приемы концептуализации,

классификации; онтологический, компонентный и дистрибутивный подходы, метод моделирования, а также концептуальный и фреймовый.

В ходе исследования было проанализировано 1396 писем, которые были написаны с сентября 1898 по май 1904 года, последних лет жизни писателя, в которых в той или иной степени отражены реалии Крыма. Это не сбор статистических данных, не документальные свидетельства, это реалистичные личные наблюдения и впечатления великого писателя, представляющие особую ценность потому, что специфика эпистолярного жанра обуславливает непринужденность и интимность общения, тем более что некогда А. П. Чехов не писал письма с расчетом на публикацию и отказывал знакомым в печатании его писем при жизни.

Крым был и остается тем уголком на земле, который всегда будет близок русскому человеку, что обусловило стремление интерпретировать его роль в языковом сознании либо как концепт, либо как ключевое слово культуры.

Исследуемый нами феномен Крым мы определяем как ключевое слово, соотносимое с концептом. К нашему пониманию ближе определение концепта как дискретного ментального образования, являющегося базовой единицей мыслительного кода человека, обладающего относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющего собой результат познавательной деятельности личности и общества и несущего комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету [7, с. 24].

В сознании носителя культуры концепт возникает лишь при условии, что новый для себя объект действительности он пропустил через себя и оценил, потому что ценность для человека и человечества представляют не все объекты действительности, а лишь те, которые представляются важными (физически, духовно) для человека.

Исследователь А. П. Люсый в монографии «Крымский текст русской культуры» «обобщил накопленный эмпирический материал, связанный с характером отображения Крыма в русской культуре, а также важностью выявления содержательных доминант ее Крымского текста» [5]. Автор утверждает, что Крымский текст возник в рамках Таврического мифа, который является южным полюсом Петербургского мифа, развивался на протяжении более двух веков, начиная с поэзии С. С. Боброва и заканчивая литературой XX века.

Исследуемые нами эпистолярные тексты А. П. Чехова составляют значительный пласт Крымского текста, а их изучение с целью выявления когнитивно-семантического вклада отдельной языковой личности (А. П. Чехова) в формирование топонимического концепта КРЫМ вносит вклад в формирование Крымского текста.

Таким образом, рассматриваемый нами топонимический концепт КРЫМ, как топоним, проявляя уникальное качество – накапливать и сохранять информацию, выступает в письмах А. П. Чехова как когнитивный знак, как сложное многомерное образование фреймовой организации, состоящее из единиц разного уровня и объема.

Предметом изучения и описания явились только те сферы, которые отражены с достаточной полнотой в исследованных эпистолярных текстах. Концепт КРЫМ в общепринятом историческом, культурном и литературном плане представлен гораздо более широким набором сфер. Дело в том, что в текстах писем не нашли отражения такие сферы, как *историческое прошлое, история народонаселения, археология и архитектурные памятники* и некоторые другие.

Концепт КРЫМ имеет сложную фреймовую организацию, представление которой начнем с имени заглавного слова.

Крым в письмах номинирован как Крым, Таврида, Крымский полуостров, название административной единицы – Таврическая губерния, с эпитетом *благословенный* (благословенный юг, благословенная Ялта), что в словаре Ожегова толкуется как

счастливый, благополучный [10, с. 43], и вместе с тем А. П. Чехов приводит сравнения с островом Дьявола: *Сижу в Ялте, как Дрейфус на острове Дьявола* (ПССиП, 2530¹), называет теплой Сибирью. *Ялта – это Сибирь!* (ПССиП, 3231). Такая неоднозначная характеристика дана писателем в разные годы: по первому впечатлению о Крыме Чехов решил, что *Крымский полуостров блестящей будущности не имеет и иметь не может.* (ПССиП, 458). Но после обоснования в Ялте, мнение переменяет: *Надо иметь дачу в Крыму на берегу, у самого моря. Через 5–10 лет здесь будет очень хорошо – конечно, не зимой, а в сезон* (ПССиП, 3085).

В структуре концепта КРЫМ обозначим базовые фреймы: «Населенные пункты Крыма», «Социально-культурная сфера», «Курортно-медицинская сфера», «Природа», которые складываются из опорных фреймов, каждый из которых содержит в своей структуре ряд субфреймов, которые, в свою очередь, включают различное количество слотов.

Таким образом, в целом система отраженных значений представляет собой обобщенную информацию о значимых для А. П. Чехова крымских реалиях, составляющих фрагмент картины мира писателя.

Когнитивный анализ писем А. П. Чехова показал, что концепт КРЫМ представлен в виде многомерной, иерархически организованной пропозициональной структуры фреймовой организации, как один из возможных способов «технического» представления концепта в сознании. Выделенные нами сферы получили расширение и наполнение единицами, которые рассматриваются как опорные фреймы, содержащие в себе субфреймы, делящиеся на слоты, что продемонстрируем на примере базовых фреймов.

Базовый фрейм **НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ КРЫМА** охватывает ойконимы Крыма. Рассмотрены и представлены только те населенные пункты, в которых бывал или останавливался А. П. Чехов и которые занимают много места в письмах писателя: Симферополь, Феодосия, Бахчисарай, Севастополь, Балаклава, на южном берегу: Гаспра, Гурзуф, Алушка, Алушта, Деревкой, Исар, Кучукой, Ливадия, Массандра, Мисхор, Мухалатка, Олейз, Ореанда, Симеиз, Форос. Особое положение в письмах занимает Ялта, где писатель прожил четыре с половиной года в лично спроектированном доме, окруженном собственноручно разбитым садом.

Анализу подверглись упоминаемые в письмах и получившие описание и характеристику такие населенные пункты, как *Феодосия, Ялта, Аутка, Кучукой, Гурзуф, Севастополь, Симферополь.*

Базовый фрейм **СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СФЕРА** состоит из двух опорных фреймов: **СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ** и **КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ**.

Опорный фрейм **СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ** представлен субфреймами “Местные жители” и “Приезжая публика”, опорный фрейм **КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ** включает такие субфреймы: “Театр”, “Книги и другие печатные издания”, “Гимназия”, “Времяпрепровождение”, которые представлены многочисленными слотами.

Субфрейм “Местные жители” получил деление на слоты по двум основаниям: по национальности (*татары, русские, турки, греки, евреи, армяне*) и сословной принадлежности (*публика, дворяне, мещане, господа, городской голова, врачи, учителя, студенты, домовладельцы и дачевладельцы*). Субфрейм “Приезжая публика” состоит из таких слотов: *отдыхающие, больные, сезонные доктора*. Субфрейм “Театр” включает слоты: *здесь театр, МХТ, сцена, галерка, партер, репетиции, актеры, режиссер, зрители, сборы, билеты, рецензии, оркестр, оперетка, труппа, пьеса*; субфрейм “Книги и другие печатные издания” представлен следующими слотами: *книжный магазин Синани, периодические издания, собрание сочинений, художественные произведения, рукописи*. Субфрейм “Женская гимназия” состоит из таких слотов: *гимназия, гимназистки, начальница, учительницы, классная дама*,
¹ПССиП, 2530 – ПССиП – Полное собрание сочинений и писем; 2530 – номер письма.

попечительный совет; субфрейм “*Времяпрепровождение*” представлен слотами *прогулки, поездки, купание, купальня, игры, пение, поездки, кейф*.

Базовый фрейм **КУРОРТНО-МЕДИЦИНСКАЯ СФЕРА** включает два опорных фрейма: МЕДИЦИНА и КУРОРТ. Опорный фрейм МЕДИЦИНА репрезентирован субфреймами “*Лечение туберкулеза*”, который включает слоты *природные факторы, лечебные заведения, благотворительные общества*; субфрейм “*Врачи*” содержит слоты *местные, приезжие*; и субфрейм “*Больные*” – слоты *состоятельные, бедные*. Опорный фрейм КУРОРТ представлен такими субфреймами: “*Инфраструктура*”, в состав которого входят слоты *жилье, пункты питания, транспортное сообщение, блага цивилизации*, и “*Времяпрепровождение*”, репрезентированный слотами *гуляния, театр, набережная, скука*.

Базовый фрейм **ПРИРОДА** складывается из опорных фреймов КЛИМАТ, РЕЛЬЕФ, МОРЕ, ФЛОРА, ФАУНА, среди которых все, кроме МОРЯ, реализованы в письмах большим числом примеров, что позволило представить их структуру в виде составных частей – субфреймов, слотов и подслотов. Опорный фрейм КЛИМАТ складывается из субфреймов “*Погода*” и “*Сезон*”. Субфрейм “*Погода*” составляют такие слоты: «температурная характеристика», «характеристика по наличию/отсутствию облачности», «характеристика по наличию/отсутствию влаги», «осадки как характеристика погоды», «характеристика по движению воздуха и водной поверхности». Субфрейм “*Сезон*” актуализируется в слотах «климатический» сезон, в составе которого выделяются лексемы, называющие времена года: зима, весна, лето, осень; «курортный» и «театральный» сезон.

Опорный фрейм РЕЛЬЕФ в письмах А. П. Чехова представлен двумя слотами, «горы» и «степь».

Опорный фрейм МОРЕ представлен собственно только лексемой море.

В структуре субфрейма “*Флора*” были выделены два слота, представляющие всю растительность: «дикорастущие» и «культурные».

Субфрейм “*Фауна*” репрезентирован слотами, которые представляют весь животный мир: «дикие» и «домашние» животные.

Выводы. Проведенный лингвокогнитивный и дискурсивный анализ позволил выявить связь знаний, заложенных в языке, с восприятием, познанием действительности адресанта писем, учесть и отразить социальные, культурные, коммуникативные, когнитивные характеристики в соответствии с системой ценностей автора писем.

По результатам проведенного когнитивного анализа писем А. П. Чехова концепт КРЫМ представлен в виде многомерной, иерархически организованной пропозициональной структуры фреймовой организации.

Результаты исследования подтвердили продуктивность лингво-когнитивного подхода при анализе эпистолярного наследия писателя, и определили необходимость дальнейшего исследования индивидуально-авторской картины мира как когнитивного феномена, влияющего на формирование общеязыкового культурного концепта КРЫМ.

Список литературы

1. Зимняя И.А. Способ формирования и формулирования мысли как реальность языкового сознания / И. А. Зимняя // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М., 1993. – С. 51-58.
2. Иванова Л. П. Кавказ в русском языковом сознании XIX – XX столетий / Л. П. Иванова. – К. : Издательский Дом Дмитрия Бурого, 2004. – 110 с.
3. Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. / Под общей ред. Е.С. Кубряковой. – М.: МГУ, 1996. – 245 с.

4. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность / А. А. Леонтьев. – М. : Просвещение, 1969. – 212 с.
5. Люсый А. П. Крымский текст в русской литературе / А. П. Люсый. – СПб. : Алетейя, 2003. – 314 с.
6. Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти т. / А. П. Чехов ; АН СССР, ИН-т мировой литературы им. А. М. Горького. – М. : "Наука", 1974. Письма, тт. 8-12.
7. Попова З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2007. – 252 с.
8. Сапожникова Н. В. «Авторский голос» как элемент эпистолярно-историософской репрезентации личности (на материалах XIX века) / Н. В. Сапожникова // Известия Уральского государственного университета. – 2005. – № 34. – С. 81–89.
9. Селиванова Е. А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации: Монографическое учебное пособие. – К. – ЦУЛ, «Фитосоциоцентр», 2002. – 336 с.
10. Словарь русского языка (1949, 22-е издание, 1990; с 1992 – "Толковый словарь русского языка", С.И. Ожегов, совместно с Н. Ю. Шведовой).
11. Яценко Т. А. Каузация в русском языковом сознании : монография / Татьяна Антоновна Яценко. – Симферополь : «ДИАЙПИ», 2006. – 478 с.

Величко Н.В. Крим як домінуючий елемент у мовній свідомості А. П. Чехова в (на матеріалі епістолярної спадщини письменника) // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 27 (66). № 2. – С.133-138

У статті представлена структура і мовні засоби втілення топонімичного концепту КРИМ у кримських епістолярних текстах А. П. Чехова, написаних в останні роки життя. У результаті проведеного лінгвокогнітивного й дискурсивного аналізу концепт КРИМ представлений у вигляді багатовимірної структури фреймової організації.

Ключові слова: Крим, мовна свідомість, епістолярна спадщина, концепт, фрейм, субфрейм, слот, лінгвокогнітивний і дискурсивний аналіз.

Velychko N. Crimea as a dominant element in A. P. Chekhov's language consciousness in his later years (on the material of the author's epistolary heritage) // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 2. – P.133-138

The article presents the structure and the linguistic means of the implementation of toponymic concept Crimea in A. P. Chekhov's Crimean epistolary texts.

The linguocognitive and discourse analysis made it possible to reveal the connection between the knowledge, contained in the language, and the author's perception, cognition of the reality, consider and reflect social, cultural, communicative, cognitive characteristics according to the author's system of values.

The concept Crimea is presented as a multidimensional structure of frame organisation, composed of basic frames: Crimean settlements, Sociocultural sphere, Sphere of resorts and medicine, Nature.

The results of the investigation confirmed the productivity of the linguocognitive approach to the analysis of the author's epistolary heritage, defined the necessity of further research of the author's individual worldview as a cognitive phenomenon.

Key words: Crimea, language consciousness, epistolary heritage, concept, frame, subframe, slot, linguocognitive and discourse analysis.

Поступила в редакцію 26.08.2014 з.

УДК 821.111-312.7

Спорные аспекты теории авторского литературного письма

Доминенко Н. В.

*Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь, dnv.crimea@mail.ru*

В статье рассматриваются спорные вопросы, касающиеся теории жанра авторского литературного письма: определения письма данного вида, а также жанровой принадлежности писательского эпистолярия.

Особенное внимание было уделено таким основополагающим признакам речевых жанров, как концепция адресата, предметно-тематическое содержание, тип экспрессивности интонации (модальность), среди которых, ведущей является концепция адресата, так как именно она отражает характер отношений корреспондентов (семейные, дружеские, любовные, профессиональные), в соответствии с которыми выбирается и формируется предметно-тематическое содержание и тип модальности всего послания.

Были изучены жанровые доминанты авторского литературного письма: концепция адресата, четкая структурированность и дейктическая проекция, появившиеся в результате взаимодействия таких конститутивных признаков письма как завершенного целостного высказывания: концепции адресата, предметно-тематического содержания и субъективно-авторской модальности.

Ключевые слова: *«писательский эпистолярый», конститутивные признаки, жанровая доминанта письма, концепция адресата, предметно-тематическое содержание, тип экспрессивности интонации (модальность).*

Постановка проблемы. В настоящее время как в отечественном, так и в зарубежном литературоведении вновь актуализируются вопросы жанра. Как известно, жанр – категория, которую относят, прежде всего, к сфере художественной литературы, однако понятие это употребляется и по отношению к литературе документальной, художественно-документальной, публицистической. Согласно заключению Т. Шмелевой, «жанр – понятие общепилологическое, относящееся ко всем видам словесности» [19, с. 58].

Писательский эпистолярый – жанр, которому в литературоведении и лингвистике посвящено немало серьезных работ, где, как правило, реконструируется его история, классифицируются типы писательского письма, обосновываются критерии, лежащие в основе каждой классификации, анализируются особенности произведений отдельных авторов, а также дается характеристика повествовательной структуры, изобразительно-выразительных средств, использованных адресантами в их письмах. В этом плане показательны труды украинских, российских и зарубежных исследователей разных лет: С. Апт [12], Л. Баткина [2], В. Гладкого [5], Б. Голдберг [22], Х. Девис [20], А. Р. Дей [21], А. Ковельмана [9], П. Квеннел [25], В. Кузьменко [10], А. Ливерганта [13], У. Льюис [23], Т. Макалей [24].

Труднее обстоит дело с теорией жанра писательского эпистолярия. До настоящего времени остается спорным и непроясненным целый ряд вопросов, касающихся

его, требующих пересмотра и дополнительного осмысления. Во-первых, что такое «писательский эпистолярный»: документ частной жизни автора или факт литературы? Какова в связи с этим значимость письма: служит ли оно лишь дополнительным источником для изучения биографии художника слова или же имеет самостоятельную литературную ценность? Во-вторых, как адресант выстраивает свой образ в эпистолярной? Совпадает ли этот образ с реальной биографической личностью или создается по законам художественной типизации? В-третьих, существуют ли «жесткие» принципы отбора фактического материала для авторских писем и какое место здесь отведено вымыслу, то есть как в пределах одного текста соотносятся документализм и художественность? Какова в связи с этим сюжетно-композиционная организация материала внутри повествования, развернутого в границах письма, как взаимодействуют здесь время реальное и фабульное, каковы особенности хронотопа писательского эпистолярного? Наконец, имеет ли авторское литературное письмо свои жанровые подвиды? И на основе каких критериев они дифференцируются?

Анализ последних исследований по проблематике работы. Образу автора в писательском эпистолярном посвящена работа Л. М. Баткина «Петрарка на острие собственного пера: авторское самосознание в письмах поэта» [2]. Отличительные особенности авторского литературного письма и художественного произведения рассматривает Н. И. Белунова в работе «Искусство эпистолярного и художественного произведения» [4]. Влиянию писем писателей на литературный процесс посвящена докторская диссертация В. В. Кузьменко «Письменницький епістолярій в українському літературному процесі 20 – 50-х років ХХ ст.» [10]. Диссертационное исследование Г. Мазохи «Письменницький епістолярій як теоретико-літературна проблема» [15], работа Л. Морозовой «Писательский эпистолярный в системе литературных жанров» [16], также представляют для нас огромный интерес.

Целью данной статьи является выявление жанровых особенностей писательского эпистолярного.

Достижение поставленной задачи сопряжено с разрешением следующих заданий: охарактеризовать спорные аспекты теории авторского литературного письма, очертить круг нерешенных вопросов, связанных с ним.

Возрастающий научный интерес к индивидуальным особенностям творческой личности способствовал тому, что такие жанры художественно-документальной прозы, как дневник, очерк, травелог, письмо, находятся в настоящий момент в центре внимания литературоведов. Вопрос о жанровой принадлежности писательского эпистолярного – один из самых дискуссионных.

Различное понимание жанровой природы письма привело к терминологической неупорядоченности. Отсутствие единой трактовки понятия «писательский эпистолярный», которое еще в начале 80-х годов прошлого столетия впервые было употреблено Е. Елиной в работе «К теории эпистолярного» [8], является одной из ключевых проблем в изучении природы жанра писательского письма вообще.

На протяжении XX столетия рядом ученых отождествлялись понятия «эпистолярный жанр», «эпистолярный», «эпистолярная литература», «эпистолиграфия», а также понятия «письмо» и «эпистола», что подтверждают многие литературоведческие словари, справочники и энциклопедии. То есть, в зависимости от понимания природы этого явления, разными литературоведами выдвигалось то или иное определение писательского эпистолярного, поэтому одна из задач данного диссертационного исследования – привести к единому логическому обоснованию существующие представления на этот счет.

В диссертационной работе «Эпистолярные формы в творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина» [8] ее автор указала на разную природу эпистолярного писателя и эпистолярной формы как таковой, что, с ее точки зрения, обусловлено разными

концепциями адресатов, однако не дала собственного определения этого явления. Не сделала этого и украинская исследовательница Г. Мазоха [15], которая, хотя и обратилась к осмыслению писательского эпистолярия в теоретико-литературном аспекте, но не предложила своей дефиниции изучаемого явления. Нам удалось выявить несколько точек зрения на «писательский эпистолярый». Например, Б. Грифцов определяет его как «выражение истинной душевной жизни писателя, с тех пор как писательство стало сознательно выбираемой профессией, и самые письма пишутся профессионально, и воспоминания пишутся профессионально» [6, с. 38].

Составителями литературоведческого словаря «NB» были выделены отдельные словарные статьи: «Эпистола, или Эпистолярная литература», «Эпистолагафия», «Эпистолярная критика». Однако авторы этих статей неправомерно отождествили эпистолу и эпистолярную литературу, предлагая понимать под ними литературные произведения, относящиеся к разным жанрам, в которых, однако, обязательно используется форма письма или послания, подчиненная законам художественной условности. Украинские ученые В. Лесин и О. Пулинец попытались разграничить понятия «письмо» и «эпистолярная литература», которую они уравнивали с эпистолярным жанром и отнесли к нему «произведения, написанные в форме переписки персонажей между собой», а письмо – отождествили с эпистолой, под которой понимают «литературное, преимущественно рифмованное произведение в форме писем, в котором автор излагает свое мнение по определенным вопросам» [12, с. 133]. Однако письмо – это личное обращение пишущего к отдельным адресатам с обычным присутствием типичных эпистолярных элементов (обращение, дата, подпись и т.д.), которое предполагает необходимость ответа или само является ответом [17, с. 19]. Таким образом, согласно В. Лесину и О. Пулинцу, единой сферой функционирования эпистолы и эпистолярного жанра, является литература, а письмо – их общей формой, однако остается по-прежнему невыясненным, в чем состоит разница между эпистолой, жанром авторского литературного письма и реальным бытовым письмом.

Д. Урнов оценил понятия «эпистолярная литература» и «эпистолагафия» как произведения разных родов и жанров, при написании которых используется форма послания, но не указал на отличие последнего от бытового письма. Между тем сегодня под эпистолярной литературой принято понимать «переписку, изначально задуманную или позднее осмысленную как художественную или публицистическую прозу, предполагающую широкий круг читателей» [14, с. 512], а эпистолагафию рассматривать как «направление в истории письменной культуры, которая изучает теорию и практику эпистолярного стиля, архитектонику писем, средства для их написания и доставки, а также историческое содержание эпистолярного наследия» [18, с. 6].

В. Кузьменко, автор диссертационного исследования «Писательский эпистолярый в украинском литературном процессе в 20-ые – 50-ые гг. XX ст.» [10], рассмотрел теоретические аспекты изучения частной переписки литераторов, проследил преемственные связи отечественной эпистолагафии с европейской эпистолярной традицией. В результате он подвел под писательский эпистолярый «художественные, публицистические, политические и частные письма выдающихся художников, исторических личностей и общественных деятелей, в которых возникает достоверная картина личной жизни этих выдающихся людей, углубляются наши знания о той или иной эпохе, о развитии художественной мысли» [10, с. 120].

По нашему мнению, данное толкование писательского эпистолярия является не совсем точным, так как не представляется целесообразным ставить в один ряд вымышленные, а также публицистические письма и переписку реальных людей друг с другом, функции и словесная природа, а также уровень эстетической

организации материала в которых существенно разнятся. Авторы публицистических и художественных произведений всегда предусматривают дальнейшую публикацию написанного, их произведения с самого начала ориентированы на полиадресата, в то время как реальные письма, обращенные к конкретным лицам, на публикацию чаще всего не рассчитаны. «В письме художественном, в отличие от письма реального, выбор языковых средств, их сочетаемость, последовательность расположения частей материала, организация письма в целом, связаны с идейно-тематическим содержанием произведения, с выражением содержательно-концептуальной информации» [4, с. 82].

Кроме того, данные виды писем выполняют разные функции. Функция письма частного — сообщить информацию тому, кому оно адресовано (адресату), т. е. произвести информационный обмен, установление личного контакта. Функция письма вымышленного — прежде всего эстетическая, она «выражается в том, что элементы языка, выступая средством формирования художественных образов, приобретают дополнительное художественное значение, <...> и в том, что они эмоционально воздействуют на читателя и возбуждают в нем сотворческую активность» [4, с. 80].

Тот факт, что в один ряд поставлены художественные и публицистические произведения, при написании которых используется эпистолярная форма, является недостатком определения писательского эпистолярия, предложенного В. Кузьменко.

Огромный вклад в исследование писательского эпистолярия в теоретико-литературном аспекте внесла украинская исследовательница Л. Морозова, которая предлагает рассматривать писательский эпистолярный как «особое жанровое образование, которое возникло как способ опосредованного общения и характеризуется наличием специфических жанровых доминант (персонифицированность адресации, четкая структурированность, дейктическая проекция) и имеет культурно-историческое значение в том случае, если корреспондентами являются выдающиеся писатели, исторические личности или общественные деятели» [16, с. 138].

Сопоставление всех перечисленных точек зрения, осмысление их через призму конкретного историко-литературного материала, который привлекается нами в данном исследовании, позволяет предпочесть определение, данное Л. Морозовой, уточнив при этом, что к писательскому эпистолярию, помимо писем писателей, являющихся способом личного самопознания, а также формой реализации эпистолярной критики и автокритики, не следует относить письма выдающихся общественных деятелей, исторических личностей или художников.

Письмо, как известно, появилось в результате необходимости передачи информации коммуникантами, разделенными во времени и пространстве. Благодаря своим функциям (коммуникативной и информативной), оно сформировалось как первичный речевой жанр, то есть как конкретный, относительно постоянный тематический, композиционный и стилистический тип высказывания [3, с. 241-242]. М. Бахтин был первым, кто выделил такие основополагающие признаки речевых жанров, как концепция адресата, предметно-тематическое содержание, тип экспрессивности интонации (модальность) [3, с. 245-280].

Среди них, по мнению ученого, ведущей является концепция адресата, так как именно она отражает характер отношений корреспондентов (семейные, дружеские, любовные, профессиональные), в соответствии с которыми выбирается и формируется предметно-тематическое содержание и тип модальности всего послания. Эту точку зрения разделяет и Л. Морозова, полагающая, что автор послания на подсознательном уровне желает сформировать возможное понимание его мыслей и чувств в будущем письме-ответе и определить это в своем высказывании, для чего должен учитывать апперцептивный фон восприятия говорения. Среди факторов последнего выделяются психологические (возраст, характер мышления, тип нервной системы, настроение) и социальные (происхождение, уровень образования, круг интересов, социальное

положение, политические убеждения, профессиональная принадлежность, уровень знакомства с ситуацией) обстоятельства.

Убедительный анализ факторов, влияющих на письменную коммуникацию собеседников, представил К. Лазаренко. Он указал на то, что возраст связан с периодами становления говорения; характер мышления – со способом отражения действительности в наглядных образах или абстрактных категориях; тип нервной системы проявляется в экспрессивной насыщенности сообщения; настроение придает сообщению модальную окраску, отражает позитивные и негативные эмоции, которые в свою очередь образуют подтекст письменного высказывания; происхождение определяет идиолект; социальное положение и политические убеждения обуславливают содержание и идейно-политическую остроту письменного сообщения; уровень образования и круг интересов отражаются на богатстве и разнообразии лексических, лексико-грамматических и стилистических средств; профессиональная деятельность раскрывает сферу использования говорения; уровень знакомства с ситуацией влияет на компактность или детальность подачи информации [11, с. 8].

По мнению Л. Морозовой, учет «слагаемых» апперцептивного фона определяет в дальнейшем выбор композиционных приемов и языковых средств письма, то есть его стиль. Следовательно, при изучении писательского эпистолярия необходимо учитывать все вышеназванные «составляющие».

Второй жанровой доминантой письма является его четкая структурированность. По мере расширения сферы переписки во второй половине XVIII – первой половине XIX столетия происходит актуализация таких композиционных элементов письма, как указание на место и дату отправки, на имя и адрес получателя, персонифицирующие автора и адресата послания, ведь в письме существует два антропоцентра, что предусматривает непосредственное участие в ситуации, описываемой словом, адресата письма, который должен сориентироваться в написанном, и его адресанта, который служит ориентиром [7, с. 77 - 80].

Выделение жанровых доминант авторского литературного письма тесно связано с пространственно-временной его организацией, которая до настоящего времени учеными подробно не рассматривалась. Л. Морозова по существу была первой из обративших внимание на категорию времени-пространства в письме и указавших на то, что, вследствие опосредованности эпистолярной коммуникации, здесь имеются два пространственно-временных плана – рамочный («здесь и сейчас, пока пишу письмо») и сюжетный. Отсчет как времени, так и пространства в письме ведется относительно фигуры его автора и характеризуется наличием классической дейктической триады «Я – ЗДЕСЬ – СЕЙЧАС», хотя временная точка отсчета «СЕЙЧАС» по объективным причинам не является одинаковой для тех, кто состоит в переписке, разными будут и точки отсчета пространства для них.

Л. Морозова полагает, что если обратить внимание на принадлежность к дейктическим таким лексическим и грамматическим способам, которые помогают увидеть текст как конкретный социальный контекст, идентифицировать в нем участников акта общения, то значение приобретают приветствие, обращение и подпись. В свете этого исследовательница считает дейктическую проекцию («Я – ЗДЕСЬ – СЕЙЧАС») третьей жанровой доминантой письма [16, с. 46]. *Таким образом, можно заключить, что для разрешения ряда спорных вопросов, касающихся теории авторского литературного письма, дальнейшее исследование необходимо осуществлять с учетом его специфических жанровых доминант: концепции адресата, четкой структурированности и дейктической проекции, появившихся в результате взаимодействия таких конститутивных признаков письма как завершенного*

целостного высказывания: концепции адресата, предметно-тематического содержания и субъективно-авторской модальности.

Перспективу данного исследования составит дальнейшее изучение авторского литературного письма, особенно его жанровых особенностей, что позволит завершить разработку его теоретической концепции.

Список литературы

1. Апт С. К. Письма Томаса Манна / С. К. Апт // Манн Т. Письма. – М. : Наука, 1975. – С. 377-78. – (Литературные памятники).
2. Баткин Л. М. Петрарка на острие собственного пера : авторское самосознание в письмах поэта / Л. М. Баткин ; Рос. гос. гуманитар. ун-т. – М. : [б. и.], 1995. – 184 с.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 423 с.
4. Белунова Н. И. Искусство эпистолярия и художественное произведение / Н. И. Белунова // Рус. яз. в шк. – 1995. – № 5. – С. 77-82.
5. Гладкий В. Листи письменників / В. Гладкий // Українське літературознавство : республік. міжвід. наук. зб. – Львів, 1970. – Т. 8. – С. 10-15.
6. Грифцов Б. А. Психология писателя / Б. А. Грифцов. – М. : Худож. лит., 1988. – С. 38.
7. Дейкисис // Штерн І. Б. Вибрані топіки та лексикон сучасної лінгвістики-ки : енцикл. словник / І. Б. Штерн. – К. : АртЕк, 1998. – С. 77-80.
8. Елина Е. Г. К теории эпистолярия / Е. Г. Елина // Поэтика и стилистика : сб. науч. тр. – Саратов : Саратов. гос. ун-т, 1980. – С. 26-34.
9. Ковельман А. Б. Частное письмо в греко-римском Египте II-IV вв. как литературный факт / А. Б. Ковельман // Вестник древней ист. – 1985. – № 3. – С. 135-154.
10. Кузьменко В. Письменницький епістолярій в українському літературному процесі 20 – 50-х років ХХ ст. : дис. ... доктора філол. наук / В. Кузьменко. – К., 1999. – 355 с. – укр.
11. Лазаренко К. Л. Психолінгвістическа природа письменної комунікації і функціональна навантаження деяких її моделей : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.19 / К. Л. Лазаренко ; Київський гос. ун-т ім. Т. Шевченка – К., 1975. – 28 с. – укр.
12. Лесин В. М. Словник літературознавчих термінів / В. М. Лесин, О. С. Пулинець. – К. : Рад. шк., 1971. – 486 с.
13. Ливергант А. Живейшее принятие впечатлений : письма Дж. Китса / А. Ливергант // Вопр. лит. – 2002. – № 5. – С. 103-166.
14. Литературный энциклопедический словарь / [под ред.: В. Кожевникова, П. Николаева]. – М. : Сов. энцикл., 1987. – 752 с.
15. Мазоха Г. Письменницький епістолярій як теоретико-літературна проблема / Г. Мазоха // Київська старовина. – 2004. – № 1. – С. 105-110.
16. Морозова Л. Писательский эпистолярый в системе литературных жанров : дис. ... канд. филол. наук / Л. Морозова. – К., 2007. – 223 с. – укр.
17. Прохоров Е. П. Эпистолярная публицистика / Е. П. Прохоров. – М. : МГУ, 1966. – 60 с.
18. Силаева Н. В. Лингвопрагматический анализ экспрессивности эпистолярного текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н. В. Силаева. – Самара, 2007. – 22 с.
19. Шмелева Т. В. Речевой жанр : опыт общелингвистического осмысления / Т. В. Шмелева // Collegium. – 1995. – № 1-2. – С. 57-65.

20. Davis H. The Correspondence of the Augustans / H. Davis // Essays in English Literature from the Renaissance to the Victorian Age Presented to A. S. P. Woodhouse / ed. by M. Maclure, F. T. Watt. – Toronto : University of Toronto Press, 1964. – P. 194-212.
21. Day A. Romanticism. (The New Critical Idiom Series). London ; New York, 1996.
22. Goldberg B. Romantic Professionalism in 1800 : Robert Southey, Herbert Croft and the Letters and Legacy of Thomas Chatterton / B. Goldberg // ELH. – 1996. – Vol. 63. – P. 681- 706.
23. Lewis W. S. Introduction. In: «Horace Walpole's Correspondence with Sir Horace Mann» / W. S. Lewis // Lewis W. S. Warren Hunting Smith and George Lam. – Vol. I / W. S. Lewis. – New Haven : Yale Univ. Press, 1954. – P. XXVI.
24. Macaulay T. B. Walpole's Letters to Sir Horace Mann ; Critical and Historical Essays / T. B. Macaulay. – Leipzig : Tauchnitz, 1850. – Vol. I. – P. 175-176.
25. Quennell P. Foreword / P. Quennell // Byron. A Self-Portrait : Letters and Diaries / Byron ; ed. by P. Quennell. – London : Murray, 1950. – V. I. – P. 10.

Dominenko N. Debatable theoretical aspects of writer's literary letter // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 2. – P.139-145

The given article considers some theoretical aspects of writer's literary letter touching upon the theory of this genre: the definition of such type of the letter, genre belonging.

Special attention is given to such fundamental signs of speech genres, as the conception of the addressee, the contents of the letters and their modality among which, the most important role is attributed to the conception of the addressee, as it reflects the character of interrelations of the correspondents (family, friendly, love, professional), on the basis of which the subject-thematic contents of all the messages as well as the type of modality are chosen and formed.

The genre dominants of writer's epistles: the concept of the addressee, the clear structure and the axis projection, resulted from the interaction of such constituent signs of the letter as a complete integral expression: the concept of the addressee, the subject-thematic contents and subjective modality of the author were investigated in the article.

Key words: "writer's epistles", genre dominants, the concept of the addressee, constituent signs, subject-thematic contents, modality, genre.

Поступила в редакцию 02.09.2014 г.

УДК 821.161.1-82 Ахматова

**Стихотворение А. А. Ахматовой
«Вижу выцветший флаг над таможной...»
(Опыты реального и поэтологического комментария)**

Казарин В. П., Новикова М. А.

*Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь, crch@mail.ru*

В работе выявляются петербургские и крымские реалии, которые легли в основу поэтических образов стихотворения А. А. Ахматовой 1912 года. Среди петербургских реалий – главная Морская Таможня российской столицы и специальный таможенный флаг над ней, клиника профессора Д. О. Отта, носившая прозвище «императорской родильни» (основана в 1797 году императрицей Марией Федоровной). В числе крымских реалий – дачные окрестности Севастополя (в том числе имение Н. И. Тура «Отрада» и грязелечебница доктора Е. Э. Шмидта), Стрелецкая и Песочная бухты, Херсонес и Свято-Владимирский собор. Предлагается новое понимание обстоятельств, инспирировавших ахматовский текст: рождение сына Льва, отчужденность (затем и формальный развод) А. А. Ахматовой и Н. С. Гумилева. Доказывается двойная адресация стихотворения и особый, пророческий смысл его финала. Используются методы историко-биографического, реального комментирования и глубинного поэтологического анализа. Текст сопровождается иллюстрациями.

Ключевые слова: *Ахматова, Гумилев, отчуждение, развод, Петербург, Морская таможня, флаг, клиника профессора Д. О. Отта, Крым, Севастополь, Херсонес, Свято-Владимирский собор, смуглые главы, Стрелецкая бухта, Песочная бухта, имение Н. И. Тура «Отрада», грязелечебница доктора Е. Э. Шмидта, приморская девчонка, счастье, слава, дряхление сердца, историко-биографический метод, методы реального комментирования и глубинного поэтологического анализа.*

Осенью 1912 года А. А. Ахматова написала стихотворение «Вижу выцветший флаг над таможной...». Текст его мы позволим себе напомнить читателю:

Вижу выцветший флаг над таможной
И над городом желтую муть.
Вот уж сердце мое осторожней
Замирает, и больно вздохнуть.

Стать бы снова приморской девчонкой,
Туфли на босу ногу надеть,
И закладывать косу коронкой,
И взволнованным голосом петь.

Все глядеть бы на смуглые главы
Херсонесского храма с крыльца
И не знать, что от счастья и славы
Безнадежно дряхлеют сердца.
[1, т. 1, с. 117]

Стихотворение напечатано в февральском номере журнала «Гиперборей» за 1913 год. Значит, написано оно не позже 1912 года: рукописи сдавались в журналы за два месяца до выхода в свет. Авторская датировка «Осень 1913» в книге Ахматовой «Бег времени» [5, с. 71, 458] правильно указывает на сезон, когда стихотворение было создано, но никак не на год. В январе 1913-го оно уже было в типографии. Кроме того, именно к концу 1912 года (судя по рукописям и авторским свидетельствам) относится большинство других стихотворений ахматовской подборки (их общее число – пять, наше стихотворение стоит посередине – третьим), напечатанных в той же книжке журнала [5, с. 456]. Да и сама атмосфера стихотворения, наполненная уходящим летним зноем, тоже заставляет связывать его замысел с осенью 1912-го года, а не с зимой 1913-го.

В окончательном варианте стихотворение не имеет названия. Но первоначально оно было опубликовано под заглавием «Возвращение», – и это не случайно. Композиционно все стихотворение построено на мысленном «возвращении» из современности в прошлое. Только учитывая эту параллель-контраст, можно проникнуть в его замысел. А начать это «проникновение» стоит с ахматовских реалий.

I. **Вижу выцветший флаг над таможеней <...>.**

О какой таможене пишет поэт? Откуда можно было видеть ее флаг?

Главная Морская таможня Санкт-Петербурга находилась в начале XX века на стрелке Васильевского острова в здании, в котором с 1927 года и донныне располагается Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук. Глагол в первой строке стихотворения подразумевает длительность действия: не «увидела» или «заметила» таможенный флаг, не «посмотрела» или мимолетно «глянула» на него, а – «вижу». Не одномоментно, а продолжительно, не единожды, а многократно, вновь и вновь. Почему же какое-то время осенью 1912 года Ахматова видела снова и снова именно таможеню?

В столице в тот период наш поэт более или менее долго без перемены места оставалась только в одном учреждении – в так называемой клинике профессора Д. О. Отта. Клиника была основана императрицей Марией Федоровной в 1797 году. Сегодня она является Институтом акушерства и гинекологии имени Д. О. Отта. В этой самой «императорской родильне», как ее называли петербуржцы, 18 сентября (1 октября по н. ст.) 1912 года Ахматова родила своего сына – Льва.

Клиника профессора Д. О. Отта, «очень дорогая и очень хорошо обставленная» [6, с. 77], куда привез свою жену рожать Н. С. Гумилев, с той поры и по сей день также находится на стрелке Васильевского острова, располагаясь чуть южнее здания тогдашней таможенны – сегодня Пушкинского Дома (см. рис. 1).

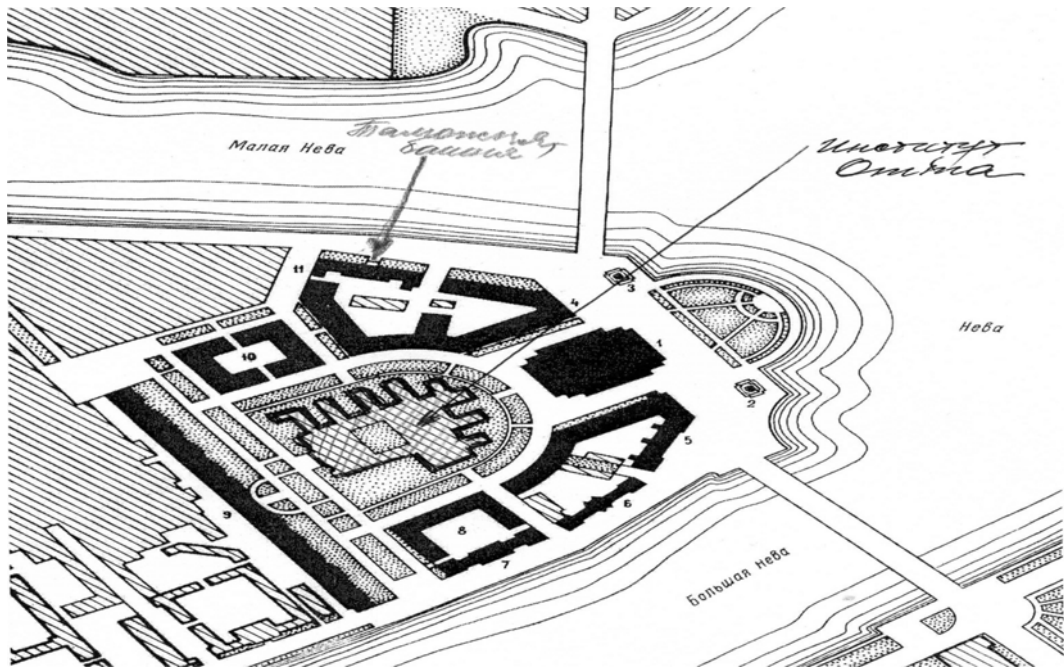

Рис. 1. Стрелка Васильевского острова

Трехэтажное здание Морской таможни венчается круглой башней, которая по высоте совсем немного уступает своей архитектурной основе и одиноко возвышается над всей округой. На куполе башни установлен шпиль, длина которого в свою очередь равна этажу основного здания (см. рис. 2).

Рис. 2. Здание главной Морской таможни в Санкт-Петербурге

Именно шпиль на круглой башне здания нес на себе до революции флаг Российского морского таможенного ведомства, который был утвержден 1 марта 1871 года – синее полотнище с национальным триколором в кантоне и скрещенными кадучеями (жезлами Меркурия), обвитыми змеями (см. рис. 3).

Рис. 3. Императорский флаг Российской таможенной службы

Таможенный флаг был виден далеко в округе. Роженица А. А. Ахматова-Гумилева лежала, видимо, в палате с северной стороны клиники. Именно оттуда она могла видеть в окно не только «желтую муть» осеннего неба, но и «таможенный флаг».

Все сказанное позволяет предположить, что анализируемое нами стихотворение было написано не раньше последних чисел сентября, когда поэт ложится в клинику профессора Д. О. Отта. Не раньше, но вполне может быть, что оно написано двумя-тремя неделями позже. 22 октября (4 ноября по н. ст.) 1912 года Ахматова пишет письмо В. Я. Брюсову, в котором посылает ему «несколько стихотворений, написанных на днях», и оставляет важное для нас признание: «Я не могла сделать этого раньше, потому что у меня родился ребенок, и я ничего за всю осень не писала» [6, с. 78].

II.

<...> И над городом желтую муть.

Характерно: Ахматова пишет, что видит «желтую муть» – «над городом». Действительно, лежачей пациентке открывается в окне не сам город, а пространство над ним – с выцветшим флагом и желто-мутными небесами. Мало того, можно предположить, что лежала наша роженица не на первом и даже едва ли на втором этаже клиники. Иначе соседние здания и деревья (а застроена стрелка очень плотно) заслоняли бы от нее всякий вид из окна, включая небо.

Но почему небо у нее – «мутное»? И почему – «желтое»?

С «мутью» дело обстоит более или менее просто. В сентябре 1914 года, когда Санкт-Петербург будет уже переименован в Петроград, А. А. Блок напишет одно из самых известных своих стихотворений – о военном эшелоне Первой мировой

войны, отправляющемся из столицы на «кровавые поля» Галиции. Первая строка стихотворения, давшая ему название, звучит так:

Петроградское небо **мутилось** дождем <...>
[10, т. 3, с. 275].

Итак, версия первая – дождь. Версия вторая – туман. Конец сентября для севера это уже осень. Проверить обе версии можно было бы по столичным газетам сентября 1912-го. Метеопрогнозы и тогда уже печатались регулярно, как и теперь. Но есть еще и внутренняя оптика самого ахматовского стихотворения. Она обе эти версии отмечает. Увидеть флаг над таможенной сквозь дождь или туман еще возможно. Разглядеть, что этот мокрый флаг «выцветший», – нельзя.

Остается третья версия, уже упомянутая выше. Не воздух Петербурга мутен и желт, а именно небо, по которому Балтика уже нагоняет низкие клубящиеся тучи. Но откуда возник этот желтый колоратив?

От электрических фонарей. Для начала XX века яркое электрическое освещение улиц – еще диковинка и прерогатива столиц. Об этом мы найдем немало стихов и у того же А. А. Блока, и у раннего В. В. Маяковского, и у других поэтов-петербуржцев. В искусственной желтизне ночных мегаполисов порой усматривали нечто дьявольское: все подменяющее, обесценивающее, искажающее. Но у нашего поэта встречается и вполне позитивное восприятие новомодных светильников: «Чернеет дорога приморского сада, / Желты и свежи фонари» [1, т. 1, с. 175].

Если принять наше объяснение появления в стихотворении «желтой мути», получается, что Ахматова фиксирует свое круглосуточное пребывание в клинике. Днем она видит таможенный флаг, ночью – мутное и желтое от электрических фонарей низкое небо. Это свидетельствует о какой-то тревоге, переживаемой ею. Тревога, в свою очередь, оборачивается бессонницей.

III.

**Вот уж сердце мое осторожней
Замирает, и больно вздохнуть.**

С медицинской точки зрения, ситуация ясна. У героини стихотворения налицо все симптомы сердечной недостаточности. Тут и внезапность приступа («вот уж...»), и перебои сердечного ритма, и острая боль в груди при вдохе. В письме 1907 года С. В. фон Штейну упоминается еще один симптом болезни: «С сердцем у меня совсем скверно, и только оно заболит, левая рука совсем отнимается» [6, с. 46]. Наряду с чахоткой, болезнь сердца будет мучить Ахматову всю жизнь, – от нее она в конце концов и умрет. Стихи нашего поэта (как всегда, документально точно!) фиксируют развитие этого недуга.

Но что могло спровоцировать его именно тогда – в сентябре 1912-го?

Конечно, роды – нелегкое испытание для любой женщины, а для больной туберкулезом – тем паче. Да, петербургская погода («желтая муть») сердцу не подмога. И все же... Складывается впечатление, что во внутренней жизни Ахматовой именно перед родами – или сразу после них – произошло нечто такое, что в буквальном смысле ударило по ее сердцу.

Что мучает нашу роженицу в клинике? Что так тщательно скрывает она? Почему поэт в стихотворении ни единым словом не обмолвится, что стала матерью? Отчего упорно датирует стихотворение в последующих изданиях осенью 1913

года, фактически дезориентируя читателя? Чего он, читатель, не должен знать про ахматовский 1912 год?

Назовем это «малой тайной» стихотворения. К ней нам еще предстоит вернуться. А пока – стихи делают неожиданный скачок во времени и пространстве.

IV.

**Стать бы снова приморской девчонкой,
Туфли на босу ногу надеть,
И закладывать косу коронкой,
И взволнованным голосом петь.**

В мечтах героиня во второй строфе мгновенно переносится назад: в счастливое подростковое прошлое, которое прошло там – у моря, в Севастополе. Это читателю понятно и без комментариев. Понятно ли ему иное?

Стремительный, легкий ритм. Ни единого анжамбементы, в отличие от предыдущих строк, с их физически наглядной одышкой (сердце «осторожней / замирает...»). Звучный вокализм. Простая, разговорная, непринужденная лексика. Поэт действительно «вернулась», она у себя дома – и душевно, и портретно, и (если угодно) физиологически. Наконец-то ей хорошо.

Какой ценой?

А той самой, что, вернувшись (пускай, повторим, в мечтах), героиня как бы аннулировала все, произошедшее с нею в промежутке между «приморской девчонкой» 1896-1903 годов и женщиной, поэтом, человеком года 1912-го. Отречение фиксируется поэментно. «Косы коронкой» противостоят знаменитой, эмблематичной прямой челке и волосам, небрежно подколотым длинными шпильками на модный японский лад. А ведь эта прическа была и будет запечатлена на полотнах прославленных художников, и не только отечественных.

То же можно сказать о костюме. Желтая шаль, которая, по одной из версий, будет привезена Ахматовой мужем из поездки по Востоку, и другие «ложноклассические шали», воспетые О. Э. Мандельштамом; агатовые и янтарные четки на шее; вызывающие строки, шокировавшие публику Серебряного века: «...Я надела узкую юбку, / Чтоб казаться еще стройней» [1, т. 1, с. 113], – все отброшено. Счастье, оказывается, прячется в простом – «туфли на босу ногу надеть».

Необыкновенно гибкая от природы, Ахматова завораживала гостей в их с Н. С. Гумилевым царскосельском доме «змеиными» акробатическими пируэтами: она «легко закладывала ногу за шею, касалась затылком пяток» [6, с. 67]. При всем изобилии «оргий» и «афинских ночей» в стилизованном обиходе Серебряного века, таких виртуозных экстравагантций не позволял себе, кажется, никто. Но мечталось «жене-колдунье», как выясняется, совсем о другом – она хочет всего-то «взволнованным голосом петь».

Все ампула, – годами наработанные, Н. С. Гумилевым властно и педантично отточенные, – оказались болезненными и ненужными.

А новорожденный сын? А муж? А творчество и творческая слава?

О диалогизме (или полилогизме) ахматовской лирики, о ее особой сюжетности написаны тома научных работ. Кажется, однако, никто из ахматоведов не сфокусировал внимания на том, что диалог – это разговор двух сторон (а не монолог в присутствии другого). И сюжет – это события, по-разному значимые для разных героев (а не для одного лишь субъекта действия, для кого все другие суть только объекты).

«Малая» тайна анализируемого нами стихотворения состоит в том, что оно в зашифрованном виде есть диалог, и адресован он Н. С. Гумилеву. Брак их, который длился уже два с половиной года, не сделал двух поэтов роднее и ближе. Напротив,

отчуждение, противостояние во всем (даже в стихах) только росло. Ахматова искренне радовалась книге Н. С. Гумилева 1910 года «Жемчуга» («3/4 лирики <...> относится ко мне»). Его же книгу 1912 года «Чужое небо» она восприняла как «борьбу» с ней «не на живот, а на смерть» [6, с. 74]. Вернувшись весной 1912 года из совместной поездки с мужем в Италию и с удивлением обнаружив, что она не может рассказать близкому человеку об этом путешествии, столь важном для ее внутреннего развития, «легко и плавно», Ахматова объяснит затруднение весьма характерно: «Должно быть, мы (с Н. С. Гумилевым. – *Авт.*) уже не так близки были друг другу...» [1, т. 1, с. 553].

Рождение сына только подтвердит опаску, высказанную Ахматовой в стихотворении «Он любил...» (1910) – через шесть месяцев после свадьбы. Сначала она перечисляет «три вещи», которые ее муж любил. Потом называет три вещи, которые он не любит. Первая среди них – «когда плачут дети» [1, т. 1, с. 36]. Именно эта «вещь» и случилась – она родила. Поведение Н. С. Гумилева во время беременности и родов жены, которого мы не будем касаться, нанесло ей незаживающие раны. Брак, юридически распадающийся в 1918 году, фактически умер осенью 1912-го. Об этом скажет сама Ахматова: «Скоро после рождения Левы мы молча дали друг другу полную свободу и перестали интересоваться интимной стороной жизни друг друга» [6, с. 77].

Но рана осталась, и сердцу больно. Оттого и стихотворение Ахматовой действительно адресовано ему – Н. С. Гумилеву. Он один знает, откуда она несколько дней снова и снова видела «выцветший флаг над таможенной». Защищая свою драму от посторонних, Ахматова не упомянет клинику, ни слова не произнесет о родах, о сыне. Она позволит себе только, обнаруживая накопившуюся тревогу и тоску, описать небо над Петербургом как «желтую муть», а флаг над таможенной назвать «выцветшим». О небе над Херсонесом, о флаге над Севастопольской таможенной она так не говорила и не скажет никогда.

Н. С. Гумилев понял замысел своей жены и отреагировал на адресованное ему послание. 9 (22 по н.ст.) апреля – через месяц-полтора после публикации стихотворения – он из Одессы, перед очередным отъездом в Африку, откровенно отвечает на него. Начнет он издали – с общей характеристики стихотворения и определения места его автора в поэзии: «Я весь день вспоминаю твои строки о «приморской девчонке», они мало того что нравятся мне, они меня пьянят. Так просто сказано так много, и я совершенно убежден, что из всей послесимволической поэзии ты да, пожалуй (по-своему), Нарбут окажетесь самыми значительными» [12, т. 3, с. 236].

Ответ неожиданный, а местами вызывающий сомнения. Во-первых, обнаруживается, что не только Ахматова грезит счастливой «приморской девчонкой», – Н. С. Гумилеву она тоже не просто «нравится», она его «пьянит». Он выбирает не киевскую «колдунью», не царскосельскую «нимфу», не акмеистическую королеву, а ту – простодушную, наивную, радостную «дикую девочку». Но ведь нимфу и королеву годами ваял из Ахматовой сам Н. С. Гумилев? Да. Но Пигмалион, судя по всему, не выдержал того, что Галатее его переросла.

Во-вторых, не очень-то верится в искренность рассуждения Н. С. Гумилева об Ахматовой в паре с В. И. Нарбутом. Что-то, а художественное чутье было у Н. С. Гумилева острым и точным. Он не мог не ощущать, что В. И. Нарбут с Ахматовой по дарованию не сопоставим. А потому это сопоставление не возвеличивает, а уменьшает масштабы ее личности.

А что же дела семейные?

Из того же гумилевского письма: «Милая Аня, я знаю, ты не любишь и не хочешь понять это, но мне не только радостно, а и прямо необходимо по мере того, как ты углубляешься для меня как женщина, укреплять и выдвигать в себе мужчину; я никогда бы не смог догадаться, что от счастья и славы безнадежно дряхлеют сердца,

но ведь и ты никогда бы не смогла заняться исследованием страны Галла и понять, увидя луну, что она алмазный щит богини воинов Паллады» [12, т. 3, с. 236].

Казалось бы, зачем тут, в письме к тоскующей и еще недавно близкой женщине, все эти исследования «страны Галла» и «алмазные щиты» богини Паллады? А вот это уже ревность творческая. Удел Ахматовой – говорить «так просто – так много». Удел его, Н. С. Гумилева, – ехать в далекую Африку, исследовать народ великанов «галла» (нагорье Западной Африки в верховьях Голубого Нила, севернее Сомали), изучать эллинскую мифологию. (Кстати, здесь Н. С. Гумилев допустил несколько неточностей: Луна никогда не была щитом Афины, тем более алмазным, как и сама Афина не была богиней воинов.)

Все это уже явная забота о «потомках», которые, по словам «разлюбленной» жены (они сказаны в последнем – пятом! – стихотворении ахматовской подборки в февральском номере «Гиперборея»), должны «рассудить» их с Н. С. Гумилевым спор:

<...> Чтоб отчетливей и ясней
Ты был виден им, мудрый и смелый,
В биографии славной твоей
Разве можно оставить пробелы?
[1, т. 1, с. 114]

Ссылаясь на свои стихи «Галла» (пока в замысле) и «Одиссей у Лаэрта», Н. С. Гумилев фактически признает правоту упреков Ахматовой, говорит о невозможности что-либо изменить с его стороны и предлагает ей то самое соглашение о полной взаимной свободе, о «молчаливом» заключении которого она писала. Поиски «счастья» и «славы» принесли ему известность, но лишили сердце героя способности любить, «безнадежно» его «одряхлив».

Своим письмом Н. С. Гумилев это только подтверждает. Он считает, что на основе «молчаливого» соглашения, которое они должны заключить, можно восстановить дружеские творческие взаимоотношения. Да, их обоих уже не связывает любовь, но продолжает связывать статус лидеров современной культуры, а также семья: «Любопытно, что я сейчас опять такой же, как тогда, когда писались Жемчуга, и они мне ближе Чужого неба. <...> Целуй от меня Львеца (забавно, я первый раз пишу его имя) и учи его говорить папа» [12, т. 3, с. 236].

И эта часть гумилевского письма тоже, на сторонний взгляд, не безупречна. Молодой отец оставляет шестимесячного сына и его кормящую мать ради «творческой поездки» в далекие края. В каких же выражениях передает он свои чувства? «Любопытно...» «Забавно...» Словно не отрывается надолго от семьи, а ведет тщательное наблюдение над самим собой.

Еще одна красноречивая деталь. Поэты не дают случайных имен – ни своим персонажам, ни своим близким. Марина Цветаева назвала сына победоносным именем Георгий. Анна Ахматова нарекла ребенка царственным именем Лев. Из «Льва» муж (тоже поэт!) делает смешное имя-кличку «Лъвец», будто обращается к домашней игрушке.

Вряд ли это письмо свидетельствует о «счастье» гумилевско-ахматовской семьи.

Вот теперь, восстановив петербургский контекст стихотворения, можно вернуться к его контексту крымскому.

V.

**Все глядеть бы на смуглые главы
Херсонесского храма с крыльца <...>.**

«Херсонесский храм» – это Свято-Владимирский собор в Херсонесе. Однако большинство комментариев в собраниях сочинений Ахматовой к стихотворению «Вижу выцветший флаг над таможенной...» уклоняются от ответа на вопросы: почему у поэта купол собора назван «смуглым» и почему он обрел в ее стихах множественное число («главы») [1, т. 1, с. 744; 2, т. 1, с. 393-394] ?

Опираясь на биографические заметки автора, комментаторы фактически ищут ответ только на один вопрос: где именно в Севастополе в детские годы поэт могла «глядеть» на Херсонесский собор «с крыльца». Например: «Речь идет о даче «Отрада» («Новый Херсонес») на берегу Стрелецкой бухты – «дача Тура», в трех верстах от Севастополя, где семья Горенко проводила каждое лето с 1896 по 1903 г.» [1, т. 1, с. 744-745]. Или: «На даче Тура («Отрада») под Севастополем Аня Горенко жила с родителями каждое лето в 1896-1903 гг.» [2, т. 2, с. 429; см. также 2, т. 1, с. 394].

Двухтомник 1990 года, наряду с другими неточностями, ошибочно отождествляет время написания стихотворения со временем заключенных в нем воспоминаний. Так, мы читаем: «Написано на даче «Отрада» («Новый Херсонес») в трех верстах от Севастополя на берегу Стрелецкой бухты, где Ахматова проводила каждое лето с 7 до 14 лет» [3, т. 1, с. 376]. Получается, что стихотворение 1912 года создано в 1903-м, то есть – четырнадцатилетней девочкой-подростком. На самом деле, конечно же, поэт возвращается к своему прошлому в мыслях, а не пребывает в нем в реальности. Напомним: в журнале «Гиперборей» стихотворение было опубликовано именно под названием «Возвращение» [1, т. 1, с. 744].

В очередной раз мы убеждаемся: без тщательного изучения реалий времени и места нельзя правильно прочесть даже автобиографические заметки писателя. Воистину, как она сама констатировала, «люди видят только то, что хотят видеть, и слышат только то, что хотят слышать» [2, т. 2, с. 243].

Вопреки цитированному выше мнению, Ахматова не жила **на даче** Н. И. Тура. Об этом она сама ясно скажет в одной из своих записей конца 1950-х – начала 1960-х годов: «**В окрестностях этой дачи** («Отрада», Стрелецкая бухта, Херсонес <...>) я получила прозвище «дикая девочка» <...> (выделено нами. – Авт.)» [1, т. 5, с. 215]. Правильно будет сказать, что Ахматова с родителями жила **на дачах Тура**.

Хорошо известное севастопольцам имение Н. И. Тура до 1905 года носило название «Отрада» [8, с. 905]. Хозяин имения был человеком предприимчивым. На части своих земель он построил для отдыхающих дачный поселок. По имени владельца поселок получил название Туровская слобода или Туровка. Сегодня Туровки на официальной карте города уже не найти. В 1923 году первоначально, в 1935-м окончательно слободка была переименована в честь матроса Г. Н. Вакуленчука, организатора восстания на броненосце «Потемкин» [8, с. 147, 905]. Весьма показательное, что в устной традиции Туровка продолжает жить в Севастополе до сих пор, а слободка Вакуленчука в массовом сознании так и не закрепилась.

Вот на этой самой Туровке и снимала домик почти каждое лето на протяжении восьми лет семья Горенко. «На современной карте Севастополя нынешний проспект Гагарина, – пишет севастопольский краевед В. Н. Горелов, – примерно соответствует Туровскому шоссе, центральной улице этого поселка. Установить местоположение домика, в котором останавливались Аня и Инна Эразмовна Горенко, сейчас вряд ли возможно...» [7, с. 2]. Ясно одно: домик располагался на возвышенной части Туровской слободы. Оттуда были хорошо видны и Херсонес, и Стрелецкая бухта. Это и получило отражение в стихотворении Ахматовой и в ее воспоминаниях.

После 1905 года имение «Отрада» было перестроено в духе времени. Появились новейшей архитектуры ресторан, общественный сад, беседки, скамейки, открытые площадки. Изменив свой облик, имение изменило и название: было переименовано в «Новый Херсонес». В этой части города Ахматова появилась опять только в 1907 году. Поселилась она по соседству, на новом дачном месте – в грязелечебнице Е. Э. Шмидта, которая расположилась на берегу Песочной бухты. Ее владельцем был врач, надворный советник Евгений Эдуардович Шмидт, проживавший в собственном доме на той же Екатерининской улице, где жил и дед Ахматовой [6, с. 47; 7, с. 2; 13].

Места своего детства, изменившие и облик, и название, Ахматова, несомненно, видела. Об этом свидетельствуют ее воспоминания: «Нет и дачи Тура («Отрада» или «Новый Херсонес») – три версты от Севастополя, где с семи до тринадцати лет (правильно – до четырнадцати. – Авт.) я жила каждое лето и заслужила прозвище «дикой девочки» <...> (выделено нами. – Авт.)» [1, т. 5, с. 693].

Кстати, внесенная нами возрастная поправка показательна. Ряд ошибок у комментаторов рожден ошибками в воспоминаниях самого поэта. Например, вслед за Ахматовой все в примечаниях пишут, что она проводила на даче Тура «каждое лето». Писать следует иначе – «**почти** каждое лето», поскольку ни в 1898-м, ни в 1900-м годах семья Горенко летом там не отдыхала [6, с. 32, 34].

После этих необходимых разъяснений вернемся к Херсонесскому храму.

Свято-Владимирский собор в Херсонесе построен в 1861-1891 годах. Только двухтомник 2005 года справедливо указывает, что соборный купол был «незолоченым» [4, т. 2, с. 433]. Действительно, золоченым у собора был изначально один лишь крест. Купол покрыли золотом уже во время восстановительных работ 1998-2004 годов. В остальном и этот комментарий, к сожалению, не лишен неточностей. Строился Свято-Владимирский собор не в 1862-1892 годах. У собора один купол, а не несколько. Из Стрелецкой бухты этот купол не виден. Виден он (как мы уже отмечали) с возвышенностей, окаймляющих бухту. Там как раз и располагалась дача, снимаемая семьей Горенко.

Нерешенным остается вопрос: так каким же был в конце XIX – начале XX веков купол Херсонесского храма?

Строился Свято-Владимирский собор к 900-летию Крещения в Херсонесе Св. Равноапостольного Великого князя Владимира. Именно поэтому автор проекта академик Д. И. Grimm предложил возвести крестово-купольный храм в византийском стиле. Помимо прочего, это предполагало (в соответствии с греческой православной традицией) отказ от золочения купола. (Ср. три Святые Софии – соборы Константинопольский, Киевский и в Великом Новгороде). Но купол собора и его двухъярусные кровли были покрыты почему-то не медью (что было уже традицией), а цинковой черепицей [8, с. 165]. Цинк – металл достаточно легкий. Оттого первоначальное покрытие в декабре 1879 года сорвал ураган. После этого были произведены ремонтные работы, результатом которых стала замена части цинковой кровли (а именно – карнизов) на свинец [9, с. 97-98]. С одной стороны, это утяжелило крышу, предохранив ее от сильных ветров – с другой, сохранило цвет основного покрытия, поскольку свинец в окисленном состоянии визуально почти не отличается от цинка. Цветовая гамма цинка – голубовато-серая, со временем имеющая тенденцию к потемнению. В результате, цинково-свинцовые купол и двускатные двухъярусные крыши собора на дореволюционных фотографиях «имеют тяжелый сумрачный цвет» [7, с. 2].

Все это и дало Ахматовой основание говорить о «смуглых главах» Херсонесского храма. Но почему же она пишет о единственном куполе собора во множественном числе?

Во-первых, у комментируемого стиха был начальный вариант. В. М. Жирмунский, издавая Ахматову в «Библиотеке поэта», приводит эту раннюю редакцию интересующей нас строки: «Херсонесских церковей у крыльца» [5, с. 387]. Несомненно, имелись в виду руины многочисленных византийских базилик V-IX веков на территории Херсонеса, а также православные храмы новейшего времени – Свято-Владимирский собор, храм Семи Херсонесских священномучеников, домовая церковь Настоятельского корпуса.

С молодых лет Ахматова относилась к Херсонесу по-особому. Для нее он – «главное место в мире» [6, с. 32]. «Самое сильное впечатление» подростковых лет – «древний Херсонес, около которого мы жили» [1, т. 5, с. 236]. «Непосредственно отсюда», по самооценке поэта, к ней пришла «античность – эллинизм» [1, т. 5, с. 215].

Вместе с тем, для нашего поэта, в чем мы не раз убеждались, характерна точность деталей. «Главы» Херсонесских церковей лишены позолоты и на вид они действительно «смуглые». Но располагались они совсем не «у крыльца» ахматовской дачи, хотя и были хорошо видны оттуда. Расстояние до них составляло около двух километров.

Это, видимо, побуждает Ахматову отказаться от ранней редакции строки, заменив ее на нынешнюю: «Херсонесского храма с крыльца». Однако при этом в предыдущей строке она оставляет во множественном числе «смуглые главы», тогда как у Херсонесского храма купол только один. Почему?

Визуально (и это во-вторых) образ поэта совершенно точен. Свято-Владимирский собор спроектировали таким образом, что издали он выглядит как многоглавый храм. Многочисленные части его покрытия (от купола до фрагментов крыши), разной формы (круглые, угловые, квадратные), но при этом в тот период одного цвета, и впрямь смотрятся как отдельные «главы». Разрастаясь вширь, они ниспадают тремя ярусами – от вершины к основанию (см. рис. 4).

Рис. 4. Херсонесский собор на дореволюционной открытке

Особо отметим, что эпитет «смуглые» в определении «глав» храма нуждается в отдельном и более подробном комментировании. Конечно, в этом словоупотреблении есть дань колориту, что мы уже отметили, рассказав о цинковой кровле собора. Колористическая функция этого эпитета несомненна и в известных стихах о Пушкине 1911 года, из ахматовского цикла «В Царском Селе»:

Смуглый отрок бродил по аллеям <...>.
[1, т. 1, с. 77]

Однако в 1913, 1914 и 1915 годах, уже вне всякой колористической привязки, Ахматова наделяет «пушкинским» колоративом свою Музу: «А **смуглая** сидела на траве» («В то время я гостила на земле...» [1, т. 1, с. 147]), «Допишет Музы **смуглая** рука» («Уединение» [1, т. 1, с. 183]), «И были **смуглые** ноги / Обрызганы крупной росой» («Муза ушла по дороге...» [1, т. 1, с. 247]).

В 1916 году этот эпитет снова появится в стихотворении Ахматовой о Бахчисарае. Внешне он вроде бы опять исполняет колористическую функцию – передает особый оттенок лица крымскотатарских женщин, персонифицированных в образе «смуглой» Осени:

<...> Осень **смуглая** в подоле
Красных листьев принесла <...>.
[1, т. 1, с. 275].

Но в стихотворении «Клеопатра» 1940 года уже неясно: «**смуглая** грудь», на которую героиня «равнодушной рукой» кладет «**черную** змейку», – только ли колористическая деталь или это также траурный символ «прощальной жалости» к египетской царице [1, т. 1, с. 464]?

Чем больше накапливается примеров, тем становится ясней: значение эпитета «смуглый» колоритом не ограничивается. Об этом свидетельствует и стихотворение А. А. Блока «Седое утро» – кстати, того же 1913 года, что и стихи Ахматовой о Музе:

Прощай, возьми еще колечко,
Оденешь рученьку свою
И **смуглое** свое сердечко
В серебряную чешую...
[10, т. 3, с. 207].

Верно: речь у Ахматовой в 1916 году идет о татарке, а у А. А. Блока в 1913 году – о цыганке. Однако одним только оттенком их кожи эпитет «смуглый» тут уже не объяснишь. Почему у Анны Андреевны «смуглая» не просто женщина, а – Муза или Осень? И осень не какого-нибудь, а именно 1916 года? Отчего у А. А. Блока цыганка, прощаясь с лирическим героем после ночи, полной ее страстных песен и его страстных объяснений, «хладно жмет» к его губам «свои серебряные кольца»? Не перекликается ли этот мотив «страстного холода» и безнадежного прощания со строками, адресованными «утешному» другу в бахчисарайском стихотворении Ахматовой?

Есть, быть может, еще одна – сугубо личная, интимно-психологическая – причина столь сильной привязанности Анны Андреевны к эпитету «смуглый». С самого рождения Ахматова отличалась необыкновенно белой кожей. Помимо свидетельств современников, это подтверждается ее собственным признанием: в Херсонесе она «загорала до того, что сходила кожа» [1, т. 5, с. 215]. Именно у того типа людей, к

которому она принадлежала, упорное пребывание на солнце все равно приводит не к загару, а к шелушению кожи.

По личному опыту Анна Андреевна знала, что такая белизна – характерный признак людей, больных туберкулезом. Летом 1896 года умирает от этой болезни ее четырехлетняя сестра Ирина (Рика), летом 1906-го с тем же диагнозом в возрасте 21 года уходит старшая сестра Инна, осенью 1922-го – 28-ми лет отроду – скончалась в Севастополе сестра Ия. В 1907 году в грязелечебницу доктора Е. Э. Шмидта привозят лечиться от первых признаков туберкулеза уже саму Анну Горенко [6, с. 48].

В стихотворении «Как невеста, получаю...», написанном в октябре 1915 года в туберкулезном санатории близ Хельсинки, читаем:

Я гощу у смерти **белой**,
По дороге в тьму.
[1, т. 1, с. 245]

«Белая» смерть, разумеется, образ многозначный. Идет ли речь о финских снегах? Для октября на юге страны вроде бы рановато. Или о белых халатах врачей? Или о саване? Возможно. Однако не исключена еще одна интерпретация. Речь может идти и о нездоровой белизне кожи у больных туберкулезом. Во всяком случае, эпитет «белый» у Ахматовой будет всегда сопровождать несчастье и беду [см. 1, т. 1, с. 267, 373]. Даже рай, если он «белый», – это не бессмертие, а смерть [1, т. 1, с. 177].

Не потому ли с такой готовностью подчеркивает Ахматова «смуглое» в дорогах ей людях и предметах? Смуглый – лицеистский Пушкин. (Сам-то он всю жизнь считал идеалом красоты именно белую кожу.) Смуглая – Осень в облике крымскотатарской женщины. Смуглая – ахматовская Муза. Смуглая – грудь царицы Клеопатры. Смуглые – главы Херсонесского храма.

И повсюду этот «смуглый» цвет у Анны Андреевны – знак желанного, мечтаемого, идеального, но недостижимого. Поэтому в детстве она дни напролет проводит на море, безуспешно стараясь обрести под южным солнцем столь заветный, но упорно ускользающий загар.

Итак, стихи Ахматовой накрепко спаяны между собой не простыми повторами отдельных «излюбленных» слов. Связывает их глубинная поэтика. Именно благодаря ей слова-образы переливаются в строки, строки – в целые тексты, тексты – в циклы, циклы разного времени – в единые вопросы бытия, обращенные к их, этих стихов и циклов, героям. А вот как отвечала Ахматова на эти вопросы, – предстоит внимательно изучать снова и снова.

VI.

**<...> И не знать, что от счастья и славы
Безнадежно дряхлеют сердца.**

Эти две последние строки на основе всего накопленного материала помогут нам понять не только «малую», но и ту «большую» тайну, которую скрывает в себе стихотворение и о которой в 1912 году пока не знает и сам поэт.

Начнём, как обычно, с реалий. Будем при этом помнить, что у Анны Андреевны реалии имеют обыкновение стремительно перетекать в поэтические образы и символы.

Трижды Ахматова вспомнит своё «главное место в мире» – Херсонес, античный город-полис, в 2013 году внесённый в список памятников Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО [1, т. 5, с. 215; там же, с. 236; там же, с. 693]. Воля автора (а тем паче, поэта) вспоминать так, как ей в 1960-е годы – через полвека с лишним после

детства и отрочества, связанных с Херсонесом, – вспоминалось. Долг исследователей – проверять высказывания не только коллег, но и исследуемых авторов. Что же показывает такая проверка?

«Главное место в мире» отразилось в стихах нашего поэта более чем скромно. Спешим оговориться: в виду имеется не весь комплекс севастопольских окраин в районе между бухтой Стрелецкой и бухтой Песчаной, а именно античный Херсонес. В поэме «У самого моря» будут и белые, крутые, известняковые херсонесские берега, и плоский камень, на котором отдыхала «дикая девочка», девочка-русалка Аня Горенко, и золотые херсонесские пляжи, и мысы, и многое иное. Потом эти реалии, уже в другом, зрелом и горьком контексте, воскреснут в поэме «Путём всея земли».

Всё так. Но реалии эти – не детали собственно античного Херсонеса. А ведь к 1890-м годам раскопки древнего эллинского города, начавшего свое существование в VI веке до н. э. и ставшего «малыми Афинами» Северного Причерноморья, – уже открыли многое и поражали многих [11]. Причем поражал этот город, вышедший из-под земли, не только профессионалов: археологов, историков, филологов-эллинистов. Посмотреть на него приезжали любители старины, путешественники, люди культуры. К таковым, несомненно, принадлежала и семья Горенко, несмотря на нефилологическую профессию отца.

Да, родилась Аня Горенко в Одессе на Большом Фонтане (тоже, кстати, прелюбопытнейшем одесском пригороде). Но именно в Херсонесе родные поведут дочь при полном параде дарить музею найденный ею кусок мрамора с греческой надписью [6, с. 32].

Да, в силу сложных семейных обстоятельств мать Анны Андреевны с дочерьми и сыном вынуждена была переехать в Евпаторию. Однако и Евпатория ахматовского отрочества была на редкость колоритным, исторически богатым, многоверческим и многонациональным городом. И гимназистка Аня Горенко, конечно, не старшеклассники Бориса Балтера – евпаторийские «мальчики», которых запомнил в пору «оттепели» весь читающий Советский Союз. Автор повести знал, они – как бы и не знали ничего ни про Джума-Джами (соборную мечеть выдающегося турецкого архитектора Синана), ни про уникальный монастырь дервишей, ни про духовный центр караимов – не менее уникальные евпаторийские кенасы.

Положим, воспоминания Б. И. Балтера могла ограничивать цензура. Но какая цензура мешала Ахматовой, упоминая Херсонес, вспомнить Уваровскую базилику? Античную купальню с её изысканной мозаикой? Высеченную на мраморе гражданскую присягу херсонеситов? И т. д., и т. п.

Вероятнее другое. Личный «херсонесский миф» (сперва «дикой девочки», потом «последней херсонидки») значил для поэтического мышления Ахматовой больше, чем реалии исторического Херсонеса. Заметим: реалии исторического Бахчисараея (как древнего, так и 1916 года) тоже заслонены в её стихотворении «Вновь подарен мне дремотой...» личным «бахчисарайским мифом». Мифом о «золотом» – но вневременном! – Бахчисарае, месте действия их с Н. В. Недоброво последнего лирического сюжета [см. об этом специальный цикл наших публикаций].

Реалии, мы видим, действительно перетекают в творческом сознании поэта в символы, а из символов ткутся личные мифы.

Анне Андреевне осенью 1912 года (время написания стихотворения) уже исполнилось 23 года. Для самой популярной женщины-поэта Серебряного века это возраст немалый. Но задумаемся: а «знает» ли она не только в 1903-м, а и даже в 1912-м году, как «от счастья и славы безнадежно дряхлеют сердца»?

И о «счастье», и о «славе» Ахматова будет думать, – и очень пристрастно думать, – еще долго, по сути, до конца своих дней (см. пророческую строку 1912 года «Умирая, томлюсь о бессмертии...», открывающую второе из пяти стихотворений

ахматовского цикла в «Гиперборее»). Об этом же свидетельствует и её обида на современников, русских эмигрантов, словно бы заперших её в 1910-х – начале 1920-х годов и забывших о ней последующей: пишущей, страдающей, но и мужающей. В том же ряду стоит и внимание Ахматовой к её зарубежным исследователям, к их публикациям 1960-х, и оживленная реакция на литературную премию «Этна-Таормина», и разговоры с друзьями о возможной «Нобелевке» и др. Понять Анну Андреевну можно. Испить к двадцати с небольшим годам полную чашу той самой славы, а потом на тридцать с лишним лет погрузиться в изоляцию, известность в узком – очень узком – кругу, – испытание и впрямь не из легких. Для нашей темы, однако, важно иное. «Красавица тринадцатого года», Ахматова свою тогдашнюю славу с сердечным одряхлением не связывала.

То же можно сказать и о «счастье». Ахматова 1912-го года – автор первой книги стихов «Вечер», к которой «критика отнеслась благосклонно» [2, т. 2. с. 237]. Она уже два с половиной года замужем за знаменитым Н. С. Гумилевым. У них родился сын Лев. Каждый год Ахматова наезжает в Европу. Там ее окружают незаурядные люди и большие культурные события (например, «первые триумфы русского балета» в Париже [там же]). Она вся в водовороте страстей, ухаживаний, романов.

Снова оговоримся: речь идет не о пошлой «фам фаталь» – модном женском типаже Серебряного века, так остро спародированном А. Н. Толстым в «Сестрах». Граф Толстой, вернувшись из эмиграции в СССР, поторопился разделиться со знаковыми фигурами этого века, его самого в знаковую фигуру не выбравшего. Так, толстовский поэт Бессонов – доказанная пародия на А. А. Блока. В таком случае почему не предположить, что бессоновская курортная (крымская!) пассия, актриса (т. е. женщина артистичная), худая, со змеиной пластикой, – не есть скрытая пародия на Ахматову? Как-никак, в глазах широкой публики оба поэта были символом и легендой Серебряного века: Он – как его идеальный мужчина, Она – как его идеальная женщина. Так что для массового мифосознания «роман» между ними подразумевался сам собой. Но занимают нас сейчас не эти мифы и не эти пародии, а факт: поэзия и личная биография Ахматовой, бесконечно от них далекая, все же их питала.

Итак, сама Ахматова 1912-го года не ощущает себя ни дряхлеющей сердцем, ни равнодушной к счастью и славе. Откуда же появились в финале стихотворения эти строки? Кто их произносит?

Прежде ответа (в свою очередь, требующего дальнейшей проверки) обратим внимание на ахматовский глагол в строках предыдущих: «Всё **глядеть** бы на смуглые главы / Херсонесского храма...». «Глядеть» означает совсем не то же, что «поглядеть». Попробуем заменить этот глагол: «Поглядеть бы на смуглые главы...». Тогда смысл финального четверостишия примерно таков: приехать еще раз в памятные места отрочества, повидать их – и в блаженном неведении не догадываться о том, чего героиня-подросток еще не могла знать: цену своей будущей взрослой славы и счастья.

Но ведь именно это она как раз уже знает!

Важный оттенок значения у глагола «глядеть» (как и в случае с глаголом «вижу») – его длительность. «Глядеть» долго может, конечно, означать и «любоваться», – но только не в ахматовском поэтическом мире. В нем множество пейзажей, они есть почти в каждой её лирической миниатюре. Нет – созерцательного, введиологического любования: ни природой естественной, ни пейзажами урбанистическими

Если героиня глядит на «смуглые главы» Херсонесского храма, то ведь и главы эти тоже на нее глядят? Если она ведет с ними свой мысленный диалог (вся предшествующая часть стихотворения и представляет собою такой диалог), то ведь и «смуглые главы» ведут его с героиней? Тогда позволительно предположить, что заключительные полторы строки есть также **их** ответ ей – ответ и пророчество, ответ и предупреждение на годы и десятилетия вперед. Она может этого не знать – это знают

они. Сказанное ей она услышит, уже подготовленная к пониманию «малой» тайной. А в результате и к «большой» тайне тяжкого жизненного испытания полузабвением и невниманием она будет готова.

Одесское письмо Н. С. Гумилева свидетельствует, что финальное двустручие стихотворения о «счастье и славе» имеет двойную адресацию. Херсонесским храмом оно адресовано Ахматовой, но ею самой оно переадресовано Н. С. Гумилеву, что он и подтверждает своим ответом.

Подобная гипотеза бросает новый свет и на те наблюдения, которые делались нами раньше. Оказывается, не даром «смуглые» у Ахматовой и купола херсонесского храма, и бахчисарайская осень, принесшая красные листья в подоле, и муза, пришедшая к поэту по горной дороге (т. е. с некоей высоты). Все они – действующие лица (а не «фон»); все имеют свою, более высокую точку обзора, свой голос в диалоге с поэтом.

Скажем, осень не просто усыпает листьями ступени, «где прощались» героя с героем. Этот жест – тоже реплика, притом реплика со многими значениями. Цветами усыпают дорогу жениху и невесте при венчании. Сухие осенние листья – своеобразный антипод венчального обряда. Усыпают цветами и погребальное шествие. Но яркий, «страстный» красный цвет опровергает и это истолкование как единственно возможное, не отменяя терпкого погребального привкуса, вносимого им в ситуацию прощания. «Принести в подоле» - народный фразеологизм; он значит «родить ребенка на стороне, вне законного брака». Однако бахчисарайская осень приносит героям не живого ребенка, плод любви, а мёртвые листья, плод встречи «на стороне». (Напомним: Ахматова к моменту этой встречи разошлась, но не «развенчалась» с находящимся на войне Н. С. Гумилевым, а Н. В. Недоброво ждет в Алуште красавица-жена, самоотверженно ухаживающая за больным мужем.)

Тот же вывод применим и к «смуглой» Музе. Её смуглоту также можно трактовать как цвет-реалию (крымскую? итальянскую?). Вместе с тем, смуглая Муза, которая будет опять и опять приходить к нашему поэту, окажется не той, что «диктовала» Данте страницы «Чистилища» или страницы «Рая». Диктовала она, согласно Ахматовой, страницы «Ада» [1, т. 1, т. 403].

От этого двустручия тоже разойдутся отражения далеко вперед – до «Реквиема», с его политическими застенками, и «Поэмы без героя», с ее дьявольским карнавалом. И об этом будущем еще не догадывается крымская Ахматова. Но о нем уже ведают ее «смуглая» собеседница и «смуглые главы» Херсонесского храма...

Заключение к теме «Ахматова и Крым» дописать (как мы убедились) пока невозможно: работы здесь хватит надолго. Можно, на наш взгляд, уже сегодня констатировать: в судьбе Ахматовой Крым сыграл роль, подобную его роли в судьбе Пушкина. Многоголосый, поликультурный, насквозь «диалогичный» и метафизичный, – Крым как бы зарядил этими свойствами всех великих художников, попавших в его силовое поле.

Предлагаемый вариант комментария к «херсонесскому» фрагменту стихотворения А. А. Ахматовой:

**Все глядеть бы на смуглые главы
Херсонесского храма с крыльца <...>.**

Речь идет о дачном поселке, построенном владельцем имения «Отрада» Н. И. Туром недалеко от Стрелецкой бухты. В этом поселке семья Горенко снимала домик почти каждое лето с 1896 по 1903 год. Как известно, сама А. А. Ахматова называла Херсонес «главным» для нее «местом в мире». Установить, где точно располагался дачный домик, и выяснить, не меняла ли семья свой летний адрес на протяжении восьми лет, пока не представляется возможным. Твердо можно сказать лишь, что дача стояла на возвышенном месте, поэтому «с крыльца» ее был хорошо виден Херсонес и, в частности, Свято-Владимирский собор. Купол храма и его двухъярусные крыши имели темное цинково-свинцовое покрытие и визуально создавали эффект многоглавого собора. Это и породило поэтический образ «смуглых глав Херсонесского храма».

Список литературы

1. Ахматова А. А. Собрание сочинений. В 6 т. / А. А. Ахматова. – М.: Эллис Лак, 1998-2002; Т. 7 (дополнительный). – 2004.
2. Ахматова А. А. Сочинения. В 2 т. / А. А. Ахматова. – М.: Художественная литература, 1986.
3. Ахматова А. А. Сочинения. В 2 т. / А. А. Ахматова. – М.: Правда, 1990.
4. Ахматова А. А. Победа над судьбой. В 2 т. / А. А. Ахматова. – М.: Русский путь, 2005.
5. Ахматова А. А. Стихотворения и поэмы / Составление, подготовка текста и примечания В. М. Жирмунского / А. А. Ахматова. – Издание 2-е. – Л.: Советский писатель, 1977. – (Библиотека поэта. Большая серия).
6. Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой: 1889-1966 / В. А. Черных. – Издание 2-е, исправленное и дополненное. – М.: Индрик, 2008.
7. Горелов В. Н. Херсонес Анны Ахматовой / В. Н. Горелов // Литературная газета + Курьер культуры: Крым-Севастополь: Региональное обозрение. – 2008. – 26 сентября-10 октября. – №18(23). – С. 2.
8. Севастополь: Энциклопедический справочник. – Издание 2-е, дополненное и исправленное. – Севастополь: «Салта» ЛТД, 2008.
9. Золотарев М. И. Херсонесские святые / М.И. Золотарев, В. В. Хапаев. – Севастополь: Фуджи-Крым, 2002.
10. Блок А. А. Собрание сочинений. В 8 т. / А. А. Блок. – М.-Л.: ГИХЛ, 1960-1963.
11. Реальный словарь классических древностей по Любкеру / Под редакцией Ф. Гельбке, Л. Георгиевского, Ф. Зелинского и др. – СПб.: Издание Общества классической филологии и педагогики, 1885. – 1552 с. – С. 280.
12. Гумилев Н. С. Сочинения. В 3 т. / Н. С. Гумилев. – М.: Художественная литература, 1991.
13. Витухновская Н. И. Морские врачи и Севастопольская морская офицерская библиотека [Электронный ресурс] / Н. И. Витухновская, А. А. Зубарев. – Режим доступа: <http://grafskaya.com>.

Казарин В.П., Новикова М.О. Вірш Г. А. Ахматової ««Вижу выцветший флаг над таможней...» // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 27 (66). № 2. – С.146-163

У статті виявлено петербурзькі та кримські реалії, які покладені в основу поетичних образів вірша А. А. Ахматової 1912 року. Серед петербурзьких реалій – головна Морська митниця російської столиці і спеціальної митний прапор над нею, клініка доктора Д. О. Отта, яку прозвали «імператорською родильнею» (заснована в 1797 року імператрицею Марією Федорівною). Серед кримських реалій – дачні передмістя Севастополя (у тому числі маєток М. І. Тура «Відрада» і грязелікарня доктора Є. Е. Шмідта), Стрілецька й Пісочна бухти, Херсонес і Свято-Володимирівський собор. Запропоноване нове розуміння обставин, що інспірували ахматівській текст: народження сина Лева, відчуження (згодом і формальне розлучення) А. А. Ахматової та М. С. Гумільова. Доведено подвійну адресацію вірша й особливий, пророчий сенс його фіналу. Застосовано методи історійко-біографічний, реального коментування та глибинного поетологічного аналізу.

Ключові слова: Ахматова, Гумільов, відчуження, розлучення, Петербург, Морська митниця, прапор, клініка професора Д. О. Отта, Крим, Севастополь, Херсонес, Свято-Володимирівський собор, смугляві глави, Стрілецька бухта, Пісочна бухта, маєток М. І. Тура «Відрада», грязелікарня доктора Є. Е. Шмідта, приморська дівчисько, щастя, слава, дряхлення серця, історико-біографічний метод, методи реального коментування та глибинного поетологічного аналізу.

// *Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 2. – P.146-163*

The paper reveals Petersburg and Crimean realia underlying the poetic imagery in Anna Akhmatova's poem written in 1912. Among the Petersburg realia are the main Maritime Customs House with its special flag and Prof. D. Ott's clinic founded in 1797 by Empress Maria Feodorovna and widely referred to as the Imperial Maternity Home. Among the Crimean realia are the suburbs of Sevastopol (with N. Tour's estate Otrada and Dr. E. Schmidt's mud cure clinic), the Streletskaya and Pesochnaya Bays, Chersonese and St. Vladimir's Cathedral. New insights into the circumstances which inspired Akhmatova's text are offered such as the birth of her son Leo and her estrangement (as well as subsequent official divorce) from N. Gumilev. The double addressee of the poem is proved, as well as a special prophetic meaning of its final part. The historical and biographical methods are combined in the research with realia comments and in-depth poetological analysis. The text is interspersed with illustrations.

Key words: Akhmatova, Gumilev, estrangement, divorce, Petersburg, Maritime Customs House, flag, Prof. D. Ott's clinic, Crimea, Sevastopol, Chersonese, St. Vladimir's Cathedral, swarthy cupolas, Streletskaya Bay, Pesochnaya Bay, N. Tour's estate Otrada, Dr. E. Schmidt's mud cure clinic, seaside girl, happiness, fame, decaying heart, historical and biographical methods, realia comments, in-depth poetological analysis.

Поступила в редакцію 28.08.2014 г.

УДК 81'1:130.2

**Синестезия как средство выражения
символистского мироощущения**

Карпенко А.В.

*Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Республика Крым
annka1@list.ru*

В данной статье автор обращается к проблеме символа и средствам его выражения и связано это с тем, что практически все предшествующие подходы к исследованию этого феномена игнорировали тот факт, что символ является несущим основанием художественной культуры. Рассматривая разнообразные средства выражения символа, ученые явно недостаточно изучали феномен синестезии. Наиболее важным, на наш взгляд, является рассмотрение этого феномена и обращение к закону Всеобщей аналогии. Исследуя символистские тексты культуры, автор статьи определяет синестезию как «чувства, собирающиеся вместе». Раскрывая сущностные характеристики синестезии, автор опирается на собственные переводы отрывков из литературных произведений и критических статей таких великих символистов как Шарль Бодлер, Жорис-Карл Гюсманс, Теофиль Готье, Эрнст Рейно, Борис Вьян, и приходит к выводу о том, что синестезия, определяет горизонтальные соответствия между различными чувствами. Вертикальные же соответствия выражают сакральное в мире, где все является лишь символом высшей реальности.

Ключевые слова: *символ, символизм, символический, Закон всеобщей аналогии, горизонтальные и вертикальные соответствия.*

Символизм как явление тотален и многомерен. Пронизывая все культурные этажи человеческого бытия, имея неограниченную сферу использования, уникальные, функциональные возможности, концепт символа являет собой феномен для глубокого и всестороннего осмысления и анализа. Проблема символа в лингвокультурологии мало исследована, и хотя в литературе накоплен разнообразный материал по тематике символа и символизма, символы, в основном, рассматриваются в рамках исследования более широких литературоведческих и культурологических проблем. Ученые (Э. Кассирер, А.Ф. Лосев, К.А. Свасьян и др.) уделяли особое внимание проблеме разграничения символа с разнообразными формами эстетического выражения и семантическими категориями (знак, метафора, аллегория и т.д.). В своих трудах они подробно изложили основные проблемы символа: структура, функции, место в системе культурной традиции. Э. Кассирер утверждал, что реальности помимо символа не существует, и видел сущность человека в его способности воспроизводить и использовать символы. А.Ф. Лосев исследовал трактовку концепта «символ» в эстетическом аспекте и в рамках собственной концепции мифа. Неоспоримая заслуга А.Ф. Лосева – в постановке проблемы символа для науки. Замечание А.Ф. Лосева о том, что символ является одним из самых «туманных, сбивчивых и противоречивых понятий» [2, с. 4], явилось импульсом к появлению серьезных, но, к сожалению,

немногочисленных теоретических исследований по проблеме символа в советский период. Среди ученых, разрабатывавших данную проблему, необходимо упомянуть В.И. Антонова, С.С. Аверинцева, Н.Н. Рубцова, К.А. Свасьяна, Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова.

По нашему мнению, разработка целостной концепции символа требует пристального изучения наследия столпов французского символизма, тех, кто своим творчеством, предвосхитил, подвел лингвокультурологическую базу, выработал инструментарий и доказал право на существование символистского направления в художественном творчестве. Исследуя символистские тексты культуры, ученые заметили, что одним из наиболее выразительных средств представления символистского мироощущения явилась синестезия. Синестезия определяется как «чувства, собирающиеся вместе». Попросту говоря, синестезия означает, что, когда определенное чувство или часть чувства активизируется, другой, не связанный смысл или часть смысла также активизируется. Например, когда кто-то слышит звук, писатель, поэт, художник сразу видит цвет или форму в своем «мысленном взоре». Будучи системным признаком человеческой чувственности, синестезия отражает целостные свойства действительности и являет собой неотъемлемый компонент художественного мышления. Это явление требует отдельного пристального внимания. Мы остановимся только на некоторых, наиболее существенных для нашего исследования аспектах. Необходимо пристальнее изучать это явление хотя бы в силу того, что концепт символа раскрывается, в том числе, и благодаря возрастанию роли синестезийных переживаний.

Параллели между разными ощущениями интересовали ученых со времен античности. О возможности «общего чувства» рассуждал Аристотель в трактате «О душе», сопоставлением гамм и палитр интересовались Гете и Лейбниц, а французский ученый Луи Бертран Кабель сконструировал цветомузыкальный орган задолго до авангардных экспериментов Скрябина. Но со временем выяснилось, что «цветной слух» – лишь частное и наиболее распространенное проявление загадочного феномена, синестезии.

Синестезия – это особый способ восприятия, когда некоторые состояния, явления, понятия и символы произвольно наделяются дополнительными качествами: цветом, запахом, текстурой, вкусом, геометрической формой, звуковой тональностью или положением в пространстве. Эти качества иллюзорны: органы чувств, обычно отвечающие за их появление, в синестетическом восприятии не участвуют. При этом чувства словно смешиваются: человек может видеть или осязать звук, слышать цвет, чувствовать текстуру или геометрическую форму мелодии и так далее. Такое «перекрестное» восприятие может проявляться в двух вариантах. Более интенсивный, когда синестетик действительно видит или чувствует цвета, запахи и другие дополнительные качества параллельно с привычными ощущениями от предметов, и мягкий вариант, «ассоциативный», когда у человека всплывают стойкие ассоциации на определенный раздражитель, но в качестве абстрактного знания, а не реальных физических ощущений. Отличие таких ассоциаций от обычной игры воображения – в их фиксированности: например, человек на протяжении всей жизни ассоциирует цифру «7» с желтым цветом, а музыку Моцарта – с овалом, в любом контексте.

Мы рассмотрим только необходимые для нашего исследования проявления синестезии в символизме. Вспомним Макса Нордау и его теорию о вырождении, утверждающего, что синестезия – это сбой сознания, который является причиной появления выродившихся субъектов. Александр Блок, например, накануне революции и первой мировой войны слышал гул, идущий из-под земли и наполняющий собой все пространство.

Закон «Всеобщей Аналогии» основан на явлении синестезии (synesthesia – от греч. соощущение), которая явилась привилегированным инструментом в преодолении реального, и которая опирается на межчувственные связи. В чем же суть понятия синестезии, ее функций в художественном творчестве? Здесь речь идет о взаимодействиях в полисенсорной системе чувственного отражения, возникающих по принципу ассоциации. Простейшие связи, как известно, – «ассоциации по смежности», а наиболее значимые для искусства – это «ассоциации по сходству». Сходство может быть сходством по форме, структуре, гештальту слухового и зрительного образов. Сходство может быть и по содержанию, и по эмоциональному воздействию. На этом основаны, например, синестетические аналогии «тембр-цвет», «тональность-колорит», которые наиболее характерны для художественного творчества. И, если признать связующие посредничества высших эмоций в формировании синестезии, то здесь явно проявляется участие мыслительных операций, которые чаще всего осуществляются на подсознательном уровне. Таким образом, синестезию необходимо отнести к сложным специфическим формам невербального мышления. Итак, являясь специфической формой взаимодействия в целостной системе человеческой чувственности, синестезия – это проявление сущностных сил человека, не аномалия, но норма, хотя ввиду возможной «скрытости» своего происхождения она недоступна поверхностному научному подходу. Более того, синестезия характеризуется как концентрированная и симультанная актуализация чувственного в широком спектре его проявлений. Именно художественное творчество было той основной сферой социальной практики, где культивировалась и функционировала синестезия. Ведь понимание и суть самого художественного творчества как уникального способа, формы развития универсальной человеческой чувственности в ее целостности и гармоничности утверждалось в учениях величайших философов (И. Кант, Г.В.Ф. Гегель, Л. Фейербах, Л. Толстой и т.д.). Синестезия, как сущностное свойство художественного мышления, содействует более полному восприятию мира художественного творчества. [4, с 5-9]. Великолепным примером синестезии являются следующие строки из стихотворения «Соответствия» Ш.Бодлера: «Бывает запах свеж, как плоть грудных детей. Как флейта, сладостен и зелен, как поляна, ...» [3, с. 69]. А также знаменитый сонет «Гласные» Артюра Рембо: «А - черный, белый - Е, И - красный, У - зеленый, О – синий... Гласные, рождений ваших даты еще открою я...» [3, с. 89].

Шарль Бодлер, чья поэзия являлась символической, не будучи символистской, создавая свой поэтический мир, пришел к выводу о существовании глубинного и универсального закона «Всеобщей аналогии», позволяющего «понимать без усилий» «язык которым говорят цветок и вещь немая». «Вся вселенная, - писал он, - есть лишь кладовая образов и знаков, которые воображение извлечет на свет и придаст соответствующую ценность» [7, с. 216]. И в этом смысле воображение Бодлера, - это «Королева способностей», а сонет «Соответствия» может с этой точки зрения рассматриваться как ключевой текст. По Бодлеру, поэзия должна установить соответствия между искусствами, архитектурой, скульптурой, живописью, музыкой, и т.д., которые стремятся вливать друг в друга все новые и новые силы [1, с. 320-321]. С другой стороны, поэзия должна передать соответствия между ощущениями, либо при помощи определенного способа их описания, либо используя изобретенные неожиданно сочетания слов и смелые метафоры. Это и «зеленые запахи», «голубые волосы» и «звучащие драгоценности». Это поэзия, ищущая сущности и ее достигающая. В статье об Эдгаре По и Теофиле Готье Бодлер пишет: «Этот восхитительный, этот бессмертный инстинкт Красоты заставляет нас видеть в земле и ее зрелищах как бы краткое повторение, как бы соответствие Небу. Ненасытная жажда всего, что находится там, за пределами и только приоткрывается нам жизнью,

- это самое живое доказательство нашего бессмертия. Именно в поэзии и с помощью поэзии, посредством и через музыку, душа приоткрывает великолепие, расположенное позади гробницы, за чертой; и когда изящное стихотворение вызывает слезы на глазах, эти слезы не свидетельствуют об избытке наслаждения, они скорее свидетельствуют о раздражающей меланхолии, о нервах, о природе, сосланной в несовершенное и которая завладеет на этой самой земле проявленным раем» [9, с.142-143]. Таким образом, Бодлер утверждает, что принцип поэзии состоит в стремлении человека к наивысшей Красоте. Проявление этого принципа состоит в энтузиазме, в воспарении души, энтузиазме, совершенно независимом от страсти, который является восторгом сердца и истины, и пищей для разума, так как страсть эта – вещь естественная, даже слишком естественная, чтобы не вводить обидный, диссонирующий тон в область чистой Красоты [9, с.142-143]. Уже в своих критических статьях, начиная с «Салона 1846», Бодлер пытается определить, говоря о живописи, надприродную поэтику, основанную на «соответствиях». «Не знаю, - писал Бодлер,- определил ли кто-то полную гамму цветов и чувств, но я все время вспоминаю отрывок из Гоффмана, который великолепно выражает мою мысль. ...Не только во сне, или пребывая в легкой дреме, предшествующей сну, но еще и проснувшись, когда слышу звуки музыки, я нахожу аналогию и интимный союз между цветами, звуками и запахами. Мне кажется, что все эти вещи были порождены одним лучом света, и что они должны соединиться в прекрасный концерт. Запах коричневых и красных ногтей производит на меня особенно магический эффект. Он вводит меня в глубокую задумчивость, и тогда я слышу вдали тяжелые и глубокие звуки гобоя. [9, с.142]. Размышляя об этой удивительной способности человека, Бодлер подчеркивал, что Готье объединил огромный внутренний интеллект соответствий и универсальный символизм – этот репертуар всякой метафоры и пришел к выводу, что он может бесконечно, без усталости, непрерывно и безошибочно определять мистическое отношение, которое объекты созидания удерживают перед глазами человека. Имеется в слове, в глаголе что-то сакральное, запрещающее нам делать из него игру случая. Умело обращаться с языком, это – практиковать своего рода колдовство, вызывающее ассоциации. Именно тогда цвета говорят, как сильный и вибрирующий голос. Памятники поднимаются и выступают из глубины космоса. Животные и растения, представляющие уродство и зло, ясно и однозначно формулируют их своей гримасой. Запахи вызывают соответствующие мысли и воспоминания, а страсть шепчет или ревет на своем вечном языке. Ш. Бодлер замечает: «Вот что уж, было бы по-настоящему удивительным, так это то, что звук не смог бы наводить нас на мысль о цвете, цвета не могли бы вызывать мысль об определенной мелодии, а звук и цвет были бы неспособны выразить мысль. Вещи всегда выражаются посредством взаимной аналогии с того самого дня, когда Бог создал мир, как сложную и неделимую целостность» [9, с. 144].

Шарль Бодлер утверждал, что поэзия не может, даже под страхом смерти или проявлении слабости уподобляться науке или морали. Она не возражает против Истины, она сама по себе. Способы представления Истины другие и в другом месте. Истина не имеет ничего общего с поэтическими произведениями. Все, что составляет шарм, грацию, неотразимость поэтического произведения отобразило бы у Истины ее авторитет и власть. Прохладное, спокойное, бесстрастное, демонстративное настроение отталкивает алмазы и цветы от музыки; она (Истина) абсолютно противоположна поэтическому ладу [9, с.142-143]. Бодлер испытывал наивысшую интенсивность эмоциональных переживаний, а также предельную активизацию синестетической способности в ситуациях, когда реальное зрение отключено, и ничто не мешает наслаждаться воображаемыми, яркими до уровня эйдетики, представлениями, инспирированными ассоциативным, синестетическим

мышлением. Предположить можно только одно: большинству живописцев помогают их эйдетические способности. Музыкантам помогает их абсолютный слух, а большинству символистов склонность к синестетическому чувствованию позволяет, в моменты взволнованного, экстатического переживания звука, когда он, как бы, захлебываясь в поисках слов для их обозначения, и не найдя их, сходу переходит к более надежному и доступному визуальному словарю. Бодлер считал, что неизбывное чувство Красоты, заставляет нас считать Землю и все на ней происходящее лишь «кажимостью», соответствием Небес. Он создает мир «соответствий», где за изображением таится нечто большее. Закон «всеобщей аналогии», по Бодлеру, проявляется в связях между явлениями внешнего мира и внутреннего мира поэта в выражении его душевных порывов. Но он также знаменует единство материального и духовного. Поэт проявляет эти соответствия между окружающим миром и своим «Я». Говоря о стихах, Бодлер употребляет термины живописи, свои впечатления от музыки он выражает через зрительные и пространственные образы. Намного позже символист и теоретик движения Эрнст Рейно пишет, что «Поэт творит эстетические формы, которые ...сопрягаются друг с другом за счет тематического единства произведения. ... Они выражают тему при помощи соответствий. Запахи, цвета и звуки перекликаются между собой» [3, с. 432]. И действительно, если принять за основу спинозовское учение о единстве субстанции, то модусы этой субстанции развиваются параллельно друг другу. Любой феномен, будь то психический или физический, имеет соответствие в потенциальном или воплощенном небесном прообразе. Так, течение реки соответствует течению чьей-то судьбы, заходящее солнце – чьей-то меркнувшей славе и т.д.

Природа не существует сама по себе. Она – огромный резервуар аналогий, т. е. подобий, устанавливаемых воображением между двумя или многочисленными объектами различными, по большей части. Она, по словам Бодлера, - кладовая символов и знаков, что-то вроде пищи, которую воображение должно переварить и трансформировать, чтобы вновь овладеть формулой Бодлера, предложенной в «Романтическом искусстве» где, как бы, утверждаясь в своих мыслях, он задает вопрос, уже несущий в себе ответ. Разве из-за фатальности декаданса сегодня каждое произведение искусства проявляет желание покуситься на соседнее искусство, ... а художники вводят музыкальные гаммы в живопись, скульпторы - цвет в скульптуру, литераторы - пластические средства в литературу.? [3, с.127-128].

Сотворение представляет собой изображение музыкальной партитуры, которую нужно расшифровать и которая должна быть настроена для всеобщей гармонии. Это и есть теория соответствий. Уже Хоффман в «Клейслериане» утверждал, что нашел аналогию и интимное слияние между цветами, звуками и запахами, и что запах коричневых и красных ноготков позволяет ему слышать как бы вдалеке низкие и глубокие звуки гобоя.

Явление синестезии замечательно описано в романе Жорис-Карла Гюисманса «Наоборот». Дюзесент, герой этого романа, идеальный декадент, заперся в своем доме в Фонтен-о-Роз, вдали от вульгарностей мира, чтобы создать вокруг себя целый, совершенно искусственный мир с замысловатым переплетением сопутствующих ощущений такой, как например, «вкусовой орган» в виде ящика. «Орган тогда был открыт. Регистры с надписями «флейта», «горн», «небесный голос» были выдвинуты, готовые к маневру. Дезесент дегустировал то одну, то другую каплю, наигрывал себе своим внутренним голосом симфонии, и достигал во рту ощущений, которые мы испытываем ухом в момент прослушивания музыкального произведения. Как он утверждал, каждый сорт ликера соответствовал звуку того или иного инструмента. Терпкий кюрасо, например, – кларнету, звук с кисловатым и бархатистым звуком; кюммель – звонко гнусавящему гобою; мятная и анисовая водка – и сладкой и пряной

флейте, одновременно мягкой и резкой; тогда как для дополнения оркестра кирш бешено трубит, джин и виски рвет небо пронизывающими звуками корнет-а-пистона и тромбона, а очищенная виноградная водка взрывается оглушительным грохотом туб, тогда как страшной силы удары грома текут по слизистой оболочке рта. Ему даже удавалось переносить в свои органы вкуса настоящие музыкальные отрывки, согласно композитору, шаг за шагом, передавая свои мысли, эффекты, нюансы, через союзы или соседствующие контрасты ликеров посредством грубых и ученых смесей [8, с.36-37].

Знаменитый роман «Пена дней» Бориса Вьяна также является ярким примером синестезийного мироощущения как автора, так и его героев. «Выпьешь аперитива? – спросил Колэн. – Мой пьянококтейль закончен, ты смог бы его попробовать. – Он получился? – Вполне. Я изо всех сил пытался довести его до ума, и результат превысил мои ожидания. Я получил из Черно-подпалого Фэнтези поистине ошеломляющее смешение. – Каков же твой принцип? – спросил Шик. – Каждой нотке соответствует алкоголь, ликер или аромат. Сильная педаль соответствует взбитому яйцу, а слабая педаль – льду» [8, с.37-38.].

Как мы видим, в синестезии свойства мира открывают нам свои потайные двери. Цвета и звуки, вкус, осязание и запахи меняются друг с другом местами в онтологическом гороскопе закона Всеобщей аналогии.

Опираясь на вышеизложенное, можно сделать следующие выводы:

1. Символисты считали «Закон Соответствий» или «Закон Всеобщей аналогии» Ш. Бодлера Альфой и Омегой символистского мироощущения.

2. Закон «Всеобщей аналогии» Ш. Бодлера, подобно символу, воссоединяет отдельные виды художественного творчества для создания синтетического творчества будущего, украшенного прелестью мечты о запредельной области, где «запах, цвет и звук между собой согласны».

3. В арсенале символистов использовалось такое явление как синестезия, определяющая горизонтальные соответствия между различными чувствами и вертикальные соответствия, выражающие наличие сакрального в мире, где все лишь символ более высокой реальности.

4. Синестезия – это сущностное свойство символистского мышления, базирующееся на межчувственных связях. Это – совмещение в образе признаков, которые лежат в несовместимых чувственных плоскостях: живописного и музыкального, цвета и звука.

Список литературы

1. Бодлер Шарль. Об искусстве / Пер. с франц. Н. Стояровой и Л. Липман; предисл. В. Левика; послесл. В. Мильчиной. – М.: Искусство, 1986. – 422с., 40 л. ил.
2. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство / Алексей Федорович Лосев. – М.: Искусство, 1976. – 367с.
3. Поэзия французского символизма. Лотреамон. Песни Мальдорора / Под ред. Г. К. Косикова. – М.: Изд-во МГУ, 1993. – 512с.
4. Сб.: Современный Лаокоон: Эстетические проблемы синестезии / Галеев Б.М. Проблема синестезии в эстетике. М.: Изд-во МГУ, 1992, С. 5-9.
6. Фрид Я.В. Эмиль Верхарн: Творческий путь поэта / Я. В. Фрид. – М.: Художественная литература, 1985. – 271с.
7. Энциклопедия символизма: Живопись, графика и скульптура. Литература. Музыка / Ж.Кассу, П. Брюнель, Ф. Клодон и др.; Науч. ред. и авт. Послесл. В.М. Толмачев; Пер. с фр. – М.: Республика, 1998. – 429 с.: ил.

8. Didier Sophie, Garcin Etienne. Le symbolisme. Ellipses Edition Marketing S.A., 2000. - 96p.

9. Marchal Bertrand. Lire le symbolisme. Dunod, Paris, 1993. - 210p.

10. Bodelaire Charles. L'Art romantique. [Электронный ресурс] / Ch. Bodelaire. – Режим доступа: [http://fr.wikisource.org/wiki/Livre: Baudelaire -L'Art romantique 1869. djvu](http://fr.wikisource.org/wiki/Livre:Baudelaire_-_L'Art_romantique_1869.djvu). Volume III, pp.127-128. Édition Calmann Lévy, Paris , 1885.

Karpenko A. Synesthesia as means of expression of the symbolic world perception // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 2. – P.164-170

In this article, the author turns to the problem of symbol and means of its expression. This is due to the fact that almost all previous approaches to the study of this phenomenon ignored the fact that symbol is the supporting foundation of culture. Considering the variety of symbolic means of expression the scientists did not paid enough attention to this phenomenon. The author starts by giving a historic review from Antiquity to the present day. The article is devoted to the study of the phenomena of synesthesia and the law of universal analogy. Exploring symbolic texts of culture, the author defines synesthesia as «feelings come together.» Revealing the essential characteristics of synesthesia, the author relies on his own translation of passages from literary works and critical articles by Charles Baudelaire, Joris-Karl Gyusmans, Theophile Gautier, Ernest Raynaud, Boris Viana. Charles Baudelaire, whose poetry was symbolic, while creating his poetic world, came to conclusion that there is a deep and universal law «Law of Universal analogy» that allows «to understand without effort» « the language which is spoken by a flower and a dumb thing». According to Baudelaire, poetry must establish correspondence between the arts, architecture, sculpture, painting and music. The author comes to conclusion that synesthesia defines the horizontal correspondences between the various senses. Vertical correspondences express the sacred in a world where everything is just a symbol of a higher reality.

Key words: *symbol, symbolism, symbolic, the law of universal analogy, horizontal and vertical correspondences.*

Поступила в редакцию 24.08.2014 г.

УДК 821.161.1:82-43

**Несколько слов о Крымском тексте
(Разграничение понятий *Крымский мотив*,
образ Крыма и *Крымская тема*)**

Курьянов С. О.

*Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Республика Крым
so_k@inbox.ru*

Для формирования Крымского текста в русской литературе большое значение имели такие литературно-художественные явления, как Крымский мотив, образ Крыма и Крымская тема. В статье предпринимается попытка осмысления этих понятий и их разграничения.

Ключевые слова: *Крымский текст, русская литература, мотив, образ, тема.*

Сегодня множатся труды по топическим (локальным, региональным) текстам. Выявлены и разрабатываются Петербургский, Пермский, Венецианский, Московский, Лондонский, Флорентийский и множество других текстов.

Термин Крымский текст явился своеобразной реакцией на работы В. Н. Топорова, и особенно на его книгу «Петербургский текст русской литературы» [11], где впервые был описан особый вид связанного с петербургскими реалиями текста и разработаны критерии его выделения в художественной литературе.

Термин Крымский текст появился после книг А. П. Люсого [5; 4] и окончательно вошел в научное сознание благодаря публикациям и диссертационным исследованиям крымских, украинских и российских филологов.

Закономерным воспринимается тот факт, что именно в Санкт-Петербурге, в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН в 2006 году была проведена Международная научная конференция «Крымский текст в русской культуре», значение которой сохраняется и сегодня. В 2008 году были опубликованы ее материалы [2]. При этом и они, и программа конференции показали, что ученое собрание более ставило проблемы, нежели решало их. В богатых примерами и разнообразных по научным подходам статьях заметна одна особенность: участники как бы договорились о том, что Крымский текст существует, и они понимают, что это такое; но более или менее внятной формулировки или хотя бы описательного пояснения, что такое Крымский текст, никто не высказал.

Касались самых разных сторон феномена Крыма: рассматривали связи крымской земли с античными сюжетами и мотивами (М. Н. Виролайнен), Византией и византийскими традициями, проявившимися в русской культуре (О. Буренина, О. М. Гончарова), в связи с Корсунской легендой говорили о традициях древнерусской литературы в духовных произведениях С. Н. Булгакова (Е. В. Кардаш), прослеживали влияние Крыма на творчество и мироотношение А. С. Пушкина (Э. И. Худошина, О. С. Муравьев, В. А. Кошелев), В. А. Жуковского и Н. Г. Чернецова (Л. Е. Мисайлиди), Н. В. Гоголя (Е. Е. Дмитриева) и др.; затрагивали проблемы культуры, литературы, истории, геополитики и т.п.

Но единственная тогда попытка прояснить, что же такое Крымский текст русской литературы (шире – культуры), была предпринята в статье М. В. Строганова, который резонно заметил, что «понятие крымский текст ввел в научный оборот А. П. Люсьи. Но ответа на вопрос о специфике этого пространства как локального он не дал» [8, с. 72]. Симптоматично само построение фразы «понятие ввел» – «но ответа о специфике пространства не дал». Ученый, уходя от необходимости формулировать дефиницию понятия, перевел разговор в иную плоскость, попытавшись объяснить специфику пространства как локального, и оказался в плену культурологических, а не филологических представлений о региональном (локальном) тексте.

Проблема Крымского текста не первый год является предметом изучения на Международном симпозиуме «Русский вектор в мировой литературе: крымский контекст», проводимого ежегодно в Крыму, а также в работах целого ряда крымских ученых, так или иначе затрагивающих его. Но и здесь в подходах к Крымскому тексту единодушия не усматривается.

Крымский текст в русской литературе вырос из Крымской темы и Крымского мифа (мифа Тавриды) [4, с. 7] и сам способствует мифологизации пространства [8, с. 88].

В работе В. В. Курьяновой о Крымском тексте в творчестве Л. Н. Толстого впервые предпринята попытка дефиниции понятия Крымский текст: «...под *Крымским текстом* в литературе мы понимаем семантически связанную с Крымом систему представлений о человеке и мире, которая отражает неповторимость крымской земли, является ее знаковой манифестацией и закреплена в произведениях писателя (писателей). Крымский текст формируется в определенный историко-культурный период под влиянием событий, мифологем и архетипов, специфических для Крыма. Он воспринимается обязательно и только с помощью единого интерпретирующего кода, который присущ писателю и читателю (зрителю, слушателю) как субъектам одного историко-литературного и социокультурного процесса» [3, с. 5]. Исследовательница утверждает, что «понятие Крымский текст отличается от понятий Крымского мотива, образа Крыма, Крымской темы и Крымского мифа», однако в своей работе дифференциации этих понятий не дает.

В целом соглашаясь с предложенной формулировкой, мы ставим **целью данной статьи** попытаться разобраться с различием понятий *Крымский мотив, образ Крыма и Крымская тема*.

Поскольку исследователи сходятся во мнении, что мотив – это мельчайшая смысловая составляющая литературного произведения, чаще всего неделимая (хотя существуют и другие точки зрения) [см. об этом: 9], то *Крымским мотивом*, по нашему убеждению, может стать любой из тех или иных мельчайших смысловых элементов Крымского мифа: как закрепленных в известных произведениях (Херсонес, крещение князя Владимира, набег крымских татар, храм Дианы, потаенная любовь, Салгир, Митридат, Аю-Даг, Бахчисарайский дворец, Бахчисарайский фонтан и т.п.), так и не закрепленных (или проявившихся в произведениях, не известных массовому читателю). К последним могут относиться географические и этнографические приметы (как, например, в «Севастопольских рассказах» Л. Н. Толстого: Дуванкой, маджара; или: название малых крымских этносов (караимы, крымчаки), блюда крымской кухни (чебуреки и особенно караимские пирожки); исторические события (Крымская война); Крымским мотивом могут стать пляж и Черное море (хотя и существует не только крымское черноморское побережье) и т.п.). Причем, перечисляя данные мотивы, мы исходим из того, что «в центре смысловой структуры М.<отива> – собственно действие, своего рода предикат, организующий потенциальных действующих лиц и потенциальные пространственно-временные характеристики возможных событий. Так, можно говорить о «М.<отиве> погони» или «М.<отиве>

поединка», имея в виду то, что в различных фольклорных и литературных произведениях эти М.<отивы> выражаются в форме конкретных событий погони или поединка, связанных с конкретными персонажами (героями) и обстоятельствами» [7, с. 130]. В нашем случае, помимо специально нами указанных мотивных действий (крещение князя Владимира, набег крымских татар), все остальные предметы и субъекты также несут в себе (и мы на этом настаиваем!) предикативную функцию как явления, связанные с событиями государственной или частной жизни («здесь закололся Митридат», «вокруг утесов Аю-Дага», «фонтан живой» и под.). Все это вместе и каждый элемент в отдельности создает своеобразную отсылку к крымским реалиям или устойчивым образам и связывает в сознании читателя (зрителя, слушателя) те или иные события литературного произведения с крымскими реалиями. Но собственно *мотивами* эти *литературные явления* становятся тогда, когда *приобретают характер повторяющегося элемента в разных литературных произведениях*, порой относящимся к разным историческим эпохам. Крым в мотиве возникает как ассоциация и проявляется через каждое отдельное обозначение, так или иначе связанное в массовом сознании (или хотя бы – в сознании некоторых) с Крымом.

В понимании художественного образа мы согласны с В. Е. Хализевым, который опирается на утверждения А. А. Потебни, рассматривавшего *образ* в работе «Мысль и язык» [см.: 8, с. 32–35] в качестве *воспроизведенного представления* – как некую чувственно воспринимаемую данность. «Именно это значение слова “образ” является насущным для теории искусства», – пишет В. Е. Хализев. Художественные образы, говорит он далее, «создаются при явном участии воображения: они не просто воспроизводят единичные факты, но сгущают, концентрируют существенные для автора стороны жизни во имя ее оценивающего осмысления. Воображение художника – это, следовательно, не только психологический стимул его творчества, но и некая данность, присутствующая в произведении. В последнем наличествует вымышленная предметность, не имеющая полного соответствия себе в реальности» [12, с. 89–90]. Существуют и другие определения термина *образ* [см. об этом: 9]

Поскольку образ является способом и формой освоения действительности в литературе и искусстве, *образ Крыма* как раз и базируется на восприятии и освоении Крыма автором, а затем и читателем (зрителем, слушателем), который получает, с одной стороны, некий набор сведений и, с другой – своеобразный информационный код к ним, с помощью которого и происходит раскодировка информации, но только в определенном ключе – том, который был задан автором. Когда этот информационный код воспринимается многими (как писателями, так и читателями), начинает происходить не одинаковое, но близкое к авторскому замыслу понимание образа. Образное представление писателя благодаря художественному образу становится достоянием читателя и закрепляется в его сознании.

Образ Крыма появляется в русской литературе довольно поздно. Так, возникновения образа Крыма в древнерусской литературе произойти не могло, поскольку, с одной стороны, Крым не воспринимался древнерусскими писателями как единое целое, а с другой – не был частью Русского государства и в связи с чем не попадал под пристальное писательское внимание. В XVIII веке, точнее, во второй его половине существовало более эмоциональное восприятие Крыма, нежели художественное. Поэтому только с начала XIX века, когда возник пристальный интерес к полуострову не только у писателей, но и у широкой читающей публики, и мог сформироваться образ Крыма.

В отличие от Крымского мотива, образ Крыма требует разностороннего взгляда на предмет и не может возникнуть в результате одиночного упоминания или ассоциации. Поэтому он непосредственно связан с появлением в литературе Крымской темы.

Крымская тема, или тема Крыма, проявилась вполне также в начале XIX века, сначала благодаря литературе путешествий, а затем охватив по сути все литературные жанры.

Термин *тема* нередко смешивается с понятием *идеи* произведения и нередко характеризуется как «основная мысль, развитая в литературном произведении или научном обсуждении», «основная ведущая мысль произведения», «основной замысел, основное звучание произведения», «то, что положено в основу, главная мысль литературного произведения» [см.: 9].

Нам же близко то понимание темы, которое сформулировал В. Е. Хализев, опираясь на Б. В. Томашевского. «...значение термина “тема”, – пишет В. Е. Хализев, – насущно для разумения познавательного аспекта искусства... <...> Тема как фундамент художественного творения – это все то, что стало предметом авторского интереса, осмысления и оценки. Данный феномен Б. В. Томашевский назвал главной темой произведения. Говоря о тематике в этой ее стороне не структурной, а субстанциальной, он называл темы любви, смерти, революции» [12, с. 44–45]. Б. В. Томашевский утверждал, что тема – это «единство значений отдельных элементов произведения. Она объединяет компоненты художественной конструкции, обладает актуальностью и вызывает интерес читателей» [10, с. 176–178]. Ту же мысль выражают современные ученые: «Тема есть некоторая установка, которой подчинены все элементы произведения, некоторая интенция, реализуемая в тексте» [1, с. 150].

Поэтому мы рассматриваем тему как комплекс проблем и явлений, отраженных в литературном произведении и скрепленных единой направленностью, подчиненной авторскому замыслу, который в свою очередь зависит не только от идеологических установок писателя или запросов исторического периода, но также от вкусов читателей (зрителей, слушателей) и художественной традиции.

Крымская тема в каждом отдельном произведении проявляется не полностью: представление о том, какие жизненные явления охватываются этой темой, значительно шире того, как она проявляется, к примеру, в «Тавриде» К. Н. Батюшкова, «Бахчисарайском фонтане» А. С. Пушкина или «Севастопольских рассказах» Л. Н. Толстого. По сути каждый художник раскрывает свою Крымскую тему, которая добавляет уже известному и привычному новые черты. Географические названия (древние и новые) и само описание этих мест, этнографические детали, образ жизни, интенции развития, исторические события, язык и культура и т.п. – все это, порозному и в разной мере проявленное в произведениях художников слова, писавших о Крыме, и входит в понятие Крымская тема.

Выводы. *Крымским мотивом*, таким образом, может стать любой из тех или иных мельчайших смысловых элементов Крымского мифа: как закрепленных в известных произведениях, так и не закрепленных.

Образ Крыма базируется на восприятии и освоении Крыма автором, а затем и читателем, который получает, с одной стороны, некий набор сведений и, с другой – своеобразный информационный код к ним, с помощью которого и происходит раскодировка информации, но только в определенном ключе – том, который был задан автором. Образное представление писателя благодаря художественному образу становится достоянием читателя и закрепляется в его сознании.

Поскольку тема – это комплекс проблем и явлений, отраженных в литературном произведении и скрепленных единой направленностью, подчиненной авторскому замыслу, каждый художник раскрывает свою Крымскую тему, которая добавляет уже известному и привычному новые черты: географические названия (древние и новые) и само описание этих мест, этнографические детали, образ жизни, интенции развития, исторические события, язык и культура и т.п.

Список литературы

1. Жолковский, А. К. Работы по поэтике выразительности : Инварианты–Тема–Приемы–Текст [Текст] : Сборник статей / А. К. Жолковский, Ю. К. Щеглов ; Авт. предисл. М. Л. Гаспаров. – М. : Прогресс, 1996. – 343 с.
2. Крымский текст в русской культуре [Текст] : Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 4–6 сентября 2006 г. / Под ред. Н. Букс, М. Н. Виролайнен. – СПб. : [Б. и.], 2008. – 250 с.
3. Курьянова, В. В. Крымский текст в творчестве Л. Н. Толстого [Текст]: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.02 Русская литература / В. В. Курьянова. – Симферополь, 2013. – 241 с.
4. Люсый, А. П. Наследие Крыма : геософия, текстуальность, идентичность [Текст] / А. П. Люсый – Москва : Русский импульс, 2007. – 240 с.
5. Люсый, А. П. Крымский текст в русской литературе [Текст] / А. П. Люсый. – СПб. : Алетейя, 2003. – 314 с.
6. Потебня, А. А. Теоретическая поэтика [Текст] : научное издание / А. А. Потебня ; Сост. А. Б. Муратов ; Автор вступ. ст. и коммент. А. Б. Муратов. – М : Высшая школа, 1990. – 342, [2] с. – (Классика литературной науки).
7. Силантьев, И. В. Мотив [Текст] / И. В. Силантьев // Поэтика : словарь актуальных терминов и понятий / [Гл. науч. ред. Н. Д. Тмарченко]. – М. : Издательство Кулагиной ; Intrada, 2008. – С. 130–131.
8. Строганов, М. В. «Мифологические предания счастливее для меня воспоминаний исторических...» (И не только Пушкин) [Текст] / М. В. Строганов // Крымский текст в русской культуре : Материалы международной научной конференции. 4–6 сентября 2006 г. / Под ред. Н. Букс, М. Н. Виролайнен. – СПб. : Изд-во Пушкинского Дома, 2008. – 250 с. – С. 72–88.
9. Теоретическая поэтика: понятия и определения [Электронный ресурс] : Хрестоматия для студентов филологических факультетов / Автор-сост. Н. Д. Тмарченко. – М. : РГГУ, 1999. – 286 с. // Сайт «Infolio. Электронная библиотека». – Режим доступа : <http://www.infoliolib.info/philol/tamarchenko/hr.html> (дата последнего обращения : 10.08.2014).
10. Томашевский, Б. В. Теория литературы. Поэтика [Текст] : Учеб. пособие для студ. вузов, обуч. по напр. «Филология», спец. «Филология», и «Литературоведение» / Б. В. Томашевский. – М. : Аспект Пресс, 1996. – 335 с.
11. Топоров, В. Н. Петербургский текст русской литературы [Текст] : Избранные труды / В. Н. Топоров. – СПб. : «Искусство–СПБ», 2003. – 616 с.
12. Хализев В. Е. Теория литературы [Текст] : Учебник / В. Е. Хализев. – М. : Высшая школа, 2002. – 438 с.

Кур'янов С. О. Кілька слів про Кримський текст (Розмежування понять Кримський мотив, образ Криму та Кримська тема) // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 27 (66). № 2. – С.171-176

Для формування Кримського тексту в російській літературі велике значення мали такі літературно-мистецькі явища, як Кримський мотив, образ Криму і Кримська тема. У статті робиться спроба осмислення цих понять і їх розмежування.

Ключові слова: *Кримський текст, російська література, мотив, образ, тема.*

Kuryanov S. A few words about the Crimean text (Differentiation notions Crimean motif, the image of the Crimea and Crimean theme) // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 2. – P.171-176

For the formation of the Crimean text in Russian literature were of great importance such literary phenomena such as Crimean motif, image of Crimea and Crimean theme. The article is an attempt to understand these concepts and their distinctions.

Keywords: *Crimean text, Russian literature, motif, image, theme.*

Поступила в редакцию 22.08.2014 г.

УДК 821.111-31.09“19”

Архетип самости в романах Дорис Лессинг

Миколайчик М. В.

*Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Республика Крым
margarita8383@mail.ru*

В статье рассматриваются ранее не освещавшиеся аспекты реализации архетипа самости в романном творчестве современной британской писательницы Д. Лессинг. На материале романов «Золотая тетрадь», «Лето перед закатом» и цикла «Дети насилия» показывается, что Д. Лессинг придерживается юнгианской концепции самости как целостности и как регулирующего центра психического. Раскрываются функции сновидений, выступающих в романах Д. Лессинг одним из универсальных средств психологизма.

Ключевые слова: архетип, самость, индивидуация, символ, четверичность, анализ сновидений, психологизм.

Архетип самости, который трактуется в юнгианстве как архетип целостности, воплощающей единство человеческой личности, полноту реализации ее потенциала [9], является одним из магистральных в романном творчестве лауреата Нобелевской премии британской писательницы Дорис Лессинг. Отдельные аспекты, связанные с актуализацией этого архетипа в творчестве Д. Лессинг, рассматривались канадским литературоведом Л. Седерстром на материале романа «Материалы выжившей» [11], а также новозеландской исследовательницей Л. Скотт на материале ранних и переходных романов писательницы, при этом акцент делался на движении героини к самости через поиск и отстаивание ею своего истинного «я» в процессе преодоления давящего влияния социума с его традиционными патриархальными устоями [19].

Между тем, немалый интерес представляет своеобразие художественной реализации писательницей архетипа самости как одной из составляющих ее концепции человека. Именно этому не рассматривавшемуся ранее аспекту творчества Д. Лессинг и посвящена настоящая статья. Исследование проводилось на материале романов «Золотая тетрадь» и «Лето перед закатом», а также пенталогии «Дети насилия».

Самость трактуется в юнгианстве как архетип целостности, воплощающей единство человеческой личности, полноту реализации ее потенциала [1], являющиеся результатом процесса индивидуации [6]. К. Г. Юнг называет самость целью жизни, так как она «представляет собой совершеннейшее выражение той комбинации судьбы, которую называют индивидуумом» [9]. Одновременно с этим самость является и «исходным пунктом, материнской землей, чреватой всей будущей жизнью, предощущение которой... ясно дано внутреннему чувству» [9], а также тем регулирующим центром, который управляет процессом психической жизни человека [1]. Свое направляющее процесс личностной индивидуации воздействие самость, по мысли К. Г. Юнга, оказывает через сновидения, в связи с чем много внимания уделяется в юнгианстве именно толкованию образов и сюжетов сновидений,

особенно повторяющихся [5]. Данную особенность глубинной психотерапии Д. Лессинг хорошо отразила в своем романе «Золотая тетрадь», героиня которого, посещая психоаналитика, фиксирует происходившие на сеансах беседы в своих дневниковых записях, из которых мы узнаем, что главное место в них было отведено именно ее сновидениям [2]. Без всякого преувеличения можно сказать, что без описания сновидений главной героини не обходится ни один роман Д. Лессинг. При этом в тех романах, главные героини которых автопортретны, психологически близки самой Д. Лессинг, а это прежде всего роман «Золотая тетрадь» и пенталогия «Дети насилия», наряду со сновидениями, отражены и другие проявления самости, в частности видения и интуитивные озарения.

Сложную и парадоксальную природу самости как целостности, являющейся одновременно и исходным пунктом, и конечной целью и тем регулирующим центром, который направляет человека на пути от исходного пункта до конечной цели, Д. Лессинг выразительно продемонстрировала в романах «Дети насилия», «Золотая тетрадь» и «Лето перед закатом», сюжеты которых строятся по архетипической схеме поиска, отражающей процесс личностной индивидуации главной героини.

Героини всех трех рассматриваемых произведений интуитивно стремятся к целостности, являющейся, согласно К. Г. Юнгу, одним из основополагающих аспектов самости. Так, воспитанную на бескрайних просторах африканского вельда юную Марту Квест время от времени посещает особое, близкое к религиозному экстазу чувство-озарение, заключающееся в ее слиянии с природой, когда все – и она сама, и животные, и деревья, и холмы, реки, и небо, и земля – становится «единым целым», «сотрясающимся от распада пляшущих атомов» [4]. В одном из своих многочисленных интервью Д. Лессинг отметила, что такие озарения являются, по ее мнению, весьма типичным явлением, встречающимся, по ее наблюдениям, у многих подростков [12]. Интересно, что именно это смутное, мало осознаваемое стремление к единению с другими влечет Марту, равно как и героиню другого романа Д. Лессинг Анну Вулф, в коммунистическую партию [2, 14]. Вот как пишет об этом в своем дневнике уже после выхода из партии Анна: «...когда я вступала в партию, где-то в глубине души я надеялась обрести целостность, покончить с той раздвоенностью, неудовлетворенностью, расколом, которыми отмечена наша жизнь» [2]. Однако попытка обрести внутреннюю целостность таким образом в обоих случаях оказывается неудачной: обе героини постепенно разочаровываются в коммунизме, при этом Анна осознает, что дело здесь не в очевидных недостатках партии как таковой, а в чем-то более «глубинном» и «сложном для понимания». «Я пыталась об этом думать, мое сознание раз за разом погружалось в пустоту, я запуталась и устала до изнеможения», – пишет Анна [2, с. 195]. Мотив поиска целостности становится одним из лейтмотивов «Золотой тетради», ведь «слепые попытки нащупать собственную целостность» Анна замечает не только у себя, но и у других людей: «Целостность человека нарушена, люди все больше и больше дробятся внутри самих себя, делятся на части, и каждая часть дробится дальше, что отражает мир, в котором они живут, и поэтому они отчаянно тянутся вовне, не осознавая этого, чтобы добыть информацию о других людях в своей собственной стране, не говоря уже о людях из других стран» [2, с. 89]. В поисках путей к внутренней цельности Анна приходит к выводу, что достичь ее можно лишь блокируя свое сознание от «некоторых вещей», «закрываясь от чего-то, ставя определенные пределы для себя» [2, с. 529], что находит отражение в ее решении вести четыре тетради вместо одной – из страха перед хаосом, бесформенностью, срывом. От внимания большинства исследователей творчества Д. Лессинг, в частности П. Шлутера, который пишет, что Марта Квест, в отличие от Анны Вулф, себя не «компартиментализирует» [17], ускользнуло, что в предпоследнем романе цикла Марта, подобно Анне, решает на какое-то время «делить себя на

части», т.е. выполнять роли жены, активистки коммунистической группы, сиделки отца и др., не пытаясь как-то увязать их друг с другом, ради сохранения целостности в период «засухи и раскола» [15]. В дальнейшем обе героини преодолевают этот этап внутреннего «фрагментирования» и достигают внутренней целостности, самости, символом которой для Анны Вулф становится золотая тетрадь, которую она заводит вместо четырех, чтобы «всей быть в одной тетради», а для Марты – прекрасный «город о четырех вратах» из ее детских грез, которым для нее оказывается Лондон, где она проходит завершающий этап процесса личностной индивидуации. Отметим, что и образ золотой тетради, и образ «города о четырех вратах» содержат характерный для самости, согласно К. Г. Юнгу, элемент четверичности. Особенно емким и содержательным является при этом образ золотой тетради, в котором объединены разные содержащиеся в четырех предыдущих тетрадях персоны Анны, а также женское и мужское начала, поскольку записи в ней, кроме самой Анны, делает ее друг писатель Савл Грин. Мотив обретения целостности звучит и в заключительной части романа «Лето перед закатом», где Кейт Браун признается своей новой подруге Морин, что с ней впервые в жизни она поговорила обо всем: «Абсолютно обо всем, что я чувствовала, я рассказывала тебе. А до встречи с тобой я взвешивала каждое слово, выдавая свои мысли и чувства маленькими дозами... мне кажется, что я всю себя по кусочкам раздавала детям и мужу. Кусочек Тиму, кусочек Майклу, частицу Эйлин... и так далее. Вернее, так я жила раньше. Это из области прошлого. Теперь с этим покончено. Но с тобой я могу говорить о чем угодно» [3].

Наряду с самостью как целостностью, освещает Д. Лессинг и такой аспект этого архетипа, как выполнение им роли регулирующего центра, который с помощью сновидений, видений, фантазий и интуитивных озарений направляет человека на жизненном пути. Марта Квест, например, сравнивает свои сновидения с «верным сторожевым псом» (“faithful watchdog”) или «записью» (“record”) происходящего, которые в образной форме отражают ее жизненное положение в тот или иной момент времени, а также с «термометром» или «мерилом», с помощью которого она проверяет саму себя [15]. Д. Лессинг подчеркивает, что Марта привыкла прислушиваться к своим снам как «сообщениям», исходящим от некоего сидящего внутри нее «наблюдателя» (“watcher”) или «хранителя» (“guardian”), которому можно «доверять» в «вопросах жизни и смерти» [15]. Так, еще на родительской ферме Марту преследуют повторяющиеся сновидения, в которых она то привязана за руки и ноги к паровозу, то никак не может выбраться из зыбучих песков, то взбирается вверх по уходящей вниз лестнице. Эти сновидения приходятся на тот период ее жизни, когда Марта никак не может принять решение покинуть ферму, чтобы начать самостоятельную жизнь в городе, и, таким образом, отражают эмоциональное состояние героини и одновременно подстегивают ее к переменам. В то же время Марта интуитивно чувствует, что она должна отделиться от родителей, «ибо они погубят ее жизнь», и грезит о прекрасном городе с четырьмя вратами. В конечном итоге подстегиваемая этими настойчивыми подсказками самости героиня уезжает в город [4]. Нечто подобное происходит с Мартой и в романе «Окруженный сушей», где она, полностью исчерпав себя в африканской колонии, видит повторяющийся сон, где она стоит на высоком иссушенном солнцем каменистом плато, тщетно пытаясь дотянуться до моря, соленые брызги которого служат ей спасением. Под влиянием этого сновидения и интуитивного ощущения себя «запертой», «заблокированной» в Африке, героиня принимает решение переехать в Англию, где ее ждет море и тот город о четырех вратах, о котором она грезила подростком. Наряду с отражающей и направляющей функциями, это сновидение Марты, как выясняется впоследствии, выполняет еще и пророческую функцию, ведь в нем стоящая на утесе Марты видит плавающих в море Афина и Томаса – людей, которым было суждено вскоре погибнуть. В этот период

жизни, который Марта проводит в ожидании возможности выехать в Англию, ей также снится повторяющийся сон о большом доме с множеством комнат, который она, Марта, призвана сохранить от разрушения, а для этого, по сюжету сновидения, она должна держать каждую комнату по отдельности от других. Привыкшая доверять своим снам героиня осознает, что на данном жизненном этапе ее задача состоит в том, чтобы ходить по разным комнатам (т.е. выполнять отведенные ей роли жены, коммунистки, сиделки отца и др.), не пытаясь при этом связывать между собой тех людей, которые эти комнаты населяют (т.е. людей из разных сфер ее реальной жизни) и не позволяя себе идти на поводу у других людей или ситуаций [15]. В заключительном романе цикла, «Городе о четырех вратах», контакт героини с самостью, который так приветствуется в юнгианстве [5], достигает своего максимума. Именно здесь Марта, скрывшись от социума в доме Джека, начинает сознательно погружаться в особые медитативные состояния, во время которых ей открывается нетождественность ее истинного «я» ее социальным персонам, а также в какой-то момент – необходимость «отдать долги» обществу, снова беря на себя социальную ответственность. В этот момент озарения перед героиней всплывают образы оставшихся в Африке дочери, двух мужей и матери, однако все это толкает ее не обратно в Африку, а на поиски работы в Лондоне. При этом Д. Лессинг показывает, что искать работу Марта начинает не только потому, что ей нужны деньги и не только потому, что она чувствует себя обязанной брать на себя социальную ответственность, но и потому, что «что-то» (речь, очевидно, идет о самости) «больше не могло позволить ей» тратить время на бесконечные прогулки и бесцельные разговоры, во время которых она произвольно меняет персоны с такой частотой, что ощущает себя «пустым местом без границ», которому уже не важно, каким именем себя называть [16]. Показательно, что поиски работы приводят Марту в дом Колдриджей, где она, неожиданно для самой себя, но в полном соответствии с содержанием тех интуитивных вспышек, во время которых ей представлялись полузабытые образы дочери, мужей и матери, снова вынуждена брать на себя роль матери, жены и дочери [16]. В дальнейшем самость толкает Марту на психологический эксперимент, во время которого она несколько недель запирается у себя в комнате и, войдя в измененное состояние сознания, встречается с бессознательным «аспектом» самой себя, персонифицированным в образе «ненавидящего самое себя» (в оригинале “self-hater”), приобретает сверхспособности и делает пророческие открытия относительно будущего человечества, в точности которых мы убеждаемся в Приложениях, служащих своеобразным эпилогом цикла «Дети насилия» [16].

Сновидениями, видениями, фантазиями и интуитивными озарениями сопровождается процесс личностной индивидуации героини и в романе «Золотая тетрадь». Помимо повторяющихся «кошмаров о принципе зла», сначала сообщающих Анне о подавляемой ею внутренней деструктивной силе и указывающих на необходимость интеграции деструктивного анимуса, а впоследствии, в заключительной части романа, отражающих достигнутую ею в результате успешной интеграции анимуса самость, воплощенную в образе двух танцующих, целующихся и вместе празднующих разрушение обоеполых карликов, Анне Вулф снится множество других снов, которые, как и сны Марты Квест, отражают те или иные вехи процесса ее личностной индивидуации или так или иначе направляют этот процесс. Так, доставляющие ей истинное наслаждение многочисленные сны об искусстве указывают героине на необходимость реализации ее творческого потенциала, что признает в беседе с психоаналитиком и сама упорно отказывающаяся от писательского творчества Анна [2, с. 275]. Сновидение с участием психоаналитика Анны миссис Маркс в образе могущественной дружелюбной ведьмы, которое она видит незадолго до окончания курса психотерапии, указывает на то, что теперь она сама стала

той доброй колдуньей, которая в состоянии помочь самой себе [2, с. 291]. Сон о желтой пустыне, которую ей, Анне, нужно пересечь, чтобы добраться до гор, как, проснувшись, понимает она сама, «подводил итог тем переменам, которые случились в Анне, отражал ее новое знание себя». В то же время этот сон подсказывает героине, что чтобы пересечь пустыню, ей следует сбросить с себя какой-то лишний груз – пробудившись, Анна сразу же осознает, что речь идет о ее дерзких квартирантах, которых она, благодаря сновидению, наконец, решается выдворить из своего дома [2, с. 464]. Наконец, на пике безумия ей снится ряд необычных сновидений, в которых, как она описывает в своей золотой тетради, «был кто-то еще, личность, отдельная от спящей Анны», «некто, озабоченный тем, чтобы не допустить полного распада Анны», некий «бесстрастный человек», «спасающий» ее от «полного распада». Этот «бесстрастный человек», в образе которого угадывается самость (по наблюдениям юнгианских психоаналитиков, самость нередко является в сновидениях в облике «космического человека» [5]) подсказывает Анне, что она «тонет» в своих субъективных потребностях и призывает ее бороться с охватившим ее безумием, а далее демонстрирует ряд эпизодов из ее прошлой жизни, которые, как она сразу же догадывается, призваны напомнить ей, что ей еще нужно будет вернуться в прошлое и «поработать». В дальнейшем на смену голосу «бесстрастного человека», очень напоминающего «наблюдателя», или «хранителя» Марты из цикла «Дети насилия», приходит кинемеханик, в котором она впоследствии угадывает Савла и который, таким образом, является в этом сновидении олицетворением ее анимуса, дающего ей понять, что раньше она неправильно расставляла акценты, замечая в людях лишь прекрасное и героическое и не замечая «маленькой мучительной разновидности мужества», позволяющей людям терпеть лежащую в основе всякой жизни боль и несправедливость [2, с. 681, 682, 702]. Примечательно, что перед этим сновидением Анна переживает «озарение» – одно из тех, какие в течение нескольких недель «бездурья и безумия» у нее, как и у Марты Квест, случались нередко – она заранее узнает, зачем ей нужно погрузиться в сон, что скажет ей во сне кинемеханик и что ей предстоит постичь [2, с. 700-701]. Интересно, что в период душевного распада у испытывающей потребность в интеграции бессознательных содержаний личности, согласно К. Г. Юнгу, появляются рисунки и сновидения с символикой четверичности: круга, квадрата, мандалы [8] – именно круги чертит на столе безумная подруга Марты Линда Колдрид, образы круга и квадрата приходят на ум и пережившей ряд озарений Анне, которая описывает пережитое так: «... невозможно описать подлинный опыт. Я думаю, и не без горечи, что ряд звездочек, который мы, бывает, видим в старомодных романах, возможно, подошел бы больше. Или – какой-то символ, может быть круг или квадрат. Все что угодно, но только не слова. Люди, которые там были, в том месте внутри самих себя, где все слова и формы, порядок растворяются, меня поймут, все остальные – нет» [2].

Следует отметить, что наряду с уже описанными отражающей и направляющей функциями, некоторые сновидения, видения, фантазии и озарения Анны выполняют, как и в случае Марты, пророческую функцию. Например, именно из своих снов, где Майкл уходит от нее, героиня узнает, что скоро он ее покинет [2, с. 293]. Этот мотив она усиливает в своем романе «Тень третьей», героиня которого, наяву склонная ограждать себя от неприятных истин с помощью защитных механизмов, которые дают ей временное спасение, по сути лишь оттягивая неизбежную развязку и таким образом тормозя дальнейшее развитие ее личности, только благодаря собственным снам и видениям в конце концов понимает, что Пол ее не любит и никогда к ней не вернется [2, с. 263]. Интересно, что одним из таких снов оказывается сон о доме Пола, рассыпающемся на части из-за того, что безвкусно обставленные его женой комнаты «конфликтуют между собой» – этот образ рассыпающегося дома из сновидения Эллы

перекликается с образом родительского дома, который пытается в своем сновидении спасти от разрушения Марта в «Детях насилия» [15]. Среди пророческих снов Анны можно отметить также заставивший ее плакать от счастья сон о прекрасном цветном ковре, в котором она узнает образ мира как единого целого, впоследствии распадающегося на фрагменты, потому что «за нитку в ткани кто-то потянул, и все распалось» [2, с. 345], а также сны о взрыве водородной бомбы [2, с. 683] и о войне [2, с. 696]. В то же время посещает Анну и более оптимистичное видение целостного мира, которое она описывает так: «...я явственно увидела такой мир, где нации, системы, экономические блоки твердеют, застывают, укрепляются, объединяются; мир, где будет все более и более нелепо даже говорить о независимости или об индивидуальном сознании. Я знаю, что такого рода видения уже давно описаны, мы это уже читали, но на какое-то мгновение все это перестало быть словами, мыслями, а стало чем-то, что каждой клеткой моего тела и каждым своим нервом я подтверждаю, я знала, что так оно и будет наверняка» [2, с. 631]. Наряду с этими пророческими снами и видениями глобального содержания, Анну и героиню ее романа Эллу посещают и пророческие видения более личного характера. Так, мысленному взору размышляющей об отце Эллы однажды предстает образ молодого офицера – ее отца, в столе которого после его смерти находят дневники, стихи и фрагменты прозы – удивленная этой посетившей ее мыслью-видением Эллы, которая никогда не думала об отце как о человеке, который мог бы что-либо писать, из последующей беседы с ним узнает, что он действительно втайне от всех сочиняет стихи [2, с. 524].

Отражающей и направляющей функциями ограничиваются сновидения не достигшей уровня видений и озарений героини «Лета перед закатом». На протяжении всей «одиссеи» ее сопровождают сновидения о выброшенном на берег страдающем без воды тюлене, ее внимание на которого во сне обращает, как и в снах Анны Вулф, чей-то голос из пустоты, олицетворяющий, очевидно, архетип самости. Как и другие героини Д. Лессинг, Кейт Браун всю жизнь была «в хороших отношениях со снами» и всегда была готова «найти в них что-то поучительное» [3], поэтому, видя сон о тюлене во второй раз, она понимает, что сон этот имеет глубокий смысл и что для нее очень важно оттащить тюленя обратно в море и тем самым спасти его от неминуемой гибели. Путь к воде оказывается длительным и трудоемким – на этом пути героиню с тюленем преследуют холод, ветер, снегопад и даже хищники. Только после возвращения в Лондон и общения с Морин, которая становится для героини почти дочерью, в сне Кейт о тюлене появляется сначала образ цветущей вишни, а потом и дыхание теплого соленого бриза. В конце концов, Кейт выпускает тюленя в море, где он присоединяется к своим кувыркающимся и играющим в воде сородичам, после чего Кейт с Морин делают однозначный вывод, что «путь» Кейт «подошел к концу», и теперь у нее «все в порядке» [3]. По мнению литературоведа Л. Скотт, это повторяющееся сновидение Кейт Браун, которое ни сама героиня, ни автор никак не интерпретируют, воплощает усиливающуюся сосредоточенность героини на ощущении своей «интегрированной самости», так что в конце романа Кейт возвращается в лоно семьи уже иной, твердо знающей, кто она на самом деле, и таким образом не рискующей снова попасть в ловушку [19] привычной социальной роли – не случайно Морин советует Кейт не возвращаться домой, пока этот сон не завершится [18, с. 236]. Снится Кейт еще один важный, но, к сожалению, выброшенный из сделанного еще в советские времена русского перевода «Лета перед закатом» [3] сон, в котором она видит себя танцующей с королем, который впоследствии покидает ее, чтобы танцевать с другими девушками – возмущенная изменой Кейт во сне кричит, требуя его внимания к себе, но встречает с его стороны лишь гнев, вызванный тем, что она не понимает «законов жизни», согласно которым король должен был протанцевать по очереди со всеми девушками на площадке [18, с. 160-

161]. Очевидно, что в образе короле перед Кейт предстал ее муж, которого она всю жизнь ревновала из-за его непрекращающихся романов с молоденькими девушками – сновидение, таким образом, призывает героиню смириться с полигамной природой мужчин, которая предстает в нем как «закон жизни».

Успешно пройдя направляемый самостью путь личностной индивидуации, Марта, Анна и Кейт достигают самости как целостности, которая у Анны воплощается в образе золотой тетради, у Марты – в образе города с четырьмя воротами, а у Кейт – в ее седых волосах, которые она, возвращаясь в лоно семьи, решает оставить нетронутыми, чтобы они служили ей напоминанием о произошедшей с ней за лето духовной перемене и обретенной мудрости.

Таким образом, одним из важнейших аспектов реализации архетипа самости в романном творчестве Д. Лессинг, как мы показали на примере пенталогии «Дети насилия» и романов «Золотая тетрадь» и «Лето перед закатом», является совпадающее с юнгианским видением писательницей самости как целостности, являющейся одновременно и исходным пунктом, и конечной целью, и регулирующим центром, распространяющим свое влияние на человека прежде всего через сновидения, видения, фантазии и интуитивные озарения, которые воспроизводятся в романах Д. Лессинг как выполняющие отражающую, направляющую и пророческую функции.

Список литературы

1. Зеленский В. В. Толковый словарь по аналитической психологии / Валерий Всеволодович Зеленский. – СПб. : Б&К, 2000. – 324 с.
2. Лессинг Д. Золотая тетрадь : роман / Дорис Лессинг ; [Пер. с англ. Е. Мельниковой]. – СПб. : Амфора, 2009. – 734 с.
3. Лессинг Д. Лето перед закатом : роман / Дорис Лессинг ; [Пер. с англ. И. Якушиной]. – М. : Эксмо, 2008. – 256 с.
4. Лессинг Д. Марта Квест : роман / Дорис Лессинг ; [Пер. с англ. Т. А. Кудрявцевой]. – М. : Эксмо, 2008. – 432 с.
5. Франц М.-Л. Процесс индивидуации / Мария-Луиза фон Франц // Юнг К. Г. Человек и его символы. – М. : Москва : Университетская книга, 1997. – 368 с.
6. Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов / Карл Густав Юнг. – Киев: PostRoyal, 1996. – 384 с.
7. Юнг К. Г. Попытка психологического истолкования догмата о Троице / Карл Густав Юнг // Юнг К. Г. Ответ Иову. – М. : Канон, 1995. – С. 5-107.
8. Юнг К. Г. Психология и алхимия / Карл Густав Юнг. – М. : Рефл-бук, 2003. – 592 с.
9. Юнг К. Г. Психология бессознательного / Карл Густав Юнг. – М. : Канон, 1994. – 319 с.
10. Юнг Э., Уилрайт Дж., Нойманн Э. Анима и Анимус: [сборник] [Электронный ресурс] / Эмма Юнг, Джэн Уилрайт, Эрих Норманн. – М. : МААП, 2008. – Режим доступа к сборнику : <http://jungland.net/node/2947>.
11. Cederstrom L. Jungian Archetypes in 20th Century Women's Fiction : The Persona, the Shadow, the Animus and the Self / Lorelei Cederstrom. – New York : Edwin Mellen Press, 2002. – 304 p.
12. Doris Lessing Conversations ; ed. by E. G. Ingersoll. – Windsor : Ontario Review Press, 1994. – 237 p.
13. Lessing D. A Proper Marriage : A Novel [Электронный ресурс] / Doris Lessing. – (Children of Violence). – New York : Harper Collins ebooks. – 448 p.

12. Lessing D. A Ripple from the Storm : A Novel [Электронный ресурс] / Doris Lessing. – (Children of Violence). – New York : Harper Collins ebooks. – 2010. – 336 p.
 13. Lessing D. Landlocked : A Novel [Электронный ресурс] / Doris Lessing. – (Children of Violence). – New York : Harper Collins ebooks. – 2010. – 352 p.
 14. Lessing D. The Four-Gated City : A Novel [Электронный ресурс] / Doris Lessing. – (Children of Violence). – New York : Harper Collins ebooks. – 2010. – 672 p.
 15. Schlueter P. The Golden Notebook / Paul Schlueter // Doris Lessing ; ed. by H. Bloom. – (Bloom's Modern Critical Views). – Broomall : Chelsea House Publishers. – P. 27-60.
 16. Lessing D. The Summer Before the Dark / Doris Lessing. – New York : Alfred A. Knopf, 1973. – 277 p.
- Scott L. Lessing's Early and Transitional Novels: The Beginnings of a Sense of Selfhood [Электронный ресурс] / Linda Scott // Deep South. – 1998. – Vol. 4, No. 1. – Режим доступа к статье : <http://www.otago.ac.nz/deepsouth/0498/0498lynda.htm>.

Mikolaychik M. The Archetype of the Self in Doris Lessing's Novels // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 2. – P.177-184

The article highlights previously undiscussed aspects of the Jungian self archetype as it is manifested in Doris Lessing's The Golden Notebook, The Summer Before the Dark and the Children of Violence series. The author starts by outlining the Jungian concept of the archetype of the self, summarizing the findings of previous research into the issue and explaining the expedience of her research whose results are provided further in the article. The author shows how the novelist represents the complicated and paradoxical nature of the self archetype as the wholeness, the starting point, the ultimate goal and the regulating centre of the psyche, fully in accordance with the Jungian concept of the self. A particular emphasis is made on two facets of the self archetype as the wholeness and the regulating centre, which acts through a person's dreams, visions, fantasies and intuitive insights. Three functions of Lessing's heroines' dreams and visions are revealed, namely reflecting their current mental state, guiding them through their individuation process and/or predicting the future. A number of dreams described in The Golden Notebook, The Summer Before the Dark and the Children of Violence series are interpreted in the article using the Jungian archetypal approach. Some pivotal images are also highlighted which symbolize the three heroines achieving their wholeness and selfhood as a result of the personal individuation process.

Keywords: *archetype, self, individuation, symbol, quaternary, dream analysis, psychologism.*

Поступила в редакцию 01.10.2014 г.

УДК 821.131.1-31 «20/21»:82'01

**Неомифологизм Бернара Вербера
в романе «Последний секрет»**

Семенец О. С.

*Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского,
г. Симферополь, Республика Крым
semenetsOS@yandex.ua*

В статье на примере романа Бернара Вербера «Последний секрет» рассмотрены черты неомифологизма в мидл-литературе рубежа XX-XXI веков. Мифологизм Бернар Вербер сочетается с психологизмом, и продиктован современной социокультурной ситуацией. Романы писателя, удачно соединяющие миф и науку, физику и метафизику, выполняют четыре основные функции: развлекательную (массовая литература), просветительскую (мидл-литература и поп-наука), коммуникативную и функцию активизации воображения и познавательной деятельности реципиента (элитарная литература).

Ключевые слова: Франция, Бернар Вербер, рубеж XX-XXI веков, неомифологизм, Одиссей, рецепция, интертекст.

На современном этапе развития культуры только оформляется новая парадигма художественности (совокупности убеждений, ценностей и технических средств (В. И. Тюпа [5]), совершаются попытки синтезировать опыт прошлого, найти новые ценностные ориентиры. Художники слова сегодня стараются не только вербализировать своё мировосприятие, но выйти в широкий диалогичный контекст предшествующей, современной и будущей литератур. Стремление создать новый тип творчества, который бы способствовал наибольшему самовыражению автора и удовлетворял «горизонты ожидания читателя» (Х. Яусс [11]), формируя при этом модель нового возможного реципиента, актуализирует симбиоз элитарной и массовой культур и требует гармоничного их объединения. В современной научной мысли появляются работы представителей поп-науки, которая, по определению А. Я. Флиера, «является плодом сращения, с одной стороны, вполне объективных и значимых фактологических оснований академического научного знания, с другой стороны, специфической интерпретации этого знания, которая тем или иным образом нацелена на решение социальных задач массовой культуры — развлечение читающей публики» [6, с. 32]. В литературной иерархии новейшей литературы появляются новые дефиниции – актуальная и мидл-литература («тип словесности, стратификационно располагающийся между высокой, элитарной, и массовой, развлекательной, литературами, порождённый их динамичным взаимодействием и по сути снимающий извечную оппозицию между ними» [7]).

К последнему из обозначенных типов словесности, по мнению автора статьи, относится и творчество современного французского писателя Бернара Вербера (1961 г.), книги которого расходятся миллионными тиражами и переведены более чем на тридцать языков, единственного писателя, обладателя премии Жюль Верна.

Начав свою литературную деятельность как писатель-фантаст (трилогией «Муравьи»), он вскоре расширил читательскую аудиторию, обратившись к мифологии и эзотерике, соединив научные факты с вымыслом, физику – с метафизикой, математику – с мистикой. Вплетая в ткань повествования достижения поп-науки, усложняя и модернизируя матрицу детективного жанра, писатель успешно выполняет сразу несколько задач – интеллектуальное развлечение, развитие воображения и познавательной активности читателя.

Популярность Б. Вербера у зарубежного и отечественного читателя (представителя «офис-интеллигенции»), отсутствие специальных исследований, посвященных месту писателя в литературном пространстве современности и особенностям поэтики его романов (одна лингвистическая диссертация Глазковой А. В.) определили объект нашего исследовательского интереса.

Исследовательская оптика продиктована увеличением удельного веса античного мифологического компонента в прозе писателя, о чем свидетельствуют названия большинства его романов (трилогия «Мы, Боги», «Ганатонавты», «Смех Циклопа», «Зеркало Кассандры» и др.). К тому же, анализ классических (А.А. Потебня, А.Н. Веселовский, А.Ф. Лосев, О.М. Фрейденберг, Е.М. Мелетинский, Д.В. Затонский) и новейших (Ж. Дюран, Р. Трусон, П. Альбуя, Г. Фесье, П. Брюнель, Ш. Фукрие, О. Гальчук, Г. Драненко) мифокритических работ, посвященных соотношению понятий «миф» и «литература», свидетельствует о неугасающем интересе современных исследователей к способам и целям функционирования мифа в художественном произведении. Присутствие мифа рассматривается с разных точек зрения: и как трактовка мифологического сюжетно-образного материала, и как форма полимпсестического письма, в котором миф выступает интертекстом, и как фактор проявления явлений мифопоэтики и мифотворчества. Активизация междисциплинарных связей между разными отраслями гуманитарных знаний значительно расширяет современный мифокритический инструментарий. Продуктивной в нашем исследовании является пересечение мифокритики с рецептивной теорией и теорией интертекстуальности.

Предметом анализа в предлагаемой статье является специфика неомифологизма в романе Б. Вербера «Последний секрет», поскольку роман как приемник мифологического повествования и эпопеи, «занял в современном обществе место, которое когда-то занимали рассказы мифов и сказок в народе» [8, с. 220]. О вездесущности мифа и, как следствие, необходимости выявления его присутствия в ткани художественного произведения говорит и французский литературовед-мифолог Ж.-И. Тадье, отмечая, что «художественное повествование либо полностью мифологично, либо оно содержит мифы в форме «текст в тексте», или присутствие мифа сокрыто и читается лишь в некоторых отрывках фабулы либо в некоторых персонажах. Миф может даже рассыпаться в произведении дождем символических искр» [12, с. 147].

Обращение к мифу в литературе не ново и давно стало предметом многочисленных литературоведческих студий. Характер его функционирования и каналы трансляции мифологического материала разнообразны и специфичны в разные культурно-исторические эпохи (смотрите работу Е. Мелетинского «Поэтика мифа» [4]), однако неомифологизм XX – начала XXI века обладает рядом отличительных черт и носит глубоко рефлексивный характер.

В романе «Последний секрет» параллельно развиваются две сюжетные линии, пересекающиеся в конце повествования и в своем единстве обеспечивающие реализацию основных функций мидл-литературы (развлекательную, просветительскую, познавательную). Мифологический компонент присутствует в обеих линиях, однако его качество и количество различны. Поскольку

неомифологические тексты обращены, прежде всего, к современности, то и соотношение мифологического и исторического в них разное. Так, в первой сюжетной линии мифологический материал количественно представлен в виде разбросанных в тексте отдельных мифологем и мифологических образов, намекающих на возможность мифологической интерпретации изображаемого, а во второй на основе мифологического сюжета строится все повествование. Миф в данном случае является «языком-интерпретатором истории и современности, а эти последние играют роль того материала, который является объектом упорядочивающей интерпретации» [10, с. 43].

Первая линия, как мы уже говорили, выполняет развлекательную и просветительскую функцию и удовлетворяющая читательские ожидания широких масс. Обеспечение досуга читателя реализуется в сюжетной матрице детективного жанра по легко узнаваемой схеме убийство – аматорское расследование – раскрытие преступления, однако хранит «память жанра» и, как замечали Лотман Ю.М., Минц З.Г., Мелетинский Е.М., «некоторые виды и жанры художественной литературы – эпос, рыцарский и плутовской роман, циклы «полицейских» и детективных новелл – особенно тяготеют к «мифологичности» художественного построения» [3, с. 59].

Просветительская задача автора состоит в реализации коммуникативного акта между античностью и настоящим. В век стремительного развития информационных технологий, когда информация доступна всем и каждому в неимоверном объеме, общество сталкивается с проблемой отсутствия времени для потребления этой информации. Другими словами, имея огромную домашнюю библиотеку, человек не успевает прочесть ни одной книги. Плюс, новая информация, необходимая для профессиональной деятельности и карьерного роста индивида, оттесняет основополагающие, фундаментальные знания на маргиналии интеллектуальных потребностей. В результате этого сегодня мы имеем поверхностный характер, а подчас и вовсе мизерный объем базовых гуманитарных знаний. Просветительская деятельность Б. Вербера в этом случае реализует основную социокультурную задачу: не угнетая и не обременяя читателя, в занимательной форме, пусть даже и в сжатом виде, познакомить его с основными гуманистическими идеями.

Так, например, загадка смерти Феншэ кроется в недрах психиатрической лечебницы, расположенной на острове Святой Маргариты. Чтобы туда попасть, журналисты обращаются за помощью к перевозчику по имени Умберто, транспортирующему больных, их родственников и врачей на остров. Чтобы убедить моряка доставить сыщиков на остров, Исидор обращается к нему с такими словами:

«- Ваша лодка называется «Харон». В греческой мифологии Хароном звали перевозчика, который перевозил умерших на своей барке «Ахерон» через адскую реку.

- Только то судно соединяло мир мертвых с миром живых, а это – мир разума с миром безрассудства.

Исидор подходит к моряку и шепчет:

- Кажется, мифологический Харон был не прочь взять с собой на барку тех, кто держал в зубах плату за перевозку.

Журналист вытаскивает три купюры по десять евро и зажимает их между зубами» [1, с. 78-79].

Такие же экскурсии в античную мифологию (например, о Циклопе, Зевсе, Дионисе, Одиссее, Эоле, Троянском коне др.) вплетаются писателем в ткань повествования в развлекательной форме, причём, герои не стесняются своего незнания и часто ищут нужную информацию в интернете. Этот приём позволяет сократить дистанцию между главными героями и читателем, который соотносит себя с первыми, получает информацию и не испытывает таких трудностей, как при рецепции произведений

элитарного искусства. Б. Вербер же таким образом заполняет лакуны в гуманитарных знаниях читателя, поднимая его на более высокий интеллектуальный уровень и параллельно готовя свою читательскую аудиторию к более сложной рецепции другого сюжета.

Вторая сюжетная линия, повествующая о событиях прошлого, ориентирована на читателя, обладающего основательными энциклопедическими знаниями и «интертекстуальной компетенцией» (У. Эко). Это история Жана-Луи Мартена, выжившего в автокатастрофе, но в результате полученных травм страдающего синдромом внутренней блокировки – «LIS. Это английский термин, который обозначает Locked-In Syndrome, ...головной мозг работает, но остальная периферическая нервная система больше не реагирует» [1, с. 53]. Имея один «рабочий» глаз и ухо, пройдя стадии отрицания, депрессии и смирения, Ж. Л. Мартен решает действовать и реализовать свой внутренний потенциал, даже будучи заточенным в собственном теле. Для жизни в новом статусе он берет себе псевдоним Одиссей или Улисс (латинский вариант греческого имени), потому что «Ulisse = U-Lis. ... U, греческий префикс, который означает «нет», как u-topia, или u-chronia. U-lysse – это противоположность LIS. Пример Одиссея поможет мне бороться с болезнью» [1, с. 183]. Как следствие, «Жан-Луи Мартен начал с того, что поменял псевдоним. «Овощ» умер, комплекса у него больше не было. Он решил стать героем фильма о своей жизни. Он был U-lis. Пришло его время быть сильным, хозяином своей мысли, хозяином своего мозга» [1, с. 184].

Здесь миф об Одиссее выступает универсальным шифр-кодом, проясняющим явления современности. Однако авторская рецепция античного мифологического текста не может быть изолированной и включает в себя опыт художественных рецепций в диахронном и синхронном срезе мировой культуры. Поэтому отголоски рецепций мифологического сюжета гомеровской «Одиссеи» в живописи (Г. фон Бален, Рубенс, Тьеполо, Коринт, Пикассо), опере (Монтеверди, Глюк), драме (Г. Сакс, Кальдерон, Г. Гауптман) и романе (А. Моравиа, Г.К. Кирше, Х.Э. Носсак, В. Йенс, Л. Фейтсвангер, Дж. Джойс) присутствуют и у Б. Вербера. «Улисс» Дж. Джойса даже упоминается в одном из эпизодов романа: «Весь центр [библиотеки – прим. С.О.] полностью забит книгами об Одиссее. Анализ символики «Одиссеи», «Улисса» Джойса, карта, на которую нанесены вероятный путь греческого моряка» [1, с. 133].

Также, на интерпретативную стратегию писателя влияет социокультурный контекст эпохи. Использованный мифологический сюжет наполняется новым социально-философским содержанием и используется как матрица для объяснения и структурирования хаоса в космос. По утверждению Е. Мелетинского, в неомифологическом повествовании «философия, наука и искусство стремятся к синтезу и влияют друг на друга значительно сильнее, чем на предыдущих этапах развития культуры» [3, с. 60].

Так, Мартен-Одиссей отправляется в путешествие по чертогам разума, преследуя благородную цель. Он хочет найти способ так мотивировать больного, чтобы направить его сумасшествие в правильное русло, сделать его полезным и даже незаменимым для общества, вернуть его с маргиналов общества, куда реалии постиндустриальной эпохи отправляют человека, не вписывающегося в заданные рамки и не приносящего доход. Образцом для него становится Сальвадор Дали, сумасшедший гений, совершивший переворот в искусстве. Перекопав гигабайты информации, изучив психиатрию, нейрохиргию, кибернетику и многое другое, он находит то, что искал. Помогает Мартену в этом компьютерная система, подключенная к его единственному функционирующему органу – мозгу, по имени Афина. В их виртуальных диалогах обнаруживаются зачатки философии новой протоглобальной цивилизации – «технософии» (technosophy). В своей работе «Знак

пробела» М. Эпштейн, размышляя о будущем гуманитарных наук, дал следующее определение «технософии»: это «дисциплина, изучающая «мудрость» техники и одновременно духовная сторона самой техники как предмет изучения. Технософия раскрывает связь техники с иными планами бытия, которые трактуются метафизикой, теологией, софиологией. Технософия не есть просто философия техники, как один из тематических разделов философии; это теоретическая и практическая попытка соединить «техно» и «софию», сумму теологии с суммой технологии» [9, с. 772]. Афина Б. Вербера эволюционирует, усовершенствует заданные параметры и постепенно начинает самостоятельно мыслить, предлагая «своему» Одиссею другой вариант будущего миропорядка, в котором государством будет править мудрая машина – «президент Компьютерной республики» [1, с. 310]. В сотрудничестве и противостоянии человека с машиной, которые не могут друг без друга существовать, обнаруживается вербализация хоррористического мироощущения человека на пороге нового тысячелетия. Оно четко сформулировано Фэшнэ незадолго до смерти: «Думаю, мы переживаем переходный период, все становится возможным, нет больше технических границ в расширении человеческого разума, единственное, что замедляет это расширение, – наши страхи, архаизмы, наши блокировки и предрассудки» [1, с. 159].

Особенностью художественной организации неомифологического текста Б. Вербера, помимо поэтики цитат, реминисценций и аллюзий к мифотексту, становятся научно-познавательные экскурсы. Детальные описания с использованием отраслевой профессиональной лексики органично сочетаются в романе с фантастическим мифологическим сюжетом. Все эти черты характерны неомифологическому мышлению писателя, мастерски соединяющему физику и метафизику, рациональную науку и миф.

Возвращаясь к поэтике мифологизма, следует отметить, что писатель использует в романе все формы функционирования в тексте мифологического интертекста (цитаты, ссылки-референции, аллюзии и реминисценции, пародирование). Так, псевдоним главного героя – Одиссей, искусственный интеллект он нарекает Афиной, программы-поисковики – «моряками», Феншэ – это современный Телемах, жена Изабелла – Пенелопа. Назвав машину Афиной, писатель устами Мартена дает ссылку-референцию на античный миф, согласно которому Афина, богиня мудрости, покровительствовала Одиссею. Читатель, обладающий более серьезной «интертекстуальной компетенцией» (У. Эко) увидит аллюзию к нераскрытому в тексте аспекту мифа, повествующему о том, что Афина также появилась из головы Зевса (искусственный разум ожил, подключившись к мозгу Мартена) и была также богиней войны (эта ее сущность прослеживается в революционном характере ее мыслей).

В неомифологических текстах трансцендентной силой, господствующей над человеком, выступает уже не внешняя природа, а сотворенная им самим цивилизация, отчего мифологическое мироощущение приобретает преимущественно не героический, а трагический или даже трагифарсовый, гротескный характер. Как в мифологическом гипотексте все странствия Одиссея имеют инициатический характер, так и Ж.-Л. Мартен проходит все инициационные испытания-ритуалы, отображающие становления героя-полубога нового тысячелетия – симбиоза человека и машины. После смерти тела в аварии он из Мартена превращается в «Овощ» (его первый псевдоним). Справившись с отвращением к себе, он устремляется в будущее в поисках своей Итаки (Последнего секрета) и нарекает себя «Одиссеем». Однако ненамеренное убийство им Феншэ-Телемаха, младшего героя, помогающего Мартену в поисках Последнего секрета, переводит его в разряд «Никто» (именно под этим именем героя знают обитатели больницы, где он живет). Именно ничем

он и становится, когда в наказание за отнятую жизнь Мартена лишают собственной, виртуальной, жизни. Его отключают от компьютера и возвращают в лоно семьи, к Изабелле-Пенелопе.

Проведенный анализ позволяет прийти к следующим выводам. Мифологизм прослеживается в «Последнем секрете» Бернара Вербера» на всех уровнях художественной организации текста в виде интертекстов различной сложности и глубины. Мифологический сюжет о путешествиях Одиссея становится мироструктурирующей матрицей, на основе которой гармонизируется действительность. Использование античного мифологического материала удовлетворяет потребности современного среднестатистического читателя, стремящегося не только организовать свой интеллектуальный досуг, но и активизировать познавательную деятельность. Популярность такой литературы свидетельствует о стремлении индивида на основе накопленных знаний создать новый, современный свод мифологических представлений о «внешнем мире», окружающем среду массовой культуры: о мироздании, о социальной реальности, об истории, о возможностях человека. По разделяемому нами мнению А. Я. Флиера, такая мифология затрагивает темы, волнующие общество, а потому пользуется общественным вниманием и успехом.

Список литературы

1. Вербер Б. Последний секрет / Б. Вербер ; [пер. с фр. Ю. Ватагиной]. – М. : GELEOS Publishing House (Кэпитал Трейд Компани): РИПОЛ Классик, 2011. – 384 с.
2. Драненко Г.Ф. Міф як форма сенсу та сенс форми. Міфокритичне прочитання творів Б.-М. Кольтеса : монографія / Г.Ф. Драненко. – Чернівці : Чернівецький нац. ун-т, 2011. – 440 с.
3. Лотман Ю.М., Минц З.Г., Мелетинский Е.М. Литература и мифы // Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2 т. / Под ред. С.А. Токарева. – М. : Сов. энциклопедия, 1992. – Т.2. – С.58–65.
4. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа / Е.М. Мелетинский. – М. : Наука, 1976. – 407 с. – (Серия «Исследования по фольклору и мифологии Востока»).
5. Тюпа В. И. Парадигмы художественности (конспект цикла лекций) / В. И. Тюпа // Дискурс. – 1996. – № 3–4. – С. 175–181.
6. Флиер А. Я. Поп-наука : между познанием и развлечением / А. Я. Флиер // Знание. Понимание. Умение. – 2013. – № 1. – С. 32–44.
7. Чупринин С. И. Жизнь по понятиям : русская литература сегодня [Электронный ресурс] / С. И. Чупринин. — М. : Время, 2007. — 766 с. – Режим доступа : <http://skaz.rgo/Полная-версия/Чупринин-Сергей/>
8. Элиаде М. Аспекты мифа / Мирча Элиаде ; Пер. с фр. Большакова. – М. : Инвест-ППП, 1996. — 240 с.
9. Эпштейн М. Знак пробела : О будущем гуманитарных наук / Михаил Эпштейн. — М. : Новое литературное обозрение, 2004. — 864 с.
10. Ярошенко Л.В. Неомифологизм в литературе XX века : Учеб.-метод. пособие / Л. В. Ярошенко. – Гродно : ГрГУ, 2002. – 103 с.
11. Яусс Х. Р. История литературы как провокация литературоведения / Ханс Роберт Яусс; Пер. с нем. и предисл. Н. Зоркой // Новое литературное обозрение. – 1995. – № 12. – С. 34-84.
12. Tadie J.-Y. Le recit poetique / Jean-Yves Tadie. – Paris : Gallimard, 1994. – 206 p.

Semenets O. Mythologism by Bernard Werber in the novel «The last secret» // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 2. – P.185-191

In the article based on the novel by Bernard Werber «The Last Secret» we consider the features of neomythology in the middle-literature of XX-XXI centuries. The relevance of this study is dictated by the absence of a specific literary studies of the works of this writer, and a tendency of convergence of mass and elite literatures, observed in the last third of the last century. Mythology critics has allowed the author, bringing the latest developments of intertextual and receptive theories to trace at what levels, and for what purpose the writer weaves mythological intertext into the fabric of the narrative art. The analysis has led researchers to several conclusions.

Bernard Werber is trying to create a new myth, but the mythological thinking is not naively unconscious but deeply reflective. Mythologism is combined with a psychological insight, and prompted by the contemporary socio-cultural situation, when a person surrounded by people remains alone and the only way for him or her to fulfill themselves becomes possible only in the depths of the World Wide Web.

His Odysseus embarks on a journey not to the sea in the search of the way home, but honed in his own body (paralyzed and not being able to speak) he virtually explores all the mysteries of the brain with the help of a computer named Athena which is connected to his head. In the neomyth the transcendent power dominating a man is not the nature but a civilization created by him (artificial intelligence that speculates on the enslavement of the world), for that reason the mythological world view primarily becomes not heroic but tragic or even tragically farcical, grotesque.

Odysseus by Werber does not have any heroic traits, his exploits in the name of the science turn out to be defeats (opening Pandora's box, having mastered the last secret), and he returned home to the bosom of his family being a «vegetable». In the same condition he was before he took the pseudonym Odysseus-Ulysses. From the point of view of the reader's query novels by Bernard Werber contain a significant portion of the mythological component the use of which successfully performs three main functions: entertaining (using the matrix of a detective genre), inherent in the popular literature; educational (information-rich excursions into the ancient mythology, philosophy, literature), more typical for middle-literature and popular science; communicative, which carries out a dialogue between distant epochs, where the myth about Odysseus is an interpretative medium designed to streamline and harmonize existing world order; activating imagination and cognitive activity of the recipient inherent in the elitist literature and allowing him to overcome the fears of a man on the way to becoming a new civilization.

Keywords: *France, Bernard Werber, XX-XXI centuries neomythology, Odysseus, perception, intertext.*

Поступила в редакцию 15.08.2014 г.

РАЗДЕЛ 6. РЕЦЕНЗИИ

УДК 821.161.1:82-43

Рецензия
на монографию С. О. Курьянова
«...тайный ключ русской литературы...» (Генезис, структура
и функционирование Крымского текста в русской литературе X–XIX веков)»
(Симферополь: Бизнес-информ, 2014. – 424 с.)

Русская классическая литература (от Пушкина до Чехова) тщательно изучена в самых разных ракурсах: биографами, текстологами и комментаторами произведений, их аналитиками и интерпретаторами. «Фронт» конкретных исследований достаточно широк. Наука о литературе на сегодняшний день располагает многочисленными работами о том, как воспринималось и осмыслялось творчество русских писателей-классиков за пределами их времени.

Вместо с тем всё очевиднее становится необходимость изучения мира смыслов и значений, которые обнаруживает себе русская литература. Тем более, что современный научный подход не предлагает исключительно единственную интерпретацию произведения, а важнейшую роль в этой семантической множественности играют не только художественные средства, но и точка зрения воспринимающего сознания читателя, критика, литературоведа. В этой связи обращение Курьянова С. О. к анализу Крымского текста представляется задачей сложной, смелой и перспективной одновременно. Изучение особенностей Крымского текста в истории русской литературы как художественной системы представляет собой чрезвычайно важное значение для теории и истории литературы и шире – культуры.

Недостатка в толкованиях термина «текст», «локальный» или «провинциальный» текст после работ В.Н. Топорова, Д.С. Лихачёва, Ю.М. Лотмана, К.А. Долинина, А. П. Люсого, С.И. Гиндина, В. В. Абашева, И.С. Вейсман, Л.М. Гаврилиной, Г.С. Кнабе, Н.Е. Меднис и др. нет. Огромная работа проделана учёными в исследовании региональных (локальных, топосных) текстов. Первым признаком, консолидирующим усилия отечественных исследователей, являются достижения современной филологической школы Таврического университета, актуализировавшей исследования крымского текста, вклад кафедры русской и зарубежной литературы университета, стараниями которой регулярно проходят многолетние международные научные конференции Крымские Пушкинские чтения, Ахматовские, Волошинские, Гриновские, Чеховские, Шмелевские чтения. А исследования В.П. Казарина, М.А. Новиковой, Л.М. Борисовой, Г.А. Зябревой, И.М. Богоявленской, Н.А. Кобзева, Л.А. Ореховой, Н.А. Ищенко и др. свидетельствуют, что явление локального текста (крымского), уже не кажется неисследованной территорией, требующей решительных теоретических усилий.

Более актуальной становится необходимость осмыслить феномен текста в единстве разноположенных концепций и представлений. Не случайно Ю.М. Лотман рассматривает дефиницию «текст», как одну из наиболее употребляемых в науках гуманитарного цикла: «Лавинообразный рост их частотности в научных

текстах сопровождается утратой необходимой однозначности. Они не столько терминологически точно обозначают научные понятия, сколько сигнализируют об актуальности проблемы, указывают на область, в которой рождаются новые научные идеи» [1, с. 58].

Представленная монография, полагаю, находится в русле, обозначенной Лотманом проблемы: назревшей необходимости на современном методологическом уровне обобщить накопленный эмпирический материал, связанный с характером отображения Крыма в творчестве русских писателей, а также важностью выявления содержательных доминант Крымского текста в их произведениях и не только с «крымской» тематикой.

Несмотря на исключительное обилие разнообразной историко-литературной, искусствоведческой, краеведческой и иной литературы о важной роли Крыма в творчестве крупнейших русских писателей, сегодня отсутствуют *литературоведческие* монографические исследования о системном выделении особого «Крымского текста», дополняющего пространство русской картины мира.

В связи с этим подчеркнута актуальность представленного научного исследования, которое является суммирующим исследованием Крымского текста с момента его возникновения до начала XX века.

Автор монографии дает развернутое представление о генезисе, структуре и функционировании Крымского текста в русской литературе.

Структура монографии, состоящей из пяти глав, выгодно подчеркивает широту научного осмысления материала и глубину научного поиска, показывает как шло формирование Крымского мифа, а затем и Крымского текста от начала русской письменности. эволюцию Крымского текста от конца XVIII – начала XIX века до реалистических принципов его формирования во второй половине XIX – начале XX века.

Монография С. О. Курьянова «... тайный ключ русской литературы...» (Генезис, структура и функционирование Крымского текста в русской литературе X–XIX веков) – самостоятельное актуальное научное исследование, развивающее перспективное научное направление, соответствует всем современным научным стандартам – несомненно станет заметной вехой среди многочисленных современных литературоведческих и культурологических исследований по проблемам топосного (регионального, локального) сверхтекста.

Список использованных источников

1. Лотман Ю. М. Текст в тексте [Текст] / М. Ю. Лотман // Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства / Предисл. С. М. Даниэля, сост. Р. Г. Григорьева. – СПб. : Академический проект, 2002. – С. 58–78.

Кочетова С. А.

*доктор филологических наук,
профессор кафедры зарубежной литературы,
декан факультета французского и русского языков
Горловского института иностранных языков ГВУЗ
«Донбасский государственный педагогический университет»
sakochetova@mail.ru*

Поступила в редакцию 27.06.2014 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Алиева
Васфие Николаевна** кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым
- Богданович
Ольга Игоревна** ассистент кафедры межкультурных коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврического национального университета имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым
- Валеева
Людмила Владимировна** кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания Таврического национального университета имени В. И. Вернадского; доцент кафедры журналистики филиала МГУ имени М. В. Ломоносова в г. Севастополе, г. Симферополь, Республика Крым
- Величко
Наталья Валентиновна** кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы филиала МГУ имени М. В. Ломоносова в г. Севастополе, г. Севастополь, Республика Крым
- Власенко
Марина Васильевна** аспирант факультета иностранной филологии Запорожского национального университета, г. Запорожье, Украина
- Володченко
Ольга Николаевна** кандидат наук по социальным коммуникациям кафедры межкультурных коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврического национального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Республика Крым
- Грозьян
Нина Федоровна** кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой украинской филологии РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь, Республика Крым
- Доминенко
Наталья Викторовна** кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков гуманитарно-филологических факультетов факультета иностранной филологии Таврического национального университета имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым
- Казарин
Владимир Павлович** доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы факультета славянской филологии и журналистики Таврического национального университета имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Карпенко Анна Владимировна	кандидат философских наук, доцент кафедры иностранных языков социально-экономических факультетов Таврического национального университета имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым
Каширина Мария Михайловна	аспирантка кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврического национального университета имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым
Кислухина Марина Викторовна	кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков гуманитарно-филологических факультетов факультета иностранной филологии Таврического национального университета имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым
Колесникова Ольга Вячеславовна	кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания филологических дисциплин факультета славянской филологии и журналистики Таврического национального университета имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым
Кочетова Светлана Александровна	доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной литературы, декан факультета французского и русского языков Горловского института иностранных языков ГВУЗ «Донбасский государственный педагогический университет», г. Горловка, Украина
Курьянов Сергей Олегович	кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы факультета славянской филологии и журналистики Таврического национального университета имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым
Мащенко Александр Петрович	кандидат филологических наук, доцент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврического национального университета имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым
Мезенко Анна Михайловна	доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общего и русского языкознания Витебского государственного университета имени П. М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь
Миколайчик Маргарита Владимировна	преподаватель кафедры иностранных языков социально-экономических факультетов Таврического национального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Республика Крым

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Надьярова Елена Шукриевна	студентка факультета славянской филологии и журналистики Таврического национального университета имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым
Новикова Марина Алексеевна	доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы факультета славянской филологии и журналистики Таврического национального университета имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым
Ресутова Эльвира Илимдаровна	аспирантка факультета крымскотатарской и турецкой филологии РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь, Республика Крым
Савченко Любовь Васильевна	доктор филологических наук, профессор кафедры украинской филологии факультета славянской филологии и журналистики Таврического национального университета имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым
Сегал Наталья Александровна	кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания Таврического национального университета имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым
Семенец Ольга Сергеевна	кандидат филологических наук, докторант, ассистент кафедры русской и зарубежной литературы Таврического национального университета имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым
Хынкота Татьяна Николаевна	студентка факультета славянской филологии и журналистики Таврического национального университета имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым
Чевела Ольга Всеволодовна	доктор филологических наук, профессор Казанской духовной семинарии Казанского государственного медицинского университета, г. Казань, Россия
Ященко Татьяна Антоновна	доктор филологических наук, профессор кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврического национального университета имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ.....	3
<i>Богданович О.И.</i> Региональное информационное пространство Крыма: реалии и вызовы времени.....	3
<i>Володченко О. Н.</i> Технологии по формированию позитивного туристического имиджа в средствах массовой информации.....	10
<i>Мащенко А. П.</i> «Крымскотатарский компонент» образа Крыма в американских СМИ (1991-2013 годы).....	16
РАЗДЕЛ 2. ЯЗЫК И СТИЛЬ СМИ, ТЕКСТОВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ.....	26
<i>Алиева В. Н.</i> Звукоподражания современного русского языка как развивающийся разряд слов.....	26
<i>Власенко М. В.</i> Національно-культурна специфіка фразеологізмів.....	34
<i>Грозян Н. Ф.</i> Фразеологічні одиниці української мови на позначення альтруїстичної поведінки людини: ідеографічний і семантичний аспекти.....	39
<i>Каширина М. М.</i> Семантический потенциал префикса пере- как словообразовательный ресурс выражения экспрессивности в современном русском языке.....	46
<i>Колесникова О. В.</i> Представление эмоций в русской фразеологии на материале каузальных фразеологизмов.....	53
<i>Кислухина М. В.</i> Ономасиологическая структура терминов сельскохозяйственной и почвенной микробиологии (на материале английского, украинского и русского языков).....	57
<i>Надьярова Е. Ш.</i> Распространение сленговых выражений в молодежной полилингвокультурной среде.....	64

Мезенко А. М. Хортенсионим как вид топонима: статус, особенности функционирования.....	75
Ресутова Э. И. Взаимодействие и разграничение лексического заимствования и калькирования (на материале крымскотатарского языка).....	80
Савченко Л. В. Функции соматического кода культуры в формировании фразеосистемы русского и украинского языков.....	88
Сегал Н. А. Концепт «время» в современной лингвокультуре: способы вербализации в лексико-семантической системе русского языка.....	93
Чевела О.В. Феномен именованности в контексте теолингвистики.....	99
Яценко Т.А. Дискурсивный анализ причинных версий в мемуарных, дневниковых и философских текстах.....	104
РАЗДЕЛ 3. РЕГИОНАЛЬНЫЕ СМИ: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	111
Валеева Л. В. Этическая прецедентосфера новостной журналистики на телевидении г. Севастополя.....	111
Мащенко А. П. «Крымскотатарский компонент» образа Крыма в американских СМИ (<i>Крымская весна 2014 года</i>).....	118
РАЗДЕЛ 4. СОВРЕМЕННОЕ МЕДИАОБРАЗОВАНИЕ, СПЕЦИАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА ЖУРНАЛИСТОВ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ.....	128
Хынкота Т. Н. Дети и масс-медиа: перспективы украинского медиапросвещения.....	128
РАЗДЕЛ 5. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС.....	133
Величко Н. В. Крым как доминирующий элемент в языковом сознании А. П. Чехова в последние годы жизни (на материале эпистолярного наследия писателя).....	133

Доминенко Н. В. Спорные аспекты теории авторского литературного письма.....	139
Казарин В. П., Новикова М. А. Стихотворение А. А. Ахматовой «Вижу выцветший флаг над таможенной...» (Опыты реального и поэтологического комментария).....	146
Карпенко А.В. Синестезия как средство выражения символистского мироощущения.....	164
Курьянов С. О. Несколько слов о Крымском тексте (Разграничение понятий <i>Крымский мотив</i> , <i>образ Крыма и Крымская тема</i>).....	171
Миколайчик М. В. Архетип самости в романах Дорис Лессинг.....	177
Семенец О. С. Неомифологизм Бернара Вербера в романе «Последний секрет».....	185
РАЗДЕЛ 6. РЕЦЕНЗИИ.....	192
Кочетова С. А. Рецензия на монографию С. О. Курьянова.....	192
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	194
СОДЕРЖАНИЕ.....	197

Для заметок